

ЛЮБИМОЕ ЧТЕНИЕ

В. КРАПИВНИ

КОЛЕСО ПЕРЕПЁЛКИНА

Annotation

Владислав Крапивин — автор произведений, переведенных на многие языки мира.

В настоящее издание вошла современная школьная сказочная повесть, которая будет интересна как подросткам, так и более старшему поколению — любителям творчества В.Крапивина.

- [Владислав Крапивин](#)
    - [Первая часть](#)
      - [Сокровище](#)
      - [Кое-что про жизнь](#)
      - [Джунгли](#)
      - [Лестница](#)
      - [Вверх и вниз...](#)
      - [Созвучие](#)
      - [Два следа](#)
      - [Педали](#)
    - [Вторая часть](#)
      - [Крыльшки на пятках](#)
      - [Злодейство](#)
      - [Бой на Партизанской](#)
      - [Рябиновый бульвар](#)
      - [Мальчик и музыка](#)
      - [Барашков переулок](#)
      - [Легенда о Хитроумном кузнечике](#)
    - [Третья часть](#)
      - [Солнечные рельсы](#)
      - [Сергей Сергеевич](#)
      - [Марш Дунаевского](#)
      - [Под куполом старого цирка](#)
      - [Много колес и Васино Колесо...](#)
      - [«Ни слова о бабушке!»](#)
      - [Оркестр](#)
-

Владислав Крапивин
Колесо Перепёлкина

Первая часть
Не та лестница

Сокровище

Вася рыдал.

Он лежал на постели поверх смятого одеяла, бил мокрым лицом скомканную подушку и вскрикивал:

— Отдай!... Отдай!... Отдай!..

— Прекрати истерику! — вскрикивала в ответ мама. — Сию же минуту! Или я...

— Отдай!...

— Прекрати я сказала!.. Стыд какой! Парню почти девять лет, а он....

— Не почти! Не девять! Отдай!.. Ну куда ты его девала!

— Спрятала в кладовку... Утром получишь, а теперь спать!

— Не утром! Сейчас!... Сейчас же! — Вася заколотил ногами, выгнулся, ударил кулаками по одеялу, зарылся в подушку лицом. Промычал измученно:

— Ну отдай же...

— Чтобы ты опять засунул эту ржавую дрянь под подушку?!

— Не буду под подушку!. Рядом положу, на пол! Только отдай!!

— Перестань скандалить! Или я немедленно позвоню отцу! А утром... мы отправим тебя в интернат, вот!

— Хоть на каторгу! Только отдай! — Рыдание потрянуло Васю короткой судорогой. Он выговорил измученными толчками. — Отдай... Ну, по-жа-луй-ста...

В последнем слове была такая тоска, что мама беспомощно заоглядывалась. И тогда забренчал в прихожей звонок.

— Вот видишь! Кажется, ты разбудил своими воплями соседей... — Мама поспешно пошла из комнаты, а в спину ей с новой силой ударило отчаянное «отдай!».

За дверью и правда оказалась соседка. Пожилая и грузная тетя Тома.

— Яночка, извини, что поздно. Я к тебе за... О-о! А что это с Василием? — Она будто лишь сейчас услышала неудержимый плач и вскрики.

— Я не знаю! — Мама уже сама чуть не рыдала. — Он сегодня будто с ума сошел! Днем учинил скандал с завучем, убежал с уроков, всполошил всю школу... А потом притащил с помойки грязную железяку и, когда улегся спать, сунул ее под подушку. На этой ржавчине миллиарды микробов... Я отобрала, а он устроил скандал и рёв!.. — Мама судорожно оглянулась на дверь. «От-дай!..» — опять слышалось из комнаты.

Тетя Тома покачала головой.

— Яночка, но если уж так ему это надо... Ты послушай, какое в нем горе... Верни игрушку. Может для него она сейчас важнее важного, бывает такое...

Мама прижала кулачки к вискам.

— Господи, да если бы я знала... Сказала ему, что спрятала этот утиль в чулан, а на самом деле кинула в мусоропровод. Думала, к утру забудет... А сейчас разве найдешь? Контейнер наверняка уже увезли...

Мама думала, что ее сдавленный голос Васе не слышен за его шумными слезами. Но Вася как раз притих в тот миг — бывают в долгих рыданиях такие судорожные перерывы.

Контейнер!.. Его, конечно же не увезли! Машина за мусором приходит лишь рано

утром!

Камнем, пущенным из рогатки, метнулся Вася через прихожую. Мимо мамы, между косяком и отшатнувшейся тетей Томой. Холодные бетонные ступени заколотили по голым пяткам. С четвертого этажа до подъезда — две секунды! Грудью — о наружную дверь...

Сизые майские сумерки были зябкими. Наплевать! Зато контейнер — рядом. Лишь бы не случилось, что оно застряло в трубе мусоропровода! Лишь бы...

От контейнера пахло ржавым, согревшимся за день железом. Всхлипывая, Вася напряг все жиденькие мускулы, отвалил похожую на люк подводной лодки крышку. В умытое слезами лицо ударил помойный запах. Вася подпрыгнул, лег животом на режущий край, расцарапал сквозь майку живот.

От светившей у подъезда лампочки падали слабые лучи. Контейнер был полон на две трети, и Вася сразу увидел то, что искал. Оно лежало поверх тряпья, пустых бутылок и жестянок.

Вася всхлипнул еще раз и схватил маленькое старое колесо от трехколесного велосипеда. Толчком прыгнул назад, на асфальт. Прижал колесо (вернее, Колесо) к груди. Втулка твердо и радостно впечаталась под сердце. От нее вливалось в тело острое тепло.

«Я тебя нашел!»

«Дзын-нь...» — внутренним неслышным звоном отозвались твердые спицы.

«Больше я тебя никогда... никуда...» — пообещал Вася с еще одним, «остаточным» всхлипом.

«Дзын-нь, да...»

То тепло, которое вливалось в Васю от колеса, было не просто тепло. Оно было счастье. И это счастье заполнило Васю, как заполняет резиновую грелку вливаемая через ворону горячая вода. Вася готов был теперь забыть все беды, простить всем свои обиды. Он любил в этот миг всех и всё на свете. И поздние неуютные сумерки, и подслеповатую лампочку над дверью, и грязный контейнер, и черные железные столбы с веревками для белья, и желтые окна девятиэтажного дома, что громадной буквой «П» огораживал вытоптаный квадратный двор; и столпившиеся в дальнем краю двора гаражи...

— Вы хорошие... — шепотом сказал он всему, что было вокруг. — ...И ты хороший, — сказал он бесшумно пришедшему из-за контейнера тощему коту. Кот-бродяга учуял идущую от мальчишки доброту, потерся боком о его ногу, тихо муркнул. Вася присел на корочки, уперся нижним краем Колеса в колени, а на верхний положил подбородок. И стал гладить кота по свалывшейся шерсти. И даже не кота, а весь окружающий мир... Но от подъезда уже спешили к нему мама и тетя Тома.

Дело в том, что, кинувшись за Васей, они решили догнать его на лифте и там на минуту застряли. И теперь были перепуганы: вдруг не найдут! Вдруг он пропал навсегда!

— Яночка, да вот он!

— Сумасшедший мальчишка! Ты сведешь меня в гроб!

Кот, конечно, сиганул во мрак. Вася вскочил, вновь прижал Колесо.

— Не дам!

— Да оставь ты себе свое сокровище! Господи, помчался раздетый... Схватишь чахотку!

Васю привезли на лифте к дверям. Тетя Тома шумно вздохнула и покачивала головой. Мама беспомощно опустила руки.

— Ну вот, добегались. Дверь я захлопнула, а ключи-то не взяла...

— Идемте ко мне, — тетя Тома обрела решительность. — Я поищу ключи. Помнишь, зимой вы оставляли мне запасные, когда мастер проверял газовые плиты...

Все оказались в передней у тети Тома, где пахло лекарствами от заставленного склянками подзеркального столика. Тетя Тома стала шарить в выдвинутом ящике. Вася переступал на сплетенном из тряпиц половике и по-прежнему притискивал Колесо к груди. Мокрыми глазами поглядывал исподлобья на маму. А она смотрела на свое тощее всклокоченное чадо — босое, с чешуйками ржавчины на коленях и на обвисшей, как платице, майке, с грязными полосками на треугольном зареванном лице (словно и не мылся недавно!). Чтобы не зареветь самой, она собрала последние «педагогические» силы:

— Хватит цепляться за этот металлолом. Никто не отберет... Только не вздумай больше укладывать такую жуть с собой в постель....

Тетя Тома тем временем нашла ключи, крутила их на пальце. И тоже смотрела на несчастного соседа.

— Яночка, их обоих нельзя таких в постель... Ну-ка, пошли... — Она вдвинула Васю в ванную, сдернула с него перемазанную майку — оказалось, что и под ней, на животе, ржавые следы. Тетя Тома жесткой горячей мочалкой вымыла Васе живот, колени, щеки. Затем той же мочалкой, под тугой струей отмыла колесо. Пыльная резиновая шина заблестела, как новенькая. На ободке проступили следы голубой эмали, на втулке — остатки никелировки..

Вася тянул к своему сокровищу пальцы.

— Подожди. Где-то есть у меня подходящая тряпица... — Тетя Тома достала из шкафчика старую наволочку. — Вот, будет твоему колесу одежда. Ну-ка, толкай...

Упакованное в наволочку Колесо Вася опять прижал к ребристой груди. Тетя Тома тяжелой, как ватная подушка, ладонью провела по его торчащим белобрысым прядкам.

— Горюшко ты луковое... Можешь укладывать свою радость хоть под одеяло, хоть под подушку. Нету на нем теперь ни одного микроба.

Мама до этой минуты молча и виновато смотрела на сына и на тетю Тому. А сейчас спросила:

— Тамара Петровна, может быть еще в целлофановый пакет?

— Нет! — вскинулся Вася. — Пакет же не пропускает воздух! Как оно будет дышать?

Мама в тихой панике глянула на соседку. Тетя Тома свела брови: не спорь.

— Иди спать... — со стоном выдохнула мама. — Постой, я отопру дверь....

Она осталась в коридоре — излить мудрой Тамаре Петровне свои тревоги и жалобы, а Вася выключил свет, забрался под одеяло, всхлипнул самый последний раз и уложил завернутое Колесо под подушку. Пощупал сквозь ситец прямые твердые спицы.

«Тебе хорошо там?»

«Дзын-нь... да. И тебе пусть будет хорошо. Больше не плачь...»

«Не буду...»

Вася стал засыпать. В пушистой темноте закрытых глаз побежали радужные пятна, стали склеиваться в картинки.... Но за дверью опять послышались шум и голоса. Это вернулся с дежурства папа..

Сначала мама и папа о чем-то вполголоса говорили на кухне. Впрочем, понятно о чем. Потом папа осторожно шагнул к Васе, за ширму.

— Он спит, — поспешно сказала мама.

Но папа постоял, помолчал и догадался, что Вася не спит. И сел на краешек Васиного кресла-кровати. Вася прерывисто вздохнул. Он по прежнему был счастлив от того, что колесо здесь, с ним, но теперь уже примешивались и другие чувства. Царапалась тревога из-за всего, что случилось в школе (что будет завтра?) А главное — стыд за недавние отчаянные слезы.

«Но если бы не слезы, как бы я вернул тебя?» — сказал он Колесу.

«Дзынь... Ты не виноват. Ты молодец...»

Но все же виноватость не ушла, поэтому Вася тихо дышал и молчал.

— Давай мы не будем сейчас говорить долго, — вполголоса сказал папа.. — Ты, конечно, настрадался сегодня, я понимаю. Но все же скажи мне честно: куда ты подевался в школе, когда поднялся на верхний этаж?.. Только не рассказывай то, что днем. Будто отсиделся в кладовке, а потом незаметно сбежал. Никакой кладовки там наверху нет...

Вася посопел несколько секунд. Он и не собирался ничего скрывать. Потому что теперь было все равно...

— Кладовки не было... Был люк в потолке, а к нему вела приставная лесенка. Может быть, завхоз лазил на чердак и оставил. Ну, забыл, наверно... Я забрался в люк, лесенку втянул за собой, а крышку запер изнутри. То есть заложил...

— А дальше?

— А с чердака выбрался на крышу. Потом вниз по пожарной лестнице...

Папа молчал с полминуты. Вася дышал тише прежнего. Папа сказал, словно через силу:

— Если бы ты сорвался... Ты думал тогда, что будет с нами? С мамой и со мной...

Вася вздохнул опять. Длинно-длинно. И ничего не ответил. Потому что там, на крыше он думал. Именно об этом. Или даже не сам он думал, а будто кто-то сидевший внутри нашептывал ему: «...И все тогда пожалеют. И никто не станет больше ругать, никогда... Это ведь быстро. И совсем не страшно. Раскинешь руки и...» И неизвестно, что было бы сейчас, если бы не желтая бабочка... Может быть, уже абсолютно ничего бы не было...

Папа посидел еще, подержал ладонь на Васином плече. Встал. Сказал еле слышно «спи» и вышел.

Вася лежал совсем не дыша. Жаль ему было папу. И маму жаль. (И себя тоже.) Может быть, вскочить, прибежать к ним, приткнуться и заплакать опять? Но уже не

громко, а тихонько, с просьбой о прощении? Но с кухни долетели голоса — негромкие, однако раздраженные. Родители опять спорили. Скорее всего из-за него. Но какая бы ни была причина, а когда мама с папой ссорились, подходить к ним не хотелось. Потому что все нервы делались натянутые и дрожащие.

Вася нащупал под подушкой обод с твердой резиновой шиной.

«Не бойся, — отозвалось колесо. — Они сейчас перестанут. А ты засыпай. Пора уже...»

И Вася стал засыпать снова. Скоро все тревоги ушли, замелькали опять цветные пятнышки и среди них самое яркое, желтое — как та бабочка.... И сон, который пришел к Васе, был, несмотря на недавние горести, хороший. Вася видел его уже несколько раз. А теперь — снова, с самого начала.

Снилась весна. Не нынешняя, поздняя, с молодой зеленью тополей, а начальная. Такая, когда оседает талый снег, синеют среди сугробов первые лужи, а с карнизов часто и звонко сыплются капли.

Вася видел, будто он не пошел в школу из-за какой-то легкой хвори. Она, эта хворь, была такая пустяковая, что ничуть не мешала радости неожиданного отдыха. Позднее мартовское утро сияло за окном голубизной и лучами. Лучи были такие теплые, что нагрели широкий подоконник, как печку. Вася придвинул к окну стул, откинулся к спинке, подвернул до колен спортивные штаны и положил на подоконник голые ступни. Солнце сразу взяло их в пушистые ладони. Вася жмурился и радовался весне.

Но пришла мама, сказала, чтобы Вся убрал ноги с подоконника..

— Хочешь добавить себе болезни? Там дует в щели.

— Ничего не дует! Наоборот тепло, как из печки!

— Я кому сказала! Сгинь от окна!

Вася не стал обижаться (такой хороший день!). Убрал ноги с подоконника, сунул ступни в тапки, но сам придвинулся со стулом ближе к окну. За стеклом густо летели вниз искристые капли, стеклянно бились о жестяной подоконник. Наверно, они срывались с сосулек, висевших высоко под крышей, над девятым этажом. Как они ухитрились, пролетая пять этажей, не задеть косяки и балконы? Впрочем, это ведь сон....

Серые тополя и грязно-песочная стена изогнувшегося углом дома теперь были ярко-рыжими от солнца. Где-то весело кричали воробьи. На миг налетела серая тень (откуда, ведь облаков-то нет?!). «Сгинь!» — велел Вася, и тень тут же исчезла. А капли выбивали хрустальную мелодию: динь... динь... «Динькающий день», — продумал Вася. И под мелодию капели у Васи стали складываться слова:

День — динь!

Капель капель — с крыш...

Тень — сгинь!

День, стань от солнца рыж...

Наяву Вася никогда не сочинял никаких стихов (за исключением двух строчек в письме, о котором речь пройдет позже). Но эта песенка не пропала из памяти даже тогда, когда сон кончился. И мотив запомнился. Простенький такой, но славный. И Вася порой напевал эту песенку, если было хорошее настроение.

Надо сказать, Вася любил музыку. Всякую. И такую, где гитары, саксофоны и блестящие синтезаторы, и такую, где могучие оркестры, которые называются «симфонические». Потому что в этих оркестрах были замечательные инструменты. Просто дух захватывало, когда на экране их показывали крупным планом! Поющие густым голосом виолончели; похожие на коричневых от загара девчонок быстрые скрипки; сияющие золотом, волшебным изогнутые трубы; торжественно гремящие тарелки, гулкие литавры и барабаны.. А какой удивительным, загадочным был черно-белый ряд клавишей под косо вскинутым крылом рояля!...

Вася не запоминал ни названий музыки, ни тех, кто ее сочинил. Но бывало, что во время музыкальных передач замирал в кресле и умоляющим шепотом просил папу не переключать на футбол. И однажды папа сказал:

— А может быть у Василя талант? Не просмотрели ли его детсадовские педагоги?

Мама на сей раз не заспорила. Вспомнила, что сын и правда часто напевает себе под нос. Вдруг он будущий Чайковский или Иосиф Кобзон? И повела его (совсем недавно, в апреле) к знакомому музыканту. Вернее, к знакомому своей знакомой (та договорилась об этой встрече). Вася не противился, даже обрадовался. Кто знает, вдруг он и правда сумеет овладеть тайнами колдовских инструментов, которые завораживали его с экрана?

Похожий на седого дон Кихота преподаватель музыкального училища встретил маму и Васю приветливо. Нажал несколько клавишей рояля и попросил Васю повторить их звук голосом. Покивал, почему-то вздохнул. Потом предложил Все спеть песенку. Какую-нибудь попроще и всем знакомую. Вася застенялся, но пересилил себя, стал по стойке смирно и запел: «Не слышны в саду даже шорохи...»

— Спасибо, — сказал седой музыкант. И обратился к маме. — Видите ли, уважаемая Яна Феликсовна...

Оказалось, что музыкальный слух у мальчика ну, прямо скажем, не очень. Да, конечно, мальчику нравится музыка, но любить ее — это одно, а учиться на музыканта — совсем другое, здесь необходима определенная сумма природных данных.

— Яна Феликсовна, у вас замечательный сын, это видно сразу. Однако таланты его лежат, видимо, в каких-то иных сферах, не музыкальных. Я уверен, что они не замедлят обнаружить себя...

Мама была очень огорчена. Вася тоже, но все-таки меньше мамы. И главное, музыку любить он не перестал, хотя теперь стеснялся при всех «прилипнуть» к экрану, когда выступали оркестры. Приснившуюся музыку каплей он не забыл и по-прежнему напевал ее в хорошие минуты. Тем более, что мартовский день с каплей снился ему еще не раз, словно напоминал о чем-то...

Вот и теперь Вася опять видел этот сон. А потом и его продолжение, про дождик...

И пока Вася спит, есть время о многом рассказать по порядку.

Кое-что про жизнь

В школе Васю звали только по фамилии. С первого дня — «Перепёлкин» да «Перепёлкин». Виновата в этом Инга Матвеевна. Ну, может быть, и сам Вася виноват, но она все-таки больше.

Первого сентября высокая учительница с длинным красивым лицом и немигающими глазами стала знакомиться с первоклассниками. Отчетливо сказала, что будет вызывать каждого по списку и каждый вызванный должен вставать и говорить «я». И началось:

— Аннушкин Петр!

— Я!

— Барбарисова Наталья!

— Я...

— Вовченко Валерий!

— Я-а-а...

— Не «я-а-а», а твердо — «Йя»!

— Ага. Йа-а-а...

— О, Господи... Гришина Вероника!...

...Вася уже хорошо знал алфавит. И терпеливо ждал букву «П». И вот:

— Панченко Маргарита!

— Я...

— Пере... палкин Василий!

Никто не отозвался.

— Что такое? Я сказала — Перепалкин! Нет такого?

Вася подумал и нерешительно встал.

— Может быть, Перепёлкин? Тогда это я.

— Ты — Василий?

— Конечно, Василий, — разъяснил он непонятливой Инге Матвеевне. — Только не Перепалкин, а Перепёлкин. А если там написано «Перепалкин», тогда это не я. Посмотрите, пожалуйста, дальше, может быть, там есть еще и настоящий я?

— Никого больше нет! Перепалкин Василий! Значит, это ты.

— Да, но только я не...

— Я поняла! Видимо, здесь перепутались буквы, вот и все. Невелика разница.

Сядь.

Вася не сел.

— Нет, разница очень велика, — терпеливо разъяснил он, потому любил ясность. — Фамилия «Перепалкин» — это, видимо, от слова «перепалка». То есть когда люди спорят и ссорятся. А «Перепёлкин» — от слова «перепёлка», птица такая. Перепелки живут в полях и лугах. Если птенцам перепелки грозит опасность, она притворяется раненной, бежит под носом у охотника или зверя и уводит его от гнезда, нам про это еще в детском саду рассказывали.

Инга Матвеевна приоткрыла рот и наконец мигнула. И сообщила, что здесь не детский сад, а школа (которая скоро станет гимназией) и словесные перепалки между

учеником и учителем тут непозволительны. Пусть Перепал... Перепёлкин сядет и не мешает дальнейшей проверке состава класса по утвержденному списку.

Вася хотел объяснить, что вовсе не устраивал перепалку, а только пытался рассказать о разнице между ссорой и птицей, но его соседка Маргарита Панченко (умная девочка), потянула его за подол нового пиджачка. Шепнула:

— Сядь, Перепёлкин. А то хуже будет...

Вася не понял, что должно быть «хуже». Но послушался. Потому что, Инга Матвеевна вызывала уже первоклассников на другие буквы: Раскатов... Уткина... Юдин... Ярцева... И ничью фамилию больше не перепутала. Впрочем, и Васину фамилию она теперь всегда говорила правильно. И отчетливо. Других она чаще называл по имени (а по фамилии — если только сердилась), Васю же всегда: «Перепёлкин». Васю это не то чтобы огорчало, но удивляло. Однажды он поднял руку и спросил:

— Инга Матвеевна, скажите пожалуйста. Почему другим мальчикам и девочкам вы говорите «Петя», «Саша», «Лена», а мне обязательно «Перепёлкин», а не «Вася»?

Инга Матвеевна посмотрела, не мигая, и сухо сказала;

— Потому, Перепёлкин, что у нас в классе еще три Васи. Я не хочу, чтобы вы запутались.

— Но ведь Копейкину, Мохову и Сергиенко вы говорите «Вася», а мне никогда.

— Дело в том, что эти Васи не рассуждают так много, как ты. Сядь, пожалуйста. Все слушайте домашнее задание...

Вася не сел сразу. Хотел еще разъяснить Инге Матвеевне, что он вовсе не рассуждает «так много», это во-первых, а во-вторых, имя человека и любовь к рассуждениям никак не связаны друг с другом, потому что... Но Маргарита Панченко привычно дернула его за полу.

— Сядь, Перепёлкин. Опять скребешь на свою голову...

Все ребята в первом «Б» тоже звали его по фамилии, как учительница. Видимо, сперва брали пример, а потом привыкли...

В конце сентября состоялось родительское собрание. Васины мама и папа пришли на него вдвоем. Инга Матвеевна стала рассказывать родителям, как обстоят дела в первом «Б»: кто как себя ведет, кто учится старательно, а кто не очень. Про Перепёлкина сказала:

— Неглупый мальчик, да. Но то и дело пытается рассуждать. Где надо и где не надо...

— Простите, но семилетнему мальчику, наверно, еще трудно разобраться, где рассуждения нужны, а где нет, — осторожно заметила мама.

Инга Матвеевна ответила, что «если трудно, незачем этим заниматься вообще; главная задача первоклассника — сидеть и внимательно слушать учительницу».

— Но мне казалось, что способность к рассуждениям — одно из свойств, которые школа должна прививать своим питомцам, — осторожно сказал папа.

— Это свойство они обретают самостоятельно. Причем слишком рано и в больших количествах, — сообщила Инга Матвеевна. — А как быть учителю? У меня в классе двадцать восемь человек, и если с каждым я буду пускаться в словопрения, как

вести уроки?..

Мамы, папы и бабушки сочувственно загудели: в самом деле — как?

— Взять того же Перепёлкина. Недавно подымает руку и задает очередной вопрос: почему все должны учиться чтению по букварю, если многие дома уже читают толстые книжки? Я говорю: «Потому что такая школьная программа». А он: «Но ведь люди все разные, значит и программы надо сделать разные». Представляете, какой министр просвещения! Где я возьму отдельную программу на каждого? Есть утвержденные учебные планы!

— М-да... — негромко произнес папа.

— Я не понимаю: что вы хотели сказать вашим «м-да»? — спросила Инга Матвеевна.

— Я хотел сказать «м-да...» — сухо разъяснил папа.

Дома родители заспорили. Мама сказала, что своим глупым замечанием папа навсегда испортил ребенку школьную жизнь. Учительница станет «отыгрываться» на мальчике.

— Но что я сказал? Одно коротенькое слово!

— Это коротенькое слово обойдется Василию длинными бедами, на долгие годы! Она и так-то его не жаловала, а теперь...

— Но разве я виноват, что она такая ду... думает, что детей надо стричь под одну гребенку!

— Это не она, а вся школьная система! Иди со своими претензиями к министру или президенту! А учителя — несчастные люди! У них крохотная зарплата, а в классах каждый второй — дебил!

Папа сказал, что можно, он пойдет к президенту завтра или на той неделе? А сейчас он чертовски устал и хотел бы просмотреть передачу «Футбольный клуб».

Мама сказала, что футбол всегда интересовал папу больше собственного ребенка.

Папа сказал, что не всегда, а по субботам. Мама сказала...

— Василий, марш к себе! Нечего слушать, как отец говорит глупости!

Вася ушел за ширму. Там стояло навсегда раздвинутое кресло-кровать с Васиной постелью и письменный столик с лампой под желтым пластмассовым абажуром. Вася сел к столику и стал включать и выключать лампу (за окном синели ранние сумерки). Деревянная ширма (старинная, подарок тетя Тома, когда Вася родился) была с окошечками, затянутыми разноцветной бумагой. Тугая бумага усиливала любой звук (называется «резонанс»). Каждое словечко родительского скандала было слышно даже лучше, чем в комнате, хотя мама с папой старались приглушать голоса. Впрочем, Вася и не слушал, он все знал заранее, наизусть.

Эти ссоры, с чего бы ни начинались, раскручивались по одному плану. В конце концов мама обязательно скажет, что «незачем было жениться и заводить ребенка». Папа ответит, что ребенок у него замечательный, а вот мама его (то есть Васина) «при всех своих положительных качествах» кого угодно отправит на тот свет «своей женской логикой».

Вася знал, что вообще-то логика — это наука о рассуждениях, но «женская логика» — кажется, наоборот.

Наступит момент, когда мама сильно округлит ставшие мокрыми глаза (это не видно из-за ширмы, но Вася знает) и спросит полусшепотом:

— Ну почему, почему ты так меня ненавидишь?

А папа скажет «о, Господи», уйдет на кухню, сядет на табурет за холодильником и закроется газетой «Спортивный бюллетень»...

Сейчас Вася не стал ждать такого финала. Он скользнул из-за ширмы, оказался в коридоре и позвонил тете Томе.

— Можно, я у вас посижу?

— Посиди, посиди, голубчик... Что, опять поругались?

— Можно, я посмотрю журнал?

— Посмотри, посмотри... И чего их мир не берет? Культурные люди, с высшим образованием, со стороны поглядишь — сердце радуется, какая пара. А порой... Ну, ты не горюй, помирятся...

— Да знаю я...

Они, конечно, помирятся. И будут улыбаться друг другу, и виновато поглядывать на Васю, и так пройдут день-два или неделя, а потом... И опять надо сидеть у себя за ширмой или ускользать к тете Томе и листать там растрепанную подшивку журнала «Живописное обозрение». Журнал ужасно старинный, достался тете Томе еще от ее бабушки. Читать его трудно, всякие там старинные буквы, однако картинки интересные. Например, есть рисунок под названием «Соперники». Там по бурному морю мчится корабль с белоснежными парусами, а рядом с ним, у верхушек мачт — старинный самолет с полотняными перепончатыми крыльями — тоже белыми, как паруса. Вот такие были самолеты сто с лишним лет назад, как птицы.

Кто кого перегонит?

Вася был за парусник. А на самолет он смотрел с тревогой. Может, этот легонький аэроплан сперва и окажется впереди, но надолго ли? Ведь корабль может под ветром бежать сколько угодно, а в баке самолетного мотора много ли горючего? Не случится ли, что эта клеенная из реек и ткани птица не дотянет до берега? И тогда — что? Волны-то вон какие...

Инга Матвеевна не стала «отыгрываться» на Васе. Но и не хвалила за успехи. Хорошо, что в первом классе не ставят отметок, говорила она, а то быть бы Перепёлкину сплошным троечником. Лучше бы он не рассуждал по всяким пустякам, а постарательнее думал над задачками... А он больше и не рассуждал. Разве что иногда, редко. Но все равно в классе считалось, что «Перепёлкин у нас шибко умный». Наверно, поэтому и крепкими друзьями-товарищами он не обзавелся. Хотя и ссорился редко. Его почти не задирали и не дразнили, потому что Инга Матвеевна однажды сказала:

— Пожалуйста, не обижайте Перепёлкина, с плаксами надо быть осторожными.

Это был неправильно. Никакой он не плакса. Случилось, правда, что два пускал слезу от вредной дразнилки или от крепкого ушиба, но с кем не бывает? Но рассуждать с Ингой Матвеевной на эту тему Вася не стал. Тем более, что Маргарита Панченко посоветовала шепотом:

— Не связывайся, плюнь...

В общем, доучился Вася в первом «Б» до летних каникул. Дотянул, как говорится. Каникулы были замечательные. Во-первых, очень длинные, во-вторых, очень интересные, потому что Вася с мамой и папой ездил в город Бердянск, на Азовское море, к папиным друзьям. Там прожили среди южного приморского тепла целый месяц. А кроме того, по дороге заезжали в Москву, где Вася тоже насмотрелся много чего интересного. И самое замечательное было то, что родители в поездке почти не ссорились (всего четыре раза).

Домой, в родной город Осинцев, вернулись только в начале августа. Но и здесь Вася не скучал. Было тепло, как на Юге. Можно гулять целыми днями. И Вася гулял.

Осинцев — не очень большой город, но и не очень маленький. Некоторые кварталы его большущие и многоэтажные, как в Москве, но к таким кварталам там и тут жмутся другие — старые, одноэтажные. Рядом с Васиной новой девятиэтажкой тянется заросшая лопухами Луговая улица с бревенчатыми домиками, палисадниками и огородами. Неподалеку много пустырей с чертополохом и полынью. Пустыри пересекает овражек, в котором воркует среди ивняка и осоки ручей. В осоке живут веселые лягушата и пожилые добродушные жабы. Иногда Васе кажется, что обитают в овражке и мелкие ручейковые гномы, хотя ни с одним он пока не встречался.

На пустырях и в зарослях можно играть одному — в путешественника среди всяких неведомых джунглей. А еще среди пустырей попадаются поляны с невысокой ровной травой, где знакомые ребята гоняют футбольные мячи. Вася с ними тоже гонял иногда. Правда, не очень у него получалось и некоторые мальчишки ворчали, что «этот мелкий только путается под ногами». Но шестиклассник Вовка Садовкин — Васин сосед и авторитетная личность — решительно потребовал:

— А ну, кончайте базар! Должен же человек учиться!

И у Васи от благодарности даже защипало в глазах.

А еще папа брал Васю на работу, в Институт керамики, там бородатые молодые сотрудники учили «коллегу Василия» обращаться с компьютером. Показывали всякие игры. Целую неделю Вася был от этих игр без ума. Уговаривал маму и папу купить хоть самый простенький компьютер, чтобы заниматься с ним дома. Папа обещал подумать, а мама округлила глаза:

— С такими безумными затратами мы до конца дней будем жить в нашем однокомнатном курятнике без телефона и без приличной мебели!

Впрочем, скоро компьютерные забавы Васе приелись. Они были похожи одна на другую. Там все время надо было куда-то бежать, кого-то догонять, в кого-то стрелять, чтобы тебя самого не подстрелили или не взорвали. И Вася наконец почувствовал, что старенький домашний «видик» ему дороже: можно снова и снова смотреть ленты про Буратино, Тома Сойера и Маугли. А еще лучше — читать про этих замечательных ребят книжки. Мама с папой, поругавшись очередной раз, уснут, а ты приткнешься к столику, заслонишь лампу картонкой, чтобы не просвечивала сквозь ширму и окунаешься с головой в знакомые, но все равно чудесные приключения...

Потом опять пришел сентябрь, и Вася оказался во втором «Б». Но не надолго. Потому что случился скандал.

Дело в том, что в класс поступила новенькая. Мика Таевская. Славная такая. Когда

Вася смотрел на Мику, у него внутри делалось тепло и пушисто. Глаза Мики были похожи на коричневых бабочек. Если Мика взмахивала ресницами, казалось, что бабочки машут крыльями. Конечно, Вася стеснялся своих чувств — и перед Микой, и перед ребятами, и даже перед собой. А Мика на него почти не смотрела. Потому что чего на него смотреть — самый обыкновенный, ни красоты в нем, ни героичности. Тощий, с худым треугольным лицом, с непонятно какими глазами — то ли серыми, то ли жидко-карими. С белобрысыми длинными прядками. И рот постоянно приоткрыт и округлен, будто от удивления... Вася перед зеркалом сердито сжимал губы и отворачивался от своего отражения. Но про Мику все равно думал постоянно.

На третий день таких мыслей Вася рассудил, что под лежащий камень вода не течет, победил нерешительность и написал письмо:

«Мика ты мне очень нравишься. Давай дружить если ты захочешь. Я могу провожать тебя после уроков домой и носить твой ранец если тебе тяжело. И если тебя кто-нибудь затронит буду за тебя заступаться. Я по правде сказать не очень смелый но все равно буду если надо честное слово. Твой одноклассник Перепёлкин Вася.»

А в конце приписал две стихотворные строчки:

Ты хороший человек
Буду я твой друг навек.

В тексте не было запятых и попадались ошибки, но в общем-то письмо как письмо, не хуже всех тех, что пишут в таких случаях. По крайней мере, понятное и честное, не правда ли?

Вася разыскал в подзеркальном ящике чистый конверт (даже с маркой), запечатал бумагу и потом всю ночь неважно спал от волнения. Назавтра, в классе, он незаметно сунул письмо в Микин ранец. Это было на первой перемене. На других переменах он боялся близко подходить к Мике и смотреть на нее. А на уроках смотрел — на ее затылок с темными кольцами волос и на красный с белыми горошками бант. (Мика сидела на первой парте, а Вася на третьей). Мика ни разу не оглянулась. У Васи все больше чувствовалась под сердцем нехорошая пустота. И оказалось, что не зря.

В начале четвертого урока Инга Матвеевна достала из классного журнала белый конверт с зеленой маркой, и Вася сразу узнал его. Инга Матвеевна устремила на Перепёлкина *взгляд*.

— Перепёлкин, это твоё сочинение?

Вася понял, что сейчас умрет. Но умирать надо с достоинством — не прячась в заячьей норе, а как на поле боя. Даже если ты «по правде сказать не очень смелый». Это подтвердит вам герой из любой книжки — и Маугли, и Том Сойер, и юный мушкетер Яшка Рыбохвостов, и даже Буратино. Вася встал.

— Конечно, мое. Там ведь подписано. Чья подпись, значит, того и письмо...

— Не рассуждай! Кто тебе разрешил писать *такие* письма?!

Это был глупый вопрос. Даже детсадовским ребятам понятно, что на письма разрешения не спрашивают. И Вася сказал:

— Но я же не вам его написал.

— Да, ты сочинил его для Мики Таевской! Но Мика умная девочка и знает, что о всяких таких глупостях следует сообщать учительнице.

Вася (не забывайте, что он собрался умереть и ему было все равно) бестрепетно глянул в немигающие глаза.

— Вы всё придумали! Никаких глупостей там нет!

— Ах, придумала? Ах, нет?! Тогда слушайте.

Громким голосом Инга Матвеевна отчеканила письмо.

Кто-то нерешительно хихикнул. Раз, другой. Мика сидела неподвижно, даже бант ее ничуть не шевелился. И Вася понял, что все кончено. Если даже она теперь глянет на него глазами-бабочками, в душе его ничего не дрогнет. Конечно, Вася не был плаксой, и капли на его ресницах оказались случайно. Он махнул ресницами так сердито, что капли полетели во все стороны. И одна попала на щеку Маргариты Панченко — та сидела рядом.

— По-моему, эта Таевская свинья и ябеда, — тихим шепотом сообщила Маргарита. — Если бы мне написали такое, я бы никогда...

— По-моему, Таевская — свинья и ябеда, — отчетливо сказал Вася, глядя на неподвижный бант с горошками. Бант дернулся. А Инга Матвеевна возвысила голос до небывалого звона:

— Как! Ты! Смеешь! Да я... за это тебя на педсовет! И это письмо... там... всем!

...

Вася снова взмахом ресниц сбросил капли — теперь уже с окончательным бесстрашием.

— А чужие письма читать нельзя.

— Учителю можно всё!

— Никому нельзя.

— Кто тебе это сказал?!

— Это все на свете знают. И в книжках написано.

— Я смотрю, ты уж-жасно начитанное дитя!.. Пусть отец и мать сегодня же явятся в школу! А ты... немедленно извинись перед Микой Таевской.

Вася вдруг почувствовал, что он успокаивается. Словно в нем, как в телевизоре, переключили канал — с ужастика на передачу «Спокойной ночи, малыши». Он вздохнул. И выговорил, глядя мимо банта:

— Таевская, извини меня, что я громко сказал, что ты свинья и ябеда и теперь все про это знают. И постарайся больше не делать таких свинств...

Инна Матвеевна задьшала, как старьй паровоз на запасных путях.

— Вон из класса! И без родителей в школу ни шагу!..

Второклассники учились во вторую смену. Поэтому дома Вася не долго томился один, почти сразу пришли с работы мама и папа. Вася собирался гордо и прямо рассказать про школьный скандал. Потому что ни в чем он не виноват! Ведь не замуж идти предлагал он этой Таевской, а просто подружиться по-человечески. Вот папа, например, говорил, что у него еще в детском саду была любимая подружка (правда, не мама).

Но гордого рассказа не вышло. Едва мама вошла и глянула на Васю, как сразу спросила:

— Что с тобой случилось?

И Вася расплакался. Взахлеб. И всю историю с письмом рассказал сквозь громкие всхлипы и отчаянные слова, что в школу больше не пойдет.

— Ну и дела... — сказал папа, когда Вася наконец успокоился (не совсем, а слегка).

— Что значит «ну и дела»! — возмутилась мама. — Твои пустые восклицание здесь не помогут!

«Сейчас опять поругаются», — тоскливо подумал Вася.

Но мама и папа на этот раз не поругались. Они дали Васе холодного молока (хорошее средство от слез) и пошли в школу.

Вернулись родители не скоро, часа через два. Оказалось, что в школе они угодили прямо на педсовет. Он был не из-за письма, конечно, а просто очередной, но тут речь сразу пошла о Перепёлкине. Подробностей Вася никогда не узнал (незачем школьникам знать педсоветовские разговоры). Но все же мама проговорила, что Инга Матвеевна негодовала: «Что будет, если с восьми лет школьники начнут крутить романы, а не заниматься учебным процессом!» А другая учительница, пожилая Полина Аркадьевна, сказала: «Господи, да что было, то и будет, как во все времена...» А потом предложила Васиным папе и маме: «Знаете что, давайте мне вашего Перепёлкина в мой класс. Я не боюсь тех, кто рассуждает, сама такая. И место как раз есть, Юрий Ромкин уехал с родителями в Канаду...»

И на следующий день Вася пошел во второй «А».

Полина Аркадьевна была спокойная и не сердитая. И ребята были не вредные, не хуже, чем в прежнем классе. Правда и здесь Васю стали называть только по фамилии — видимо, эта привычка перетацилась сюда из второго «Б» и ничего с этим не поделать. Лишь Полина Аркадьевна иногда спохватывалась и говорила «Вася» (и даже «Васенька», если получал пятерку).

Васиным соседом по парте оказался Шурик Кочкин (раньше с ним сидел уехавший Ромкин). Шурик был хороший, добрый, одна только беда — он ужасно увлекался шахматами и почти ни о чем другом не мог говорить. А Вася в шахматы играл еле-еле. Понятно было, что большими друзьями с умным очкастым Шуриком они не станут. И все же, когда на перемене подошла Маргарита Панченко и спросила: «Ну как ты себя чувствуешь на новом месте?», Вася бодро ответил:

— Лучше всех!

Ему и в самом деле было неплохо. Про Мику Таевскую он почти не вспоминал (больно она нужна!), за окнами стоял чудесный, по-летнему жаркий сентябрь, а Полина Аркадьевна никогда никого не ругала.

Однажды на уроке чтения на скамейке между Васей и Шуриком завозилось что-то непонятное. Живое. Вася глянул и обмер. Там сидела и умывалась передними лапками крыса! Конечно же, Вася понял, что сейчас завопит и кинется прочь. Но... Шурик почему-то не кидался и не вопил. Он посадил жуткого зверя себе на клетчатые форменные штаны и шепотом сказал:

— Не бойся, это Вовчик, он добрее всякой кошки. И старый. Почти все время спит...

Однако сейчас этот зверь по имени Вовчик не спал, а поглядывал на Васю. Вася проглотил комки страха, сжал в себе противную дрожь и попытался рассуждать здраво. Конечно, с одной стороны это настоящая крыса — с острой усатой мордой и противным голым хвостом. Но с другой... ясно, что ручная. И не кусачая. И выражение на мордочке вполне славное, дружелюбное даже.

— Хочешь познакомиться? — шепнул Шурик.

Вася не был уверен, что хочет. Но Шурик сгреб Вовчика и усадил его на Васины брючки (такие же клетчатые; Вовчик, наверно, и не заметил разницы). Вася опять вздрогнул: теплый кожаный хвост змейкой скользнул по голой коленке. «Мамочка...» Но что делать то? И Вася сделал то, что полагалось. Дрожащим мизинцем погладил серо-коричневую шерстку на крысиной спинке. Вовчик снова сел на задние лапки, стал принюхиваться к пуговке на клетчатой безрукавке. Вася вздохнул и погладил опять...

— Ну вот. Опять ты притащил с собой несчастное животное... — Оказалось, что к парте подошла Полина Аркадьевна. — Сколько раз я объясняла, что здесь у нас не живой уголок...

— Да не тащил я его! — взмолился Шурик. — Сам забрался в рюкзак! Он всегда так: спрячется в какую-нибудь сумку, чтобы поспать, а потом вылезает, где не надо!

Все оживились, завьтгивали шеи. Но без лишнего любопытства. Оказалось, что с добродушным крысом Вовчиком в классе все знакомы давным-давно. И никто его не боялся, даже самая писклявая девчонка Марина Бусина.

— Спрячь сейчас же, — велела Шурику Полина Аркадьевна. — И пусть спит дальше. А ты иди рассказывать стихотворение... А если еще раз принесешь Вовчика на уроки, я вас обоих отправлю к Валерьяну Валерьяновичу.

— Валерьян Валерьяныч тут же помрет, — подал с задней парты самый языкастый ученик второго «А», Дима Шерстнев. — Он боится всех зверей мышиной породы, даже электронных.

— Кто тебе сказал такую глупость? — удивилась Полина Аркадьевна.

— Брат сказал, он в девятом классе учится. Валерьян Валерьяныч даже в компьютерный класс никогда не заходит, потому что там тоже мышки, с хвостатыми проводами...

Все развеселились. Но никто не поверил, что Валерьян Валерьянович боится мышей. Он был очень строгий и, значит, — бесстрашный. Конечно же, он никого не боялся, а его боялись все.

...Видите, автор этой повести никак не может добраться до истории с Колесом — что это за штука и откуда. Но без рассказа о Валерьяне Валерьяновиче ничего не будет понятно. Поэтому сначала — о нем.

Джунгли

Валерьян Валерьянович Игупкин был завуч. Эту должность можно сравнить вот с чем. На кораблях бывают капитаны, они руководят плаванием, а у капитанов есть старшие помощники, старпомы — они ведают порядком на корабле. А в школе, у директоров, такие старпомы — завучи. Поэтому завуча иногда боятся даже больше, чем директора. Ведь именно завуч отвечает за дисциплину и знает всех ее нарушителей. И всегда следит за выполнением школьных правил.

Валерьян Валерьянович очень любил школьные правила. Но считал, что у этих правил есть большой недостаток — их мало. Время от времени он придумывал дополнительные. Например, что сменная обувь должна быть только на кожаной подошве (чтобы резина не пачкала паркет). Или что виновные в курении старшеклассники должны платить штраф, а потом еще писать сочинение на тему: «Почему никотин вреден для моего здоровья и здоровья окружающих меня людей». Один девятиклассник написал такое сочинение в стихах:

Иду я в школу поутру
И вижу — дохлая скотина.
Она сказала мне: «Мой друг!
Погибла я от никотина.
Меня предупреждал Минздрав,
Но я, смеясь, кривила губки.
Теперь я вижу, как был прав
Известный всем В.В.Игупкин».
Ох, я сказать чуть не забыл
От имени скотины бедной:
Для окружающих кобыл
Куренье наше тоже вредно.

Валерьян Валерьянович очень рассердился и снизил автору оценку за поведение, хотя в сочинении все было написано правильно.

А еще Валерьян Валерьянович требовал, чтобы девочки не носили больших сережек и не ходили на каблуках выше трех сантиметров, а мальчики не красили волосы и не появлялись в школе без галстуков. Правда командовать старшеклассниками у него не всегда получалось (ну их, а то опять сочинят что-нибудь неуважительное). Зато в младших классах наводил он ох какой порядок. Здесь боялись его не только ученики, но даже учительницы — из тех, что помоложе...

В Гороно завуча Игупкина ценили и ставили в пример. В конце прошлого учебного года (когда Вася был первоклассником) Валерьяна Валерьяновича с учительской делегацией отправили на две недели за границу, в Англию. Школы Британского королевства поразили завуча из Осинцева. И, вернувшись, он стал в своей школе наводить такие же (тем более, что с будущего года школа должна была сделаться

гимназией с углубленным изучением Шекспира и Диккенса).

Мальчикам всех возрастов было предписано сделать себе гладкие прически с проборами. А когда из этого ничего не вышло, Валерьян Валерьянович придумал для младших классов особую форму. Девочки должны были носить кофточки из крупноклетчатой рыже-зеленой с черным ткани и такие же юбочки. Мальчикам полагались жилетики из той же материи. В холодную погоду им следовало ходить в темных отглаженных брюках (и никаких там джинсов, бананов и модных пиратских штанов с карманами у щиколоток!), а в теплую надевать брючки до колен, из того же «шотландского» матерьяла.

Родители взвыли: столько расходов! Но куда деваться? В другую школу? Там свои завучи и свои порядки, да, к тому же, денег за обеды требуют больше...

Правда, зимой было не до формы. Гимназия задолжала плату за отопление фирме «Осинкалорифер», и часто приходилось на уроках сидеть в свитерах, а то и в пальто и куртках. Но зима кончилась бурным таянием снегов, пришел май с неожиданно жарким, как в июле, солнцем, и Валерьян Валерьянович опять начал наводить в школе блеск и порядок.

Мама достала из шкафа «шотландские» брючки и безрукавку.

— Ну-ка надень. С декабря не носил, может быть, уже вырос из них...

Оказалось, что не вырос. Но все равно Вася морщился, как от больного зуба.

— Не кривись. Очень славный костюмчик. Не правда ли, Олег? — Мама глянула на отца.

— Правда, — хмыкнул папа. — Только в этой клетчатой униформе дети похожи на узников Синг-Синга.

— На кого?! — обрадовался Вася.

Папа объяснил, что в давние времена была не то в Англии, не то в Индии знаменитая тюрьма с таким названием. Там заключенные носили робы в крупную клетку.

Мама сказала, что для любителей безответственной болтовни такая тюрьма — самое подходящее место.

Вася поддержал папу:

— Клетки такие, что когда сидишь в этих штанах, кажется, будто на твердой решетке.

Мама пообещала нарисовать ему дополнительную решетку, ремнем. Тогда он вообще не сядет долгое время. Вася только вздохнул: пустые слова. Сроду его так не воспитывали. Если он был в чем-то виноват и мама бралась его прорабатывать, папа тут же заступался. Если сердился папа (что бывало реже), вступалась мама. И кончалось тем, что они начинали спорить между собой. Иногда Вася тоскливо думал: «Уж лучше бы отлупили, чем ругаться друг с дружкой...» Но, чтобы отлупить виноватого сына, между родителями должно быть согласие, а здесь — как?

Правда, иногда мама пыталась продемонстрировать такое согласие. Грозил: «Еще одна двойка, и мы с папой договоримся отправить тебя в детдомовский интернат!» Вася привычно вздыхал. Сдать человека в такой интернат можно только, если он сирота или если его отец и мать лишены родительских прав. А у него-то, слава Богу, не

лишены...

Мама послала папу в магазин за фасолью и майонезом, а Васе велела снять костюм: «Надо погладить».

И тут судьба сделала Васе подарок.

Пока мама возилась с утюгом и доской, Вася решил повесить у себя за ширмой пластмассовую модель самолетика (старинного, как на картинке в журнале). Для этого надо было прибить к стене специальный угольник. Вася решил прибить повыше. Поставил стул на диван-кровать. Стул качался, но Вася решил, что это ничего. Забрался, потянулся вверх с молотком и гвоздем. Стул вывернулся из-под ног. Трах!..

— А-а-а...

Мама влетела за ширму.

— Что с тобой?! Ты живой?!

— Живой... только ой... — Вася, сидя на полу, держался за локоть и за лоб.

— Что? Очень больно?

Было не так уж больно, однако Вася мужественно втягивал воздух сквозь стиснутые зубы. Страдаю, мол, но я не плакса. А на самом деле он коварно тянул время — потому что учуял запах дымка. Мама-то запаха не чуяла, она в панике ощупывала чуть не погибшего сына. Помогла ему подняться. И тогда Вася наконец сказал:

— Кажется, там что-то горит...

— А-а-а! — взвыла в свою очередь мама.

Через минуту она скорбно держала на весу дымящиеся клетчатые останки.

— Посмотри, что случилось из-за твоих глупостей!

— Зато сам я целехонек, — утешил маму Вася.

— Но в чем ты пойдешь в школу в такую жару!

— Можно в «сафари»...

Так назывался костюм песочного цвета, который купили прошлым летом в Бердянске. Тогда он был малость великоват, а к этому году стал в самую пору. Вася нынешней весной уже несколько раз надевал его, когда оставался дома один и устраивал игру в джунгли. Потому что в такой одежде он делался похож на африканского путешественника. Рубашка была с погончиками и с черной ленточкой на груди — на ленточке золотились вышитые буквы «SAFARI». Это, как известно, означает «африканская охота». Стрелять львов, носорогов и всяких других симпатичных зверей было жаль, но Вася нашел выход. Охотился с фотоаппаратом. Вообразил, что делает большущие разноцветные снимки и потом развешивает эти трофеи у себя за ширмой...

Эх, ему бы еще пробковый шлем, как у англичан в кино про Тарзана, были бы настоящие приключения на экваторе!

Но пробковые шлемы в Осинцеве не продавались. Зато продавались панамы. Вроде как у южных пограничников, только не зеленые, а желтовато-серого цвета, почти как костюм. В общем, тоже вполне африканские. И Вася не раз просил маму: «Ну, купи, пожалуйста». Но мама говорила, что до лета еще далеко, что денег кот наплакал, а за квартиру не плачено уже два месяца...

Мама открыла окно, чтобы прогнать дым, и достала «африканский» костюм.

— Тебя в таком виде и близко к школе не подпустят.

— Можно нарисовать клетки, — посоветовал только что вернувшийся папа. Порой у него (не всегда к месту) прорезалось чувство юмора.

Мама посмотрела на папу долгим взглядом, дождалась, когда он закашлялся (не от дыма) и отчетливо объяснила, что вопрос не в клетках, а в карманах.

— Вам, по-моему, известно, как в школе относятся к лишним карманам.

Относились отрицательно. Валерьян Валерьянович считал, что чем больше карманов, тем больше ученик может принести в школу ненужных и опасных предметов: спички, жвачки, мячики для пинг-понга, фишки для запрещенной игры в «думки», пищалки, стрелялки и даже тюбики с клеем «Момент». На клетчатой форме разрешался лишь один карманчик — нагрудный, для платочка.

А на «сафари» карманов полным полно — и накладные, с пуговицами, и внутренние, с молниями... А на шортах, кроме того, широкие отвороты, за которые тоже можно прятать всякие мелкие вещицы.

Вася сказал, что «ну, не съедят же в конце концов и не прогонят же».

Мама, сказала, что могут и прогнать и «будут совершенно правы».

— Не-е... Мама, купи панаму, а? Ты обещала к лету, а уже почти лето...

— Однако к лету зарплату почему-то не прибавили... И кроме того, сегодня воскресенье, магазины закрыты.

— А киоски на площади открыты!

— Но денег от этого не стало больше!

Вот она, женская логика. Вася посмотрел на папу. Тот украдкой глянул на маму и развел руками: мол, сам понимаешь... Вася понимал. И мысленно махнул рукой: ладно уж, а то опять поругаются.

И все-таки мама купила панаму!

В понедельник, в полпервого, она, как обычно, «забежала» с работы домой, чтобы проводить сына в школу.

— Уроки сделал?

— Ага...

— Не «ага», а «да»! Завтрак съел?

— Да я обед уже съел, суп и сосиску! Только что! — похвастался Вася, ловко уходя от вопроса о завтраке.

— Кроссовки вычистил?

— Да я их еще вчера вычистил!

— Ну, молодец. Тогда держи... — Мама протянула сверток.

— Ой... Ура!

Панама была в точности под цвет рубашки и штанов. И с черной ленточкой, как на кармане. Вася подпрыгнул, чмокнул маму в щеку и закрутился на пятке перед зеркалом в прихожей. Потом подхватил рюкзачок.

— Мама, я пошел!

— Куда? До уроков целый час!

— А я не спеша! Прогуляюсь!

Конечно, он решил не просто прогуляться, а устроить экспедицию в джунгли.

Была середина мая, а солнце жарило по-июльски. Деревья и кусты стояли совсем зеленые, набирали цвет яблони и сирень. На пустырях вблизи овражка, среди молодых сорняков и прошлогодних сухих репейников слышалось жужжание всякой крылатой мелочи. В ручье звонко вякали лягушата. Это были африканские лягушата в зарослях у реки Конго. А всякие вредные колючки были крокодилами...

Вася щелкал фотоаппаратом. Это был игрушечный пластмассовый аппаратик — такой, из которого при нажатии кнопки выскакивает на пружине клоунская рожица. Но Васе и не нужен был другой. Для придуманных зверей годится любая фотокамера.

Вася прокрался сквозь чащу к поляне, где паслись жирафы и зебры. Щелк... На ветках одинокого пузатого тополя (как баобаб) он снял вертявых мартышек. Затем вплотную придвинулся к пыльному косматому льву. Дождался, когда тот распахнет разовую с белым частоклом зубов, пасть. Щелк... Лев разинул пасть еще шире и утробно рыкнул.

— Да брось, — сказал Вася. Он во всей своей охотничьей красе отражался в круглых львиных глазах. — Мы же давно знакомы. — И начал выбирать из львиной гривы сухие репы. Лев смущенно посапывал и шевелил кисточкой на хвосте...

Была еще встреча с носорогом, который оказался не столь воспитанным, как лев. Пришлось уносить ноги. По желтой от одуванчиков и мать-и-мачехи канаве Вася примчался на самый край пустырей. Совсем рядом была своя многоэтажная улица. А еще ближе, за сухим серым бурьяном, краснело длинное кирпичное строение. Это был недавно построенный склад для торговли мебелью. У стены что-то делали двое рабочих. А может, не рабочие, а диверсанты?

Вася притаился за шуршащей чащей. Дядьки в синих робах бетонировали фундамент. Совковыми лопатами брали с носилок густую серую кашу и размазывали по земле вдоль нижнего ряда кирпичей. Впрочем, они уже кончали работу. Очень скоро прихватили носилки с лопатами и ушли за угол... А слева от Васи что-то зашуршало. Он по-охотничьи обернулся и увидел тощего серого кота.

Возможно, это был тот самый кот, который завтра вечером встретится Васе у мусорного контейнера. Но в этот момент ничего такого Вася знать не мог. Сейчас это был леопард, вышедший за добычей.

Вася навел на хищника объектив — щелк! Зверь пренебрежительно дернул хвостом и трусцой двинулся прочь.

— Эй... кис-кис...

Конечно леопардов так не окликают, но надо было задержать его, чтобы охота не кончилось так быстро. Кот, однако, рассуждал иначе. Когда Вася двинулся следом, этот «леопард» перешел на крупную рысь и помчался к свежей бетонной полоске. Пересек ее по диагонали. На бегу брезгливо тряхнул лапами и скрылся за дощатой будкой, пристроенной к павильону.

Когда Вася подбежал к фундаменту, он увидел на загустевшем бетоне отчетливые следы растопыренных лап.

«Ну вот, — сразу подумал Вася. — Это на целую вечность». Потому что крепкий

домина простоит наверно лет сто или двести, бетон сохранится столько же. И ката давным-давно не станет на свете, а следы будут все такие же...

Задумчивая грусть мягко щекотнула Васю, прогнала прежнюю веселость. Он оглянулся — нет ли кого поблизости? — сдернул с левой ноги кроссовку и носок и осторожно вдавил ступню в сырой мягкий бетон, рядом с дощатым поребриком. Зачем? Он и сам не мог объяснить. «И меня уже не будет, а след сохранится...»

Вася постоял с минуту, глядя на отпечаток с круглой пяткой и слегка оттопыренным большим пальцем. Особой печали он не чувствовал, но задумчивость не уходила. Потом Васе показалось, что сзади зашуршали сухие стебли. Он быстро обернулся. Никого не было.

Вася торопливо натянул носок и башмак и заспешил на Луговую улицу — самая короткая дорога к школе. Наверно, уже пора... На перекрестке Луговой и Савельевской Вася глянул на большие часы над аптекой. Какое там «пора»! Уже «сверхпора»! Вот это поохотился!

До школы оставался квартал, но времени уже — ни полминутки. Вася помчался. Царапины на ногах зудели, но некогда было почесаться.

Лестница

Он опоздал. По часам в школьном коридоре было видно, что уроки начались две минуты назад. Ну ладно, Полина Аркадьевна скажет «больше не опаздывай», только и всего. Вася сдернул панаму, сунул ее под погон и бросился к лестнице.

— Стоп, козявка! — на нижних ступенях возник дежурный. Здоровый такой парень из девятого или десятого. Лицо его было похоже на свежий каравай с проткнутыми пальцем дырками. — Куда это ты, такой красавчик?

— Пусти!

«Каравай» не пустил. Для того дежурные и поставлены (и даже специально освобождены от уроков), чтобы разбираться с нарушителями.

— Как твоя фамилия?

Подумаешь, испугал! Пусть записывает!

— Перепёлкин моя фамилия, из второго «А». Пусти!

— Ну какой же ты Пере-пёлкин? Ты еще не «пере...», а «недо...» Недо-пёлкин, — снисходительно разъяснил «Каравай».

— Сам такой, — сказал Вася. Потому что понимал: драться здесь этот тип не посмеет. Пусть попробует, Вася такой крик поднимет — все школа сбежится!

Но дежурный благожелательно разъяснил:

— Я не такой. Я как раз «пере...» Пере-верзев. Не слышал?

— Не слышал. Пусти, мне в класс надо.

— В класс надо приходиться во время и в форме, — с удовольствием сказал большущий Переверзев.. — А ты с такими карманами. Не знаешь закона? — Он приготовился было скучать сорок минут, а тут вдруг развлечение. — Ну-ка, что у тебя там? Сигареты? Наркотики? Валюта? — И дежурный потянулся к оттопыренному карману на штанах. Там был пластмассовый аппаратик.

«Отберет! Скажет — посторонняя вещь...»

Известно, что Вася не был храбрецом. Но постоять за свои права он все же умел.

— Не лезь! Не имеешь права обыскивать!

— Суслик, — ласково сказал Переверзев. — Это не обыск, а *досмотр*. Уяснил?

— Все равно не имеешь права! Ты не милиция! Пусти!..

Но «Каравай» ухватил его за плечо.

Вася присел, вырвался и бросился в другой конец коридора, там тоже была лестница. И дежурного на ней не оказалось.

— Стой, бактерия, хуже будет! — вопил вслед «Каравай». Но Вася понимал: хуже не будет. Пусть этот тип только сунется за ним в класс, Полина Аркадьевна ему покажет!

Ах, кабы знать! Когда Вася с разбега взлетел на второй этаж, он чуть не врезался в самого Валерьяна Валерьяновича!

Можно сказать, что вот здесь и берет начало история с колесом (вернее, с Колесом). С этого момента начался путь, который свел вместе Колесо и Перепёлкина. Но тогда Вася ни о чем не догадывался. Он просто остановился с размаха, как пришпиленный к месту. И ослабли коленки.

Длинный и худой Валерьян Валерьянович с высоты устремил взгляд на нарушителя.

— Извините... — пробормотал Вася.

— Любопытно. За что же я должен тебя извинить?

— Ну... что быстро бежал.

— Вот как. А почему же ты так бежал?

— Потому что в класс опаздываю... — Вася печально смотрел на узкие блестящие туфли завуча.

— Хорошо. Но, поскольку ты уже опоздал, задержись еще немного и ответь на такой вопрос...

В этот миг возник рядом запыхавшийся Переверзев

— Валерьян Валерьяныч! Это Перепёлкин из второго «А»! Мелкий, а такой нахальный! Я говорю: «Почему без формы?», а он...

— Кстати, в самом деле: почему ты не в установленной одежде?

— Сожгли утюгом. Нечаянно, — вздохнул Вася. — Вчера вечером. А новую ведь сразу не закажешь. И денег нет, и вообще... никакого расчета. Скоро каникулы, а за лето я вырасту. Дети летом быстро растут, особенно руки и ноги... — И Вася для убедительности покачал согнутыми в локтях руками. Длинным рассуждением он рассчитывал смягчить завуча.

А тот... непонятно, смягчился или нет.

— Ну что же, в твоём объяснении есть некое рациональное зерно. Однако, мне хотелось узнать о другом. Почему ты поднялся *не по той лестнице*?

Ох... Вася опять обмяк. В самом деле, он ведь нарушил строжайший закон! Еще зимой, после новогодних каникул, Валерьян Валерьянович всем предписал подниматься на этажи только по правой лестнице, а спускаться только по левой. Чтобы не было на ступенях лишней суеты и опасных столкновений. Такое правило полагалось выполнять даже учителям. Но с них-то не спрашивали строго, а если нарушит ученик — ох какой скандал сразу!

Может быть, в таком законе и было «рациональное зерно». Однако, это если на шумных переменах. А если пусто в коридорах...

— Я торопился... А на *той* лестнице стоит вот этот... и не пускает. Говорит, досмотр какой-то. А разве он имеет право?! — Вася ощутил в глазах нехорошую сырость, но уже не опускал взгляда.

— Права дежурных оговорены школьным уставом, — уклончиво сообщил Валерьян Валерьянович. — А что касается тебя, Перепёлкин, то нарушение следует исправить. Сейчас ты спустишься на первый этаж, поднимешься, как положено, *по той* лестнице и после этого ступай к себе в класс. Можешь сказать Полине Аркадьевне, что я просил не наказывать тебя за опоздание.

И только-то?! Вася обрадованно поправил лямки рюкзака. Глянул вниз по ступеням. Почти уже сделал шаг и... не шагнул. Спросил:

— А зачем?

— Что «зачем»? — сдержанно удивился Валерьян Валерьянович. А дежурный Переверзев хихикнул и замигал.

— Зачем спускаться и подниматься, если я уже здесь? И класс мой рядом.

— Затем, что так положено. Ты поступил неправильно и теперь должен исправить то, что нарушил.

— Я не понимаю, — вздохнул Вася.

— Что? ты? не понимаешь?

— Не понимаю, что исправлять. Вот если бы я разбил стекло, надо было бы его вставить. Или деньги заплатить. Если бы намалевал что-то на стенке, надо было бы покрасить. А здесь то что? Спущусь, поднимусь, и опять окажусь вот тут. Тогда зачем идти?

— Считай, что это тебе в назидание.

— Как носом в угол, что ли? — тихо спросил Вася.

— Ну... если угодно, считай, то именно так.

Переверзев опять деликатно хихикнул.

Вася почесал кроссовкой изжаленную щиколотку и стал смотреть в сторону. И сказал совсем уже тихо:

— Не пойду...

— Не пойдешь? Вот как?

— Да, — шевельнул губами Вася.

— Можно узнать, почему?

— Потому что я не виноват... Я хотел подняться по той... а там вот этот... не пустил... — Ясно, что Васины глаза были совсем уже на мокром месте. Он, кажется, даже чуть всхлипнул. Но упрямо закусил губу.

— Сейчас *он* не будет тебе мешать, — пообещал завуч. — Можешь идти спокойно.

— Нет...

— Что «нет», Перепёлкин?

— Не пойду... — сказал он через силу.

— Валерьян Валерьяныч, давайте, я его за шиворот! Вниз и вверх! — предложил свои услуги Переверзев. — В нем же весу, как в блохе!

— Ни в коем случае! Применение физических мер воздействия запрещено гимназическим уставом. По крайней мере, пока... — (Может быть, завуч Игупкин вспомнил английские школы, где виноватых, говорят, и в наши дни лупцуют линейками по ладоням, и надеялся ввести это правило здесь.)

— Да я легонько, — настаивал Переверзев.

— Отправляйся на свой пост. А Перепёлкин пойдет по лестницам сам. Он это *должен*.

— Почему я должен? — уже открыто всхлипнул Вася.

— Потому что тебе приказывает завуч школы.

Вася проглотил комок. Подумал.

— А если вы прикажете мне с крыши прыгнуть, я тоже должен?

— Ты рассуждаешь дерзко и неумно! Педагоги не отдадут таких нелепых приказаний. Ты считаешь, что я глуп?

Вася так не считал. В общем и целом. Но сейчас приказание завуча было глупым. А главное — обидным.

— Не пойду...

— В таком случае ты будешь наказан гораздо сильнее. А пока я снимаю тебя с уроков. До беседы с родителями. Можешь отправляться домой.

Вася стряхнул с ресниц капли и пошел вниз по ступеням.

— А кто будет говорить «до свиданья»? — напомнил вслед Валерьян Валерьянович.

— Никто... — буркнул Вася. Впрочем, тихонько, под нос.

Дома, конечно, никого не было. Вася хотел, было, пойти к тете Томе и все ей рассказать. Тетя Тома всегда его понимала. Выслушает, пожалеет, а потом еще перед мамой и папой заступится. А пока он просто отведет душу (а может быть, и от непролитых слез освободится, перед ней не стыдно). Но сначала Вася решил немного полежать. Потому что чувствовал себя ужасно вялым, обессиленным. Скинул кроссовки, прилег на диван кровать, и...

Васю разбудили нервные голоса в прихожей — это пришли мама и папа. А будильник рядом с лампой показывал половину седьмого.

Мама возбужденно восклицала:

— А если его нет дома?! Если он куда-то сбежал и... Я сойду с ума!

— Да вот его рюкзак, — перебил ее папа. — Василий, ты дома?!

— Дома... — сипло отозвался Вася и сел.

Они разом вдвинулись за ширму — так, что чуть ее не опрокинули.

— Немедленно рассказывай, то ты натворил в школе! — Это, конечно мама.

— Только спокойно и по порядку... — Это, разумеется папа. Он тискал пальцами треугольный, как у Васи, подбородок.

— А чего рассказывать... — Вася кулаками уперся в постель и стал смотреть за окно. И засопел. — Вам и так уж, наверно, все рассказали...

— Да! Нас обоих по телефону вызывали к завучу! — сообщила мама. Так драматически, словно их вызывали по крайней мере в администрацию президента.

— И Валерьян Валерьянович изложил нам все события, — подтвердил папа. — Но нам хотелось бы услышать, так сказать, твою версию...

— А зачем? — сквозь застрявший в горле комок выговорил Вася. — Вы же все равно скажете, что он во всем прав, а я во всем виноват.

— А ты хочешь сказать, что виноват *он*? — звонко вознегодовала мама. — Валерьян Валерьянович культурнейший человек и замечательный педагог. Один из лучших в городе! А ты... ты дерзкий мальчишка и глупый скандалист. Мало тебе истории в начале года с твоим нелепым письмом, тебе захотелось еще! Чтобы о тебе говорила вся школа!..

Конечно, надо было сдержанно возмутиться и с достоинством объяснить, как было дело. Вася так и хотел. Но одно дело хотеть, а другое... попробуйте удержать слезы.

— Ну и отдайте меня в интернат... если я... такой...

— Нет, подожди, — заволновался папа и чуть не свихнул подбородок. — Давай рассуждать здраво. Возможно, с одной стороны ты прав...

— А так не бывает, что с одной стороны прав, а с другой фиг! — выдал со слезами

Вася. — Я вам не железный рубль, где орел и решка. Чтоб меня вертеть... Вместо того, чтобы заступиться!..

— Но подожди же! — стискивая локти, воскликнула мама. — Ты думаешь, мы не заступались? Мы сказали Валерьяну Валерьяновичу, что ты справедливый мальчик и что, если ты спорил, у тебя были, наверно, основания, и что... — Она уже забыла, что полминуты назад называла его дерзким мальчишкой и глупым скандалистом.

Вася подтянул к груди колени и оперся в них подбородком. Сырыми глазами по очереди посмотрел на мать и отца.

— Тогда. Почему. Вы. Ругаете. Меня?

Мама сказала очень проникновенно:

— Тебя никто не ругает! Но пойми. У Валерьяна Валерьяновича есть свои принципы. Что будет, если он станет от них отступать перед каждым второклассником? И он требует совсем немного: чтобы завтра ты спустился по одной лестнице и поднялся по другой. Это такой пустяк!

— Не пустяк, — со всхлипом сказал Вася. — Я ему кто? Заводная игрушка, что ли?

— Ты не игрушка, а ученик, который нарушил правила! — мама опять стала накаляться. — И ты должен...

— Я не специально нарушил! Зачем там этот дурак стоял? Почему он не виноват, а я виноват?!

— Дело не в том, что кто-то виноват, — начал опять папа. — Дело в том, что вступили в противоречие школьная система и личность... Яна, подожди... Василий, давай поговорим, как мужчина с мужчиной...

— А я не хочу, как мужчина! Почему ты не можешь, как отец с сыном?! — вырвалось у Васи.

— Здравая мысль, — вмешалась мама. — В самом деле! Парню скоро девять лет, а ты его не разу не выдрал, как полагается отцу. И вот результат!

— Я, по-твоему такой же садист, как твой Валерьян Валерьянович?! — папа хлопнул ладонью о стол. — Я не привык издеваться над детьми!

— А я, выходит, издеваюсь над собственным ребенком? — накал в мамином голосе достиг высоких градусов. — Прекрасно! Я могу больше вообще не заниматься его воспитанием! Посмотрим, что из него выйдет, когда наступит переходный возраст!

Вася мельком подумал, что при такой жизни до переходного возраста он не дотянет. Стиснул пальцами скользкие от слез колени и перестал слушать. Начал мысленно считать до ста, двухсот... И перестал, когда родительский скандал дошел до финала. До коронной маминой фразы:

— Почему ты меня так ненавидишь?!

Но папа на сей раз не стал прятаться за газетой. Видать, у него накипело больше обычного. Папа вздохнул и сказал:

— Очевидно, есть на то причины...

И стало очень тихо.

— Вот как... — слабо выдохнула мама. — Ну что же... Тогда я немедленно уезжаю к тете. И живите тут как хотите...

Тетя была сестра маминой мамы, Васина двоюродная бабушка. Она жила на Сахалине, и Вася не видел ее ни разу в жизни. Да и мама — раза три, не больше. Но в самые напряженные моменты мама заявляла, что уедет к тете. Просто больше ехать было не к кому.

— Да, живите, как хотите, — жалобно повторила мама. — А я завтра же... Нет, почему завтра? Сегодня же. Сейчас...

Вася понимал, что никуда она не уедет. По крайней мере, сейчас. Как это — не уволившись с работы, не заказав заранее билеты (дорога-то ого-го какая дальняя, с пересадками). И папа это понимал. И все-таки папа сделался каким-то потерянным. Стал искать в нагрудном кармане очки, которые надевал в самых редких случаях. Друг на друга родители не смотрели. Васе стало горько жаль их обоих. И себя. Вернее, это была смесь жалости и злости на нелепую жизнь. Вася откинулся к стенке, вдавил в мохнатый плед кулаки.

— Ну, хватит вам! Ну, ладно! Если вам так надо, поднимусь я по этой проклятой лестнице! Только не ругайтесь вы ради Бога! Ну, по-жа-луй-ста...

На следующий день мама с утра отпросилась с работы. Видно, боялась оставлять Васю одного. Сказала, что принесла ему домашние задания, специально звонила из своей конторы Полине Аркадьевне, чтобы узнать их (ведь вчера-то Вася не был на занятиях).

— Полина Аркадьевна сказала, чтобы ты не волновался и не переживал...

Вася только плечом повел.

Мама осторожно смотрела, как он готовит уроки. Осторожно попросила помочь вымыть посуду. Она вела себя так, словно хотела погладить Васю по голове и не решалась.

Вася решал задачу и примеры, писал упражнение старательно и молча. Так же молча, со сжатыми губами, вымыл три тарелки и два стакана.

Мама приготовила для него вместо рубашки «сафари» белую сорочку с черным галстучком — чтобы он выглядел больше «по-гимназически», хотя и без формы.

«Как для приношения в жертву», — подумал Вася. Он видел историческую передачу про древнюю Америку, там пленников, назначенных для убийства на алтаре, обряжали в роскошные одежды.

Но маме Вася ничего не сказал.

— Почему ты все время молчишь?

— А что говорить?

— Помни, ты дал мне и папе слово сегодня не спорить с Валерьяном Валерьяновичем и делать все, что он скажет.

— Я дал слово, что поднимусь по этой проклятой лестнице.

— И без капризов...

— Без... Совершенно молча.

— Ох, до чего же ты трудный человек... Иди, почисти штаны. Где ты вчера успел их так потрепать?

— В Африке, — буркнул Вася.

В коридоре он охлопывал штаны свернутой газетой и думал, что, может быть,

завуч уже забыл про второклассника Перепёлкина и его оставят в покое.

Вверх и вниз...

Сначала казалось, что и правда оставят. Перед занятиями никто ничего Васе не сказал, только Шурик Кочкин спросил:

— Почему тебя вчера не было?

— Горло болело... — Оно ведь и правда вчера болело. Вернее в нем царапало, от слез...

Четыре урока прошли нормально, а на математике Вася даже получил четверку за решенный на доске пример. И он совсем уже успокоился. Ведь урок-то последний! Вот-вот раздастся звонок и можно будет помчаться домой... Но за минуту до звонка Полина Аркадьевна, глядя поверх голов, сухо сказала:

— После урока никто не разбегается. Все берем свои вещи и организованно идем на первый этаж, будет линейка вторых и третьих классов.

У Васи что-то ухнуло под сердцем и обмякло все тело.

«Не пойду!»

«Ты же слово дал...»

«Так не договаривались, чтобы при всех!»

«Никак не договаривались. А слово дал. Упрешься — еще хуже будет...»

«Куда уж хуже-то! Все будут глядеть...»

«Да может, линейка-то не из-за тебя...»

Но последняя мысль была такая слабенькая, что и не надежда, а так...

Второклассники вереницей пошли по коридору второго этажа, вниз по лестнице. Вася двигался на жидких ногах, будто на казнь.

На первом этаже уже стояли пестро-клетчатыми шеренгами лицом к лицу два третьих класса и второй «Б». Второй «А» в две линии пристроили рядом. Вася оказался во второй шеренге. Но от этого было не легче.

— А для чего нас построили-то? — шепнул Васе Шурик Кочкин. Он ничего не знал, конечно. Вася закусил губу.

Учительницы во главе своих классов стояли молча и важно, как генералы. Чего-то ждали. Наконец по левой лестнице сошел в нижний коридор завуч Валерьян Валерьянович. Тоже с генеральским достоинством (хотя и тощий). Остановился в начале шеренг. Его черная гладкая прическа блестела, как туфли.

— Дети, — сказал Валерьян Валерьянович громко, но мягко. — На улице прекрасная погода, и можно гулять, играть и радоваться близким каникулам. Но я вынужден задержать вас, чтобы решить один неприятный вопрос. Это касается вашего товарища... Перепёлкин Вася из второго класса «А», подойди ко мне...

На него заглядывались. Юлия Терехина, стоявшая впереди Васи, испуганно отодвинулась. И... что ему было делать-то? Увязая в стыде, как в липкой каше, Вася побрел к завучу. И все смотрели, как он бредет с головой ниже плеч. И тугой, как резина, воздух забивал ему уши.

Вася подошел. Стал смотреть на кончики блестящих туфель. В них отражались лампы — они горели, несмотря на солнце за окнами.

Завуч легонько взял Васю за рюкзачок и поставил к себе спиной.

— Надо, чтобы все тебя видели и ты видел всех... И не опускай лицо. — (Но Вася все равно опустил. Странно, что глаза оставались сухими). — Вчера Вася Перепёлкин отличился тем, что за две-три минуты множество раз нарушил дисциплину. Опоздал на уроки. Нагрубил дежурному старшекласснику. Отказался выполнить его требования. И — это самое скверное — нарушил строжайшее правило передвижения по школе. Обругав дежурного, он бросился наверх по лестнице, предназначенной исключительно для спуска. Такое не позволено никому, даже выпускникам. А когда я остановил Васю Перепёлкина и потребовал спуститься обратно и пройти по той лестнице, по которой следует, он заупрямился самым непозволительным образом. Казалось бы, что особенного? Да, ошибся, сгоряча нарушил правило, так будь добр хотя бы исправить ошибку... Однако каприз этого второклассника зашел так далеко, что он мне... нет не нагрубил, но отчетливо дал понять, что распоряжение завуча — *глупое*...

Вася слышал эту речь, как сквозь ватные пробки. Но все же различал слова. И понимал, что вранья в речи больше, чем правды, но это его не задевало. Он смотрел исподлобья в пространство между клетчатых шеренг, на ступени дальней лестницы. «Проклятой лестницы»... И стоял он, кстати, не «как положено». Съежил плечи, сдвинул носки кроссовок, суетливо мял отвороты на шортах. Вот удивительно — как ни чистил штаны, а за отворотами остались сухие семена прошлогодней полыни с пустыря. Вася ощущал их чуть заметный горький запах...

— И все же Вася Перепёлкин не столь уж плохой мальчик, — продолжал завуч. — Мы поговорили с родителями, с учительницей и выяснили, что он не отпетый хулиган, не двоечник и раньше у него не было серьезных нарушений дисциплины. Поэтому решили не наказывать Васю за вчерашние капризы. Мы уверены, что он все поймет и исправится. Васе Перепёлкину остается только одно: исправить вчерашнюю главную ошибку. Сейчас он поднимется по той лестнице, по которой не захотел идти вчера. Потом он по второму этажу пройдет к лестнице для спуска, вернется сюда, и мы встретим его... с пониманием, что он осознал свои ошибки. И не будем сердиться, что потеряли из-за него несколько минут... Ступай, Вася Перепёлкин... — Валерьян Валерьянович легонько толкнул его в плечо.

И Вася — с горящими ушами и будто замороженными ступнями — пошел.

«Как сквозь строй...»

Он не смотрел по сторонам. Смотрел только на свои кроссовки — они медленно, непослушно ступали по длинным желтым половицам. Стуканье подошв пробивалось через тугую глухоту в ушах. Васе некуда было девать руки, и он то сжимал, то разжимал пальцы. Потом вцепился в лямки рюкзака...

«Когда же это кончится?»

Коридор был, словно километр... И все таки он закончился (через целую вечность). Вася увидел первую ступеньку и деревянно шагнул на неё. И... глухота в ушах сразу исчезла. Послышался звон. На второй ступеньке звон рассыпался на короткие ноты:

День — динь...

Тень, сгинь...

Знакомая песенка. Она словно утешала Васю. Но не только утешала. Звуки стали

твердыми, как стальные шарики. «Вася, держись...» И еще: «Вася, *покажи им...*»

А что показать?

Однако он уже понимал, *что...*

«Но ты же слово дал!»

«Я дал, что *поднимусь!* Я не обещал спускаться!»

Наконец — второй этаж. Надо повернуть в коридор, пойти к другой лестнице — и вниз... Но Вася пошел выше. Все быстрее, быстрее... Потому что возвращаться *туда*, к ним было сверх сил. Уже и не стыдно даже, а просто противно, тошно. Он не вернется никогда!

Вот и последний этаж, четвертый. Совсем пустой коридор. Длинный ряд чистых, недавно вымытых окон... Ну, пусть хоть одно окно будет открыто! За ним, снаружи, наверняка есть какой-нибудь карниз. По нему, наверно, можно добраться до водосточной трубы. Опасно? Ну и наплевать! *Они* сами довели его до этого. Если *что-то* случится, *они* и будут отвечать...

Но все окна были заперты. Вася торопливым шагом, а потом бегом двинулся вдоль подоконников. Подпрыгивал и дергал ручки на рамах. Глухо... Он ссадил кожу на ладони, ободрал о батарею колено, сухо всхлипывал. Отчаянно оглядывался. Снизу доносились беспорядочные крики... Наконец Вася оказался в самом конце коридора, за лестничной площадкой. Здесь был полутемный закуток. Свежим деревом светилась сколоченная из брусков и реек лесенка. Верхний конец ее упирался в край чердачного люка. И Вася бросился по ступенькам! Он понимал, что люк, скорее всего заперт но знал, что пробьет крышку головой, а вниз не вернется.

Люк неожиданно легко откинулся от удара ладонями, ухнул. Вася рванулся в сумрак, зацепился о раму люка уже ободранным коленом, заплакал и глянул вокруг мокрыми глазами.

Было не очень темно, пробивались откуда-то лучи. Пахло мусором, сырой фанерой и ржавчиной. Шум внизу нарастал. Вася — и откуда хватило сил в руках («цыплячьих», как говорила иногда мама) — потянул лестницу вверх. Втащил ее всю, перехватывая рейчатые ступеньки! Уронил. Захлопнул неожиданно отяжелевшую крышку люка. Дальше что? Неподалеку Вася разглядел железную бочку. Она оказалась пустая, только с подтеками цемента. Вася ударом тела опрокинул ее, закатил на люк. Придавил сверху концом лестницы (она пахла смолой). Отдышался... Всё. Теперь не достанут. Если и догадаются про люк, сразу сюда не доберутся. А если и доберутся, можно отсидеться в каком-нибудь дальнем уголке...

Ну, а потом что? Вася не знал. Главное, что он *ушел*. Он был теперь, как узник, бежавший из Синг-Синга и спасшийся от стражи.

Да, надо было искать самое темное убежище, но Вася почему-то пошел на свет. Чердак был громадный и пустой. Под ногами хрустел шлак. Иногда путь загораживали облепленные трухой балки. Вася переваливался через них на животе. Рюкзачок норовил съехать со спины.

Наконец за сплетением нескольких балок Вася увидел солнечное окошко. Это, конечно же, был выход на крышу! Вася подбежал, рванул на раме щеколду. Вдохнул запахи лета и выбрался на гроыхающие кровельные листы.

Вот это да! Весь город Осинцев, окутанный майской зеленью, раскинулся перед Васей Перепёлкиным. Дело даже не в высоте, почти такая же высота была и у Васиной квартиры, но там за окнами виднелись только стены с окнами и верхушки ближних тополей, а здесь Васю охватил простор. До горизонта! Над горизонтом висели в синеве пухлые желтые облака. От облаков летел сюда теплый тополиный ветер.

Вася подставил ветру ладони.

Мягкий воздух сдул с ладони и колена саднящую боль, высушил лицо. Заполоскал на тощем Перепёлкине просторные штаны и перемазанную пылью рубашку, затеребил на груди галстучек. Вася сдернул галстучек и сунул в карман. Подошел про гулкому железу к самому краю крыши.

Дальше была пустота. Были и перильца, но жиденькие и низкие, чуть выше колен. Прогнулись, когда Вася коснулся теплых железных трубок ногами. Не удержат, если что...

А что?..

Высота не пугала. Если раскинуть руки, падение будет, наверно, не очень быстрым. И не страшным. Похожим на полет. А в полете всегда есть восторг (это знает каждый, кто летал во сне!). И теперь этот восторг жутковатым крылышком коснулся Васи. Но... была в этом восторге и печаль. Ведь Вася помнил, *какой* путь привел его на крышу. А как этот путь кончится, чем?

Может быть, и правда вот так — качнуться еще дальше и...

Засвистит воздух, помчится навстречу трава школьного сквера... и никто уже не станет ругать Васю Перепёлкина, никто не пошлет сквозь строй к дурацкой «правильной лестнице». Забегает в панике завуч Игупкин (ведь придется отвечать!)... И мама с папой, наверно, уже не поссорятся ни разу, потому что некого будет больше любить, кроме как друг друга...

Вася рывком качнулся назад. Лезет же в голову чушь! Никогда он не сделает *такого*... Но кто-то другой — будто не сам Вася, а сидевший у него внутри мохнатый хитро-ласковый человек — опять пощекотал его неслышным шепотом: «Это же не страшно... Зато знаешь, как потом пожалеют...»

Вася снова стал наклоняться вперед. Тонкая трубка перил сильно вдавилась в кожу над коленками и выгнулась пуще прежнего. Рюкзачок уже не тянул назад плечи, а сдвинул тяжесть вперед, будто подталкивал.

«И ничего не будет... Только *тот* след на бетоне...»

В этот миг словно кусочек солнца взорвался у него перед глазами. Это заметалась перед Васиным лицом желтая бабочка. Большая и отчаянная. Она хлестнула Васю крылышками по носу, по щекам. Он замотал головой и... будто проснулся. А бабочка не унималась. Налетала снова, снова. Моргая, Вася попятился от перил. Бабочка облетела его вокруг, метнулась в сторону, примчалась опять, затрепетала недалеко от плеча. Словно звала куда-то.

Может, правда звала?

Вася шагнул к ней раз, другой. Бабочка полетела неторопливо, и Васе даже показалось, что она оглядывается, хотя он, конечно, не видел ее крохотной головки. Так они миновали вдоль железного гребня всю длинную крышу. И там, у торца здания,

Вася увидел, как на кромкой водосточного желоба изгибаются две железные дуги. Это были перила пожарной лестницы. Вася тут же ухватился за них и нащупал подошвой верхнюю перекладину...

Пока Вася спускался, бабочка кружилась над ним. Лестница не достигала земли, не хватало метров двух. Вася повис на последней ступеньке, зажмурился и разжал пальцы. Крепко стукнуло по подошвам, он упал. Посидел, зажмурившись, потом открыл глаза. Бабочка прощально облетела Васю и скрылась за дощатым забором.

Забор огораживал задний школьный двор с сараем и гаражом. Одна доска в заборе была наполовину сдвинута. Вася, пригибаясь, подбежал, протиснулся в щель. Там, за досками, тоже был двор, но уже не школьный. В глубине его стоял деревянный двухэтажный дом с пустыми окнами. В нем давно никто не жил. Старшие ребята (и даже некоторые второклассники) иногда бегали сюда на переменах, чтобы покурить или подышать клеем «Момент». Но Вася никогда там не бывал. И сейчас он глянул на дом лишь мельком. Васе не нужно было туда, нужен был выход на улицу!

За домом снова был забор — с кривыми воротами и сорванной калиткой. Вася бросился к ней через молодые, но уже большущие лопухи. Еще пять шагов — и вот она, спасительная улица Луговая. Вася готов был выскочить в проем калитки. Но что-то остановило его. Будто тихий оклик. Вася огляделся.

Неподалеку от выхода лежала грудa хлама.

Ну, обычный хлам. Такой, что выбрасывают, когда накопится в кладовках и сараях. Кривая спинка железной кровати, рассохшийся бочонок, дырявые кастрюли, рваное сиденье кресла с ключьями поролона, остатки футбольного мяча, драные картонные коробки, тряпье и всякий другой утиль. А чуть поодаль валялось в цветущих одуванчиках колесо.

Оно словно сбежало из кучи, не желая иметь дела с помойной рухлядью.

Маленькое колесо, размером чуть крупнее тарелки для супа. Видимо, от детского трехколесного велосипеда, причем не переднее, а боковое (потому что без педалей). С тонкой пыльной шиной, с грязными спицами и облупленным ободом, с трубчатой втулкой. Бесплезное, никому не нужное...

Ни в тот момент, ни в другие времена Вася так и не мог объяснить себе, почему подошел и поднял колесо. Может быть, потому, что оно было *одинокое*? Как он сам...

Да он поднял его. Покрутил в руках, как руль-баранку. Вздохнул. Ни к чему ему было это колесо. Но вот так взять и отбросить его он уже не мог. Это будто погладить беспризорного котенка, а потом отпихнуть.

«Ладно, пойдем со мной», — шепотом (или даже мысленно) сказал Вася. И показалось, что колесо отозвалось тихим-тихим звоном спиц: «Пой-дем-м...»

Да, разумеется, показалось. Но Васе вдруг стало тепло и спокойно, словно все горести остались где-то в другой стране, за прочной, запертой границей.

Продолжая держать колесо, как штурвал, Вася выбрался через калитку. И «порулил» к дому. Встречные могли подумать: не маленький уже, а играет «в машину», как детсадовский малыш. Но Васе было все равно. Колесо ласково теплело в ладонях.

«Ты хорошее», — с последней слезинкой в горле шепнул ему Вася.

«И ты...», — отозвалось колесо пощекотавшим ладони шепотом.

И так они вдвоем «прикатили» к Васиному подъезду.

Созвучие

Дома никого еще не было.

Вася сбросил в прихожей кроссовки и рюкзачок. Сдернул с себя перепачканную пылью и трухой рубашку, обтер ею колесо (все равно в стирку). Бросил рубашку под вешалку и с колесом в руках ушел к себе за ширму.

Сел. Несколько раз глубоко вздохнул. Поставил колесо себе на колени и сверху лег на него подбородком. Пальцами прошелся по спицам. Спицы были не такие, как у настоящего велосипеда. Там они звонкие, как натянутые струны, а здесь — тонкие железные палочки. И все же они опять отозвались тихим звоном:

«З-здесь живешь, да?»

Наверно, это был даже не звон, а эхо в мыслях у Васи. Но очень явное эхо. Вася не удивился. Погладил литую твердую шину.

— Здесь живу...

«У тебя хорошо. Не то что на чердаке...»

— А ты жило на чердаке?

«З-з... да... Долго. Недавно чердак стали чистить и все выбрасывать. И меня...»

Тут Вася все-таки спросил:

— А ты по правде разговариваешь? Или мне кажется?

«З-з... да. По правде. Только не разговариваю, а мысленно отз-зываюсь.»

«А как ты научилось?» — спросил Вася тоже мысленно.

«Я потом расскажу. Еще ведь будет время... Ты меня не выбросишь?»

«Да ты что! — Вася покрепче вцепился в обод с шиной. Железо и резина затеплели. Вася благодарно улыбнулся... Однако, несмотря на ласковое тепло, твердая шина сильно давила колени. Вася снял колесо, прислонил к боку под локтем. Шина оставила на коже отпечатки резинового узора. Вася помусоленным пальцем потер четкие розовые отпечатки полосок и треугольничков.

«Колесо...»

«Что?» — щекотнуло оно сквозь майку Васиного ребра.

— А ты, наверно, не очень много ездило по земле. Шина у тебя совсем не стертая...

«Совсем не много... Я не успело... Давным-давно меня купили мальчику Саше. Маленькому, меньше тебя. То есть не меня купили, а целый велосипед, с тремя колесами. Мальчик Саша сел и сразу поехал со двора. Там был тротуар из досок, он вел под горку. Саша еще не умел управлять, потерял ногами педали, заплакал, отпустил руль. Нас, все три колеса, пронесло под уклон, и мы вместе с мальчиком сорвались бы с досок на дорогу, а там ехал грузовик. Тогда я... я толкнуло себя в щель между досками. Так, чтобы мальчик слетел с седла, но не в сторону дороги, а к забору. Он и слетел...»

— Значит, ты спасло мальчика Сашу, — благодарно сказал Вася и покрепче прижал колесо локтем.

Колесо отозвалось с ощутимым вздохом:

«У него даже ни одной царапинки не оказалось, только рубашку порвал на локте.

А велосипед не спасся... Я-то сорвалось с оси и застряло в щели, а все остальное... весь велосипед... он вылетел на дорогу прямо под машину... Я даже не знаю, куда его потом девали. А я осталось одно, и меня закинули сперва в кладовку, а потом на чердак... Хорошо хоть, что не на помойку.»

«На чердаке, наверно, тоже радости мало», — посочувствовал Вася.

«Мало... Я там запылилось и поржавело... Ты меня не выбрасывай», — снова сказала колесо. И Вася ему опять сказал:

«Ну что ты!»

Тут Васю стала окутывать мягкая сонливость. Он ей не стал противиться. Лег головой на подушку, а колесо положил у груди, накрыл ось ладошкой. Но прежде, чем заснуть, Вася задал еще несколько вопросов:

«Колесо... ты все понимаешь и ты разговариваешь. Значит ты... живое?»

«Ну, не з-знаю... — донеслось до Васи сквозь ладонь (и сквозь дремоту). — Скорее всего, да... Наверно, все вещи живые, потому что понимают и разговаривают...»

«А почему тогда люди их не слышат?»

«Потому что вещи разговаривают не голосами, а мыслями. Вернее, они излучают незаметные волны, вроде как радио. Но у этих волн не такая длина, как у человеческих мыслей. Только очень редко это длина совпадает. И тогда получается такое... созвучие...»

«У нас с тобой созвучие?» — догадался Вася.

«Да... У вещей между собой созвучие бывает часто, а между вещами и людьми очень редко...»

«Нам повезло.»

«Очень повезло...»

«Колесо, а как тебя зовут?»

«Вот странный вопрос! — удивилось оно. — Так и зовут: «Колесо».

«Но ведь колес много! Можно спутать!»

«Но ведь и Вась много, а тебя все равно зовут Вася...»

«В самом деле... Ну... тогда ты будешь «Колесо» с большой буквы».

Колесо, кажется, обрадовалось:

«Ладно!»

Потом уже начался сон. Вася увидел себя и Колесо не на постели, а на подоконнике. По стеклам звенел крупный солнечный дождь. В каждой капле горела искра. Или даже огонек. Листья тополей отбрасывали зеленые лучи. Даже сквозь стекло пахло свежей тополиной листвой. Капли, словно бубенчики вызванивали знакомый мотив:

День-динь...

И сейчас у Васи сочинилось продолжение песенки:

Днём — гнём

Радугу, словно лук.
Ог-нём
Солнце звенит по стеклу...

Это потому, что над мокрыми тополями и вправду зажглась радуга. Очень яркая, из семи чистых красок.

«Радуга похожа на часть колеса, — возбужденно шепнуло Колесо. И даже шевельнулось под локтем у Васи. — Только ее колесо — громадное...»

«Радуга тоже живая?»

«Да...»

«А у тебя с ней есть созвучие?»

«Есть... немножко. Но радуга не разговаривает, а поет. Вернее, излучает музыку. Ведь в музыке семь нот, а в радуге семь красок. Похоже... Вася, ты любишь музыку?»

«Люблю. Только у меня нет слуха...»

«Как это нет, если любишь?» — удивилось Колесо.

«Не знаю...»

«Кто тебе сказал такое, про слух?»

«Один музыкант, профессор.»

«Да ну его! Ты все равно... люби.»

«Ага. Я все равно...»

«Я тоже люблю. У нас на чердаке был старый репродуктор. Он мне играл много-много музыки. Всю, какую запомнил за свою жизнь...»

«У тебя с ним тоже было созвучие?»

«Еще какое! Самое полное!.. Наверно, потому, что мы оба круглые, и у него по краю железный обод...»

«А у нас с тобой... какое?» — осторожно спросил Вася.

«Что «какое»?»

«Созвучие. Тоже полное? Или...»

«Самое полное! Как с репродуктором! Хотя ты и без ободка... Вася...»

«Что?»

«А какую это песенку ты сейчас мурлыкал?»

«А это она у меня сама собой сочинилась!» — И поскольку дело было во сне, Вася не стал стесняться. Звонко спел для Колеса оба куплета.

Колесо сказало, что песенка замечательная. И хотело сказать что-то еще, но испуганно примолкло. И оба они с Васей опять оказались на постели, а в передней слышались голоса.

И все было, почти как вчера. Мама и папа возникли над Васей, чуть не уронив ширму.

— Ну, вот он голубчик! Никуда не делся! Я же говорил!

— Это я говорила! А ты ударился в панику!

— Это ты ударилась! Чуть не в обморок...

— Не мели чепуху!.. Василий, где ты был? Нам с папой позвонили на работу, опять

вызвали в школу! Куда ты сбежал с линейки? Ты всех там поставил на дыбы! Учителя хотели звонить в милицию!..

«Так им и надо», — подумал Вася. И сказал, не отрывая щеки от подушки:

— А что я сделал? Уроки кончились, я пошел домой...

— Ты издеваешься, да? Ты должен был спуститься по лестнице! — пуще прежнего возмутилась мама.

— Ничего я не должен, — буркнул Вася. И вытер о подушку нос.

— Ты дал нам слово, — напомнил папа.

— Я дал слово, что поднимусь по лестнице! А что спущусь обратно, не давал! — Вася быстро сел. И оперся о Колесо локтем. — Зачем? Чтобы снова сквозь строй, что ли?! — И вновь заскребло в горле.

— М-да... — сказал папа.

— Что ты хочешь сказать своим постоянным «м-да»? — опять взвинтилась мама.

— Я хочу сказать «м-да»... И еще хочу спросить сына: куда он все-таки исчез после того как поднялся по лестнице?

«Скажи, что прятался в кладовке». — локтем ощутил Вася.

— Я спрятался в кладовке. На четвертом этаже. А когда все разошлись, ушел потихоньку...

— Ты чудовище!.. А что в кладовке, мусорная свалка? Почему ты так извожился и ободрался? Господи, руки, ноги, щеки...

«Еще рубашку не видела», — вздохнул про себя Вася.

— А где ты взял эту ржавую дрянь? Тоже в кладовке?

— На улице...

— Тащишь в дом всякий утиль! Выбрось немедленно!

Вася опять притиснул Колесо к груди.

— Это не утиль, а... — Он чуть не сказал «мой лучший друг». Но понял: мама сразу решит, что сын свихнулся. Небось врача вызовет. — Не утиль, а очень нужная вещь.

— Убери эту «нужную вещь» с кровати! — Мама дернула Колесо, положила на пол, а Васю поволокла в ванную. Принялась умывать и отскабливать, мазать какой-то жгучей шипучкой ссадины. И при этом сообщила:

— Завтра сразу же пойдешь к Валерьяну Валерьяновичу и попросишь прощения.

Отплевывая мыло, Вася сказал:

— Можешь утопить меня прямо в этой ванной. Все равно не пойду.

— Тебя исключат из школы!

— Пусть... Тьфу! Ну, щиплется же!

— Олег, ты слышишь, что он говорит?!

— А? М-да... Яночка, мне надо снова в институт. Ведь меня этим звонком сорвали с дежурства, сегодня во второй лаборатории эксперимент...

Мама сказала, что *все это* — эксперимент над ее нервами.

Папа тихо исчез.

— Значит, не будешь извиняться? — спросила мама, энергично вытирая Васиные щеки жестким полотенцем.

— М-м... Мама, я есть хочу, — вдруг понял Вася.

— А по-моему, ты хочешь моей смерти.

— Не-е! Я тебя люблю, — искренне сказал Вася, потому что учуял в мамином голосе слабинку.

Мама, сжав губы, дала ему молока с мягким калачом.

После еды Вася опять почувствовал, что хочет спать. Побрел к себе. Взял колесо, прогладил, уложил его под подушку. Сбросил мятые пыльные штаны и забрался под одеяло, хотя за окнами еще вовсю светило солнце.

И сон опять навалился на Васю — плотный и ласковый. Снилось что-то непонятное, но не страшное, даже веселое. И так, наверно, было бы до утра, если бы не одно обстоятельство. Это обстоятельство (после большой кружки молока) заставило Васю проснуться и побрести в туалет.

— Вычисти зубы, — сказала в закрытую дверь мама. — Все люди, даже преступники, чистят зубы на ночь.

Вася не спорил. Тем боле, что не был он преступником.

Вернувшись в постель, Вася сунул руку под подушку: «Колесо, ты спишь?»

Колеса там не было!

— Мама, где оно?!

— Что с тобой? Что ты так кричишь? Какое «оно»?

— Колесо!!

— Ты меня с ума сведешь!.. Зачем ты затолкал эту грязь под подушку?

— Это не грязь! Мама! Куда ты его девала?!

— Перестань вопить...

— *Куда ты его девала?!* — Васю стиснули страх и отчаяние. — *Отдай!!*

— Я... спрятала его в кладовку. Завтра получишь...

— Нет! Сейчас!

— Прекрати немедленно!

...Ну, а что было дальше, уже известно.

Два следа

Утром никто не вспоминал про вчерашнее. Только мама один раз не выдержала: — Боже мой, во что ты превратил свою белую рубашку!

Но про то, что Вася должен извиняться перед завучем, ни слова.

После завтрака мама дала Васе его вновь почищенный и отглаженный костюм «сафари» и быстро ушла в свое Аптекоуправление. А папа в Керамический институт — продолжать эксперимент в лаборатории номер два. Вася тут же вытащил из-под подушки Колесо.

«Привет!»

«Дз-з... привет.»

Ночью и рано утром Вася дважды просыпался от страха: а вдруг ему просто приснилось, что Колесо — живое и говорящее? Он стискивал обод и шину и слышал (вернее, чувствовал) сонный ответ: «Дз-з, спи. Не бойся...»

И теперь он уже не удивлялся «колесному» волшебству, а только радовался.

«Давай играть! — предложило Колесо. Конечно, оно ведь было от детского велосипеда, значит, и само по себе с ребячьим характером.

«Давай! — обрадовался Вася. — А как?»

«Садись на пол. Будешь толкать меня от себя, я стану стучаться о стену, отскакивать и катиться обратно!»

Вася послушался. Сел у двери, раскинув ноги, начал хлопать ладонью по шине. Колесо резво убежало, упруго ударялось о стенку над плинтусом и спешило Васе в руки. Но не всегда точно в руки. Порой тыкалось в его ступню или вскакивало на колено с засохшей вчерашней ссадиной. Кажется, оно баловалось. Радовалось резвому движению после долгой неподвижной жизни на чердаке и на свалке.

Простенькая игра, но и Васе, и Колесу было весело. Касаясь шины, Вася ощущал на миг тихий «дзенькающий» смех Колеса.

Наконец Вася толкнул Колесо так неточно, что оно укатилось под батарею и оттуда — не к Васе, а под стол. Побренчало там и легло на бок. Вася кинулся к нему.

«Ты почему не туда уехало?»

«Потому что ты не туда меня направил. Я ведь отталкиваюсь по закону.»

«По какому закону?»

«По физическому. Угол падения равен углу отражения.»

«Но никакого же падения не было», — осторожно напомнил Вася (может, Колесо обиделось?)

«В физике стуканье о стенку все равно, что падение на пол...»

«Мы про такое еще не учили, во втором классе физику не проходят. А ты откуда все это знаешь? Ведь на чердаке школы нету...»

«Я же тебе говорило! У меня был друг, старый репродуктор. Он за свою жизнь столько всяких радиопередач проговорил! В том числе и научных. И всё помнил. И рассказывал мне... Делать-то все равно было нечего, кроме как разговаривать.»

«А где он сейчас, этот репродуктор?»

Вася ладонью ощутил похожее на вздох щекотанье:

«Не знаю. Наверно, его выбросили как и меня, только в другое место. Связь оборвалась...»

Кажется, Колесо загрустило. «Ну, не горюй, теперь я твой друг», — хотел сказать Вася, но постеснялся. И вместо этого предложил:

«Пойдем играть на улицу!»

«Пойдем!» — обрадовалось Колесо.

Вася подскочил и брякнулся макушкой — он забыл, что сидит под столом. Брякнулся не больно, потому что был в панаме. И, к тому же, от этого «бряка» в голове вспыхнула конструкторская мысль. Вася вытащил из-за шкафа метровый кусок толстой проволоки, который припрятал там на всякий случай еще осенью. Просунул конец во колесную втулку. Пыхтя от усилий, загнул его плоскогубцами и молотком. А другой конец выгнул так, что получилась удобная рукоятка — держи и кати Колесо перед собой!

«Прекрасно придумано! — оценило Колесо».

Вася и сам понял, что прекрасно! Ведь слова Колеса он ощутил через проволоку. Значит, чтобы разговаривать, не обязательно держаться за обод или спицы, можно и за рукоятку!

«Поехали!»

Утро было такое же солнечное, как вчера. Пахло молодой травой, липкими листиками тополей и политым из шланга асфальтом. Вася с удовольствием посмотрел на себя в лужицу — он опять был, как африканский путешественник. А Колесо радостно вспоролу воду и принялось печатать на асфальте свой шинный узор — три тонкие линии, а между ними крохотные треугольники...

Миновали двор, деревянный переулок Цветоводов и оказались на лужайке с россыпью цветущих одуванчиков. И двинулись напрямик. Мохнатые солнечные головки мягко чиркали Васю по щиколоткам, а Колесо по спицам. И тому, и другому это было приятно.

«З-здорово придумано!» — весело звенела проволока.

Потом начались лопухи и всякие чертополоховые джунгли. Костюм «сафари» опять обретал потрепанный (как и положено одежде путешественника) вид. Но это мелочи! Зато Колесу здесь нравилось. И Вася рассказывал ему про свои игры, про фотоохоту на африканских зверей. Колесо много знало про Африку и ее обитателей — из географических передач и сказок о докторе Айболите, которые оно слышало от репродуктора.

Вася рассказал про вчерашнего кота-леопарда и тут же вспомнил про следы на бетоне.

«Эх, жалко, что бетон уже застыл! А то бы и твой след можно было отпечатать.»

«Да, хотелось бы, — взволнованно отозвалось Колесо. — А, может быть, он еще не совсем застыл?»

«Боюсь, что совсем... Ну, посмотрим!»

Они стали пробираться через лопухи и бурьянный сухостой. И Вася знал, *какая* тревожно печальная мысль появится там (она и теперь уже шевелилась): «Могло случится, что след сейчас был бы, а меня уже не было...» Однако все вышло по-

другому.

Да, бетон сделался, словно камень, это не удивительно. Удивительно другое — рядом с Васиным следом четко виднелся еще один!

Можно подумать, что вчера Вася встал на бетонную полосу двумя ногами. Но этого же не было! На двух ногах он провалился бы в незастывшую кашу по косточку. И к тому же... да, след не Васин! Отпечатанная босая ступня была чуть поменьше.

Вот загадка! Ну, прямо как с чужим следом в книжке о Робинзоне.

— Ну и фокус... — пробормотал Вася.

Колесо сразу сообразило, в чем дело. И откликнулось бодро.

«Это же тайна! С тайнами интереснее!»

С ними, конечно, интереснее, но Вася ощутил не азарт, а беспокойство. Словно кто-то следил за ним из сорняковых зарослей. И... заросли эти вдруг зашуршали. Вася рывком оглянулся.

Ну, кого угодно он мог ожидать, даже настоящего льва или гориллу! Только вот не это вредное существо!

Из чащи шагнула Мика Таевская.

К ее клетчатой юбке и к белой футболке с разноцветной птицей на груди пристали репы. Такой же сухой репей прицепился к скрученному в кольцо локону. В ушах блестели крохотные (не запрещенные в школе) зеленые сережки. Смотрела Таевская не на Васю, а, кажется, на свои плетеные сандалетки.

— Здравствуй, Перепёлкин...

— Здравствуй, — неуверенно хмыкнул Вася. Нельзя сказать, что встреча его обрадовала. Он давно уже не испытывал к Таевской никаких чувств, с *того самого* дня. И даже не глядел на нее, когда встречал в школьном коридоре или буфете. Чего на нее глядеть!

А что ей сейчас-то надо? Небось скажет: «Зачем тебе эта детсадовская игрушка?» Хорошо бы ответить как-нибудь посуровее...

Но она спросила про другое:

— Перепёлкин... то есть Вася... Можно я сразу скажу, что хотела? — Махнула на него глазами-бабочками и опять уставилась вниз.

— Ну... скажи... — А что еще он мог ответить? Не гнать же, если уж появилась тут.

— Я... Ты меня извини, за то, что тогда осенью... Понимаешь, я была очень-очень глупая...

— А сейчас, что ли, поумнела? — опять хмыкнул он. И опять как-то нерешительно.

— Да... наверно... — кивнула Мика, словно огородившись от насмешки. — Я тогда... была еще вся такая... очень послушная. Бабушка все время учила: «Ты должна всё-всё рассказывать учительнице. И если к тебе кто-то пристает со всякими глупостями...»

— Разве я к тебе приставал?

— Ну, я же говорю: глупая была... — тихо объяснила Мика. — А потом...

— Что «потом»? — бормотнул Вася, потому что надо было что-то сказать.

— Потом я так... ну, горевала, что ты в другой класс ушел. Даже до слез...

— Надо же... — сказал Вася и покатал по траве туда-сюда Колесо.

— Конечно, ты сейчас меня, наверно, ненавидишь... — прошептала Мика и отлепила от футболки репей. И стала катать в пальцах.

— Да вот еще... — Вася глядел поверх Микиной головы, на дальние деревья. — Я уж и забыл про все... — И это была правда.

Они надолго замолчали и по-прежнему не смотрели друг на друга.

«Кто она такая?» — вдруг почувствовал Вася через проволоку вопрос Колеса. Кажется, в вопросе была нотка недовольства.

— Потом расскажу, — вслух откликнулся Вася.

— Что? — вздрогнула Мика.

— Ничего. Это я не тебе... Ты как меня тут разыскала? — И подумал: «Сейчас соврет, что случайно».

Мика не стала врать:

— Потому что я... ходила за тобой несколько дней. По пятам...

— Для чего? — насупленно сказал Вася.

— Чтобы все тебе сказать... наконец.

«Придумала какое-то кино...» — чуть снова не хмыкнул Вася. Но почему-то не посмел. И в тот же миг догадался:

— Значит, вчера ты за мной тоже следила? Вот здесь!

Мика виновато закивала опущенной головой — так, что репей на локоне закачался туда-сюда.

— И ногу рядом с моей... это ты отпечатала?

Она опять закивала, глядя на сандалетки.

— А зачем?

Мика шевельнула плечом. Прошептала:

— Если тебе... это противно, можно выколупать. Молотком или ломиком.

Васе не было противно. «Мне все равно», — хотел сказать он. Или даже сказал? Потому что Колесо вдруг спросило с легкой ехидцей:

«А может, не совсем все равно?»

Вася не обратил внимания на иронию. Он думал: «А что дальше-то?» Если бы Мика ушла, все, как говорится, встало бы на свои места. Но Мика не уходила. Мало того, она сбивчиво выговорила:

— Вася, а теперь... может быть, если ты...

— Что? — сказал он.

— Ну... если ты не очень сердисься... может быть, еще можно?

— Что? — опять сказал он и посмотрел Мике в лицо. Она часто замигала, но не отвела глаз.

— То, что в письме... Подружиться...

Вася тоже замигал.

Он был не злопамятный. Не обидчивый. Кроме того, похоже, что Мика Таевская в самом деле поумнела. А глаза-бабочки, они стали даже еще как-то... крылатее, что ли. И теперь, к тому же, на крылышках-ресницах блестели влажные искры.

Вася подумал еще чуть-чуть, вздохнул и сказал:

— Ну, ладно. Давай...

Мика заулыбалась и оказалась рядом. И они бок о бок пошли через ломкий старый бурьян и мягкие свежие лопухи. И как-то само собой вышло, что взялись за руки. Вася правой рукой держал проволоку-каталку колеса, а левой теплую Микину ладонь.

— Ты здесь часто играешь? — спросила Мика.

— Когда тепло... Я в джунгли играю. Вчера на кота охотился, будто он леопард. Там на бетоне есть его следы.

— Я видела. Я и кота видела, и тебя. Только окликнуть побоялась...

— Какая боязливая, — сказал он с ненастоящей насмешкой. — Почти целый год ходила вдалеке, боялась подойти. Мы ведь могли бы давно уж... помириться.

— Да, я боязливая, — покаянно согласилась Мика. — А вчера на линейке решила изо всех сил: подойду обязательно. Нельзя же быть такой трусихой, если ты такой смелый.

— Ох уж смелый! С чего ты взяла?

— Конечно! Ты так гордо шел... А главное, как ты Валерьяна Валерьяныча оставил в дураках! Все так переполошились, а он больше всех! Бегал по этажам... Вася, а куда ты там подевался?

— Долгая история. Потом расскажу, а сейчас не хочется вспоминать.

— Ладно, — не обиделась Мика. — Тогда знаешь что? Пойдем, я покажу, где я живу!

И они пошли на улицу Титова, к Викиному пятиэтажному дому. Колесо прыгало перед Васей на асфальтовых бугорках.

— Это твоя любимая игрушка? — уважительно спросила Мика.

Вася строго сказал:

— Вообще не игрушка. Это... все равно что друг.

— Я понимаю. У меня тоже есть такой друг. Старый мячик с нарисованным львенком. Львенок почти стерся, но мячик все равно любимый. Я его под подушку на ночь укладываю и рассказываю ему... ну, всякие свои тайны.

«Небось и про меня?» — чуть не спросил Вася, но не решился. И сказал:

— Значит, у тебя с ним созвучие.

— Да, — понимающе кивнула Мика.

А Колесо передало через проволоку Васе свою мысль:

«Кажется, она не совсем глупая...»

У Микиного подъезда еще поговорили. Вася сказал, что, наверно, пора домой, готовить уроки.

— Каникулы на носу, а задают целую кучу.

— А нам совсем мало задают. Зря ты из нашего класса ушел...

— Все равно наша Полина Аркадьевна в тыщу раз лучше вашей Инги.

— А в третьем классе у нас Инги Матвеевны не будет. Она уходит в декретный отпуск.

— В какой отпуск?

— В декретный. Ну, не понимаешь, что ли? Она ждет ребенка.

— А! Я понимаю. Только не знал, что он так называется. Сказала бы «в отпуск по беременности».

— Это одно и то же... В школе увидимся, да?

— Увидимся. Пока!

И Вася с Колесом поскакали по асфальту. На углу Вася оглянулся. Это было не обязательно, однако он знал, что Мика смотрит вслед, и решил помахать рукой. И они помахали друг другу. И Вася свернул в Кольцовский переулок — тот, что вел вдоль овражка с ручьем, на пустыри.

Педали

Вася решил возвращаться к дому прежней дорогой, через «джунгли». Вдруг случится что-то еще интересное. Но случилось обыкновенное. Вася почувствовал, что ему очень надо в укромное место, сделать одно дело. В общем-то все места здесь были укромные — вокруг никого, кроме бабочек и невидимых трескучих кузнечиков. Но все-таки он пролез подальше в гущу высокого белоцвета, а Колесо оставил на краю лужайки, чтобы не цеплялось в зарослях.

— Не бойся, я сейчас вернусь...

Когда дело было кончено, Вася услышал позади громкий шелест. Ай! Неужели Мика вздумала опять пуститься следом? Он торопливо одернул шорты! Но сзади была не Мика. Это, вихляясь и застревая, пробиралось меж стеблей и листьев Колесо! Само по себе! Проволока волочилась за ним, как хвост.

Вася стремительно сел на корточки. Схватился за спицы.

— Как это ты? Будто совсем живое!

— Тебя долго не было, я испугалось. Вдруг ушел без меня...

— Вот глупое, разве я тебя брошу! Да я не про то! Как ты научилось двигаться?

— Не знаю... Во мне появилась какая-то сила. Двигательная...

— Энергия?

— Ну да! Может, от солнца, а может... от тебя. Передалась через проволоку, как через антенну... Я, кажется могу еще быстрее...

— Ну-ка попробуй! — И Вася отпустил Колесо.

Оно покачалось, встав на ребро. Двинулось. Проехало у Васи между ног. Покатило через белоцвет, быстрее, быстрее. Вася кинулся следом. Выскочил за колесом на лужайку. Оно зигзагами заметалось среди мелких ромашек и клевера. Иногда приостанавливалось, подпускало Васю, но, когда он хотел схватить проволоку, снова пускалось вскачь. Играло. Или... дразнило?

Вася плюхнулся в траву и сел, раскинув ноги. Колесо описало широкую дугу, подкатило, ткнулось в Васино колено:

«Ты чего?»

«Ты меня загоняло.»

«Обиделся?» — испугалось Колесо.

«Нет. Но теперь больше не бегай, домой пора. Давай, на улице я буду держать тебя за каталку, а то прохожие от удивленья попадают.»

И они чинно двинулись по переулку Цветоводов — мальчик и обыкновенное игрушечное колесо. Хотя внутри у мальчика кувыркалась и прыгала смешанная со счастливым удивлением радость: «Вот какое чудо есть у меня!»

«Колесо, а много в тебе энергии?»

«Кажется много! Если бы меня опять приладили к велосипеду, я могло бы работать, как мотор. Катало бы тебя сколько хочешь!»

«Велосипеда у меня нету. И мал мне уже трехколесный-то... А давай сделаем самокат! Я найду доску и еще какое-нибудь колесо. Его приделаем спереди, будет рулевое, а ты — сзади! Толкательное!»

«Ну... давай, — согласилось Колесо. Правда, без большого энтузиазма. Видимо, не верило, что Вася сумеет смастерить самокат.»

Дома Вася, забыв про уроки, начал искать по всем углам подходящую доску. Но где ее возьмешь-то? Колесо можно выпросить у тети Тома — от старой хозяйственной тележки (она, то есть тележка, все равно сломанная), а с доской был полный провал. Вася обшарил все углы в комнате, в кухне и на антресолях, перевернул все старые вещи в кладовке. И — ничего! А заняться самокатом прямо сейчас хотелось нестерпимо. Он даже решил было отпилить ножовкой полосу от крышки столика, на котором в прихожей лежали мамины журналы мод и зонтики (что потом скажут мама и папа, можно пока не думать). Но сообразил, что там не дерево, а прессованная стружка.

Колесо во время поисков неотступно каталось за Васей и время от времени тыкалось в ноги. И ткнувшись в очередной раз, предложило:

«Не надо никакого самоката. Можно сделать проще...»

«Как?» — уныло спросил Вася. Он не верил, что можно проще.

«Надо только найти прочную ось, чтобы вставить в мою втулку...»

«И что дальше?»

«Увидишь.»

Вася поскреб под панамой затылок. Вспомнил, что в кладовке видел никелированный стержень толщиной в палец. Кажется, это была стойка от какой-то давно развалившейся настольной лампы.

Стержень нашелся под корзиной с зимней обувью. Длиною он был сантиметров тридцать, чуть побольше диаметра колеса. С винтовой нарезкой на двух концах. И оказалось (вот удача-то!), что его толщина — в самый-самый раз. Вася вынул каталку, с натугой втолкнул в железную муфту стержень, и Колесо прочно село на оси. Обратно и не вытащишь, сколько ни дергай.

— Можно выколотить молотком, — виновато сказал Вася.

«Не надо ничего выколачивать. Слушай и запоминай. Сейчас я встану прямо, а ты становись обеими ногами на ось. С двух сторон». — Колесо выскользнуло из Васиных пальцев, скакнуло на пол и ловко встало на ребро.

— Я же грохнусь!

«Может, и грохнешься разок, не беда. Скоро научишься. Я помогу... Не трусь!»

Вася вовсе не собирался трусить. Но как встать на ось сразу двумя ногами? Прыгнуть? Тогда уж точно брякнешься. Вставать по очереди левой-правой? Но Колесо опрокинется...

— Давай так... — Вася подкатил Колесо под край стола. Лег на стол животом. Нащупал концы стержня кроссовками. Встал на шаткой оси, держась за кромку столешницы. Ох как шатко!.. Он все же отпустился от стола. И сразу...

Вася постанывая, поднялся с половиц, Колесо осью ткнулось ему в ногу.

— Ну тебя! У меня, кажется, сотрясение мозга!

«Ты стукнулся не головой, а... Там сотрясения не бывает. Попробуй еще.

— Я тебе кто? Цирковой артист?

«Как знать. Может, у тебя талант.»

— Ох уж, талант... — Вася потер сзади штаны. Но делать нечего. Пришлось

делать новую попытку. «Только последнюю», — предупредил он Колесо. Опять лег животом на стол и нащупал ногами ось.

«Подожди, — вдруг остановило его Колесо. — Ты, когда начнешь выпрямляться, скажи считалку:

Та-та-та и ду-ду-ду!
Никогда не упаду!»

Вася успел, сказал эти слова, отрываясь от стола. И, наверно, поэтому сразу не упал. Закачался, замахал руками, балансируя на шатком Колесе. А оно тихонько поехало и спиной вперед откатило Васю от стола метра на три. Там он, конечно, вновь оказался на полу.

«Теперь уж точно сотрясение! — мысленно простонал он. — Вот тебе и «ду-ду-ду»...»

«Но ведь уже получается! Давай!»

...Получаться стало не сразу, а только через час, когда Вася сбился, считая синяки и шишки. Да все и не сосчитать, потому что некоторые были на том месте, которое не видно. Зато Вася наконец-то сумел объехать комнату по кругу. Как цирковой артист арену! Правда, при этом он все еще отчаянно качался и махал руками, но уже не упал.

А потом он выписал на полу восьмерку! Как-то незаметно он научился делать повороты, нажимая на ось то левой, то правой ступней.

«Вот видишь! Получается!» — радовалось Колесо. Оно без усталости бегало под Васей. Видно, энергии в Колесе было полным полно.

Вася тоже радовался. Представлял, как будет гонять на любимом Колесе по улицам и парковым дорожкам. Одно только неудобно: ось больно давит на ступни сквозь мягкие подошвы кроссовок. И крутится под ними, к тому же. Очень скоро протрет их насквозь. И тогда: «На тебя не напасешься обуви!»

Вася сказал про это Колесу.

«Надо придумать какие-то педали», — озаботилось Колесо.

Вася отыскал в кладовке кусок толстенной, в десять миллиметров, фанеры. С большим трудом выпилил из него не очень-то острой ножовкой два прямоугольника — размером с большую плитку шоколада. Затем отыскал в ящике со всякой железной мелочью пять толстых гвоздей.

Самое трудное было сделать из гвоздей скобки. Пришлось отгрызать кусачками шляпки, выгибать гвозди молотком, затачивать у скобок напильником концы. Потом вколачивать скобки в крепчайшую, как броня, фанеру. Кто имел с такой фанерой дело, поймет, что это за труд! Вася оставшимся гвоздем пробивал в самодельных педалях отверстия и вколачивал в них концы железных петель. Если бы кто-то сказал Васе раньше, что он справится с такой работой, он бы не поверил!

Дважды Вася пускал слезы, попадая молотком по пальцам. Но потом сцеплял зубы и бил снова. Потому что, несмотря на боль и досаду, все равно в нем пританцовывала радость:

Та-та-та и ду-ду-ду!
Никогда не упаду!

Наконец, самодельные педали были готовы. Вася скобками надел их на ось. Отыскал в железной рухляди две подходящие гайки, туго навинтил их плоскогубцами на концы стержня — чтобы педали не срывались. А чтобы они не съезжали близко к втулке, Вася намотал на ось толстые муфточки из синей изоленты.

Теперь ездить стало не в пример удобнее! Подошвы плотно стояли на фанерках, и Вася уже сохранял равновесие, как настоящий цирковой артист. Даже руками почти не махал. Может, выручали педали; может, набрался опыта; а может, помогало ему своей загадочной энергией Колесо.

Эта энергия была послушна Васе. Его мысленным командам. Колесо ехало, куда он хотел, останавливалось и давало задний ход тоже по малейшему Васиному желанию. Стало казаться даже, что он и Колесо — одно существо.

«Вот видишь, — сказала Колесо (то есть пощекотало сквозь педали и кроссовки). — А ты хотел какой-то самокат!»

«Так в тыщу раз лучше! — радостно согласился Вася. — Зачем нам какое-то второе колесо!» — Он догадался наконец, что *его* Колесо не хотело соперника. Вдруг Вася с тем, вторым колесом тоже подружился бы! Кажется, Колесо было ревнивым существом (если, конечно, колеса умеют ревновать).

«Пошли на улицу, погоняем по асфальту! — весло предложило Колесо.»

«Пошли!.. Ох, нет! — Вася глянул на часы. На улицу потом, вечером. А сейчас придет мама... Давай-ка я спрячу тебя.» — И он укрыл Колесо в закутке между изголовьем кровати и стенкой. Накинул на него тети-Томину наволочку. И пришла мама.

— Господи, откуда у тебя на лбу новая шишка?!

— О косяк стукнулся. Подумаешь...

— Почему дети всех моих знакомых никогда не стучатся о косяки?

— Потому что они «нормальные мальчики и девочки», а я «сплошное недоразумение»...

— Вот именно. Ты обедал?

— Сейчас пообедаю.

— Несчастье мое, до школы меньше часа! Уроки сделал?

— На сегодня не задавали, — бодро соврал Вася (а что ему оставалось?).

— Тебя послушать, так вам вообще никогда ничего не задают.

— Ну конец же учебного года же!

— Ты достукаешься, что новый учебный год снова проведешь во втором классе! Садись к столу. И чтобы весь суп съел до доньшка! Не ребенок, а фильм Диснея «Танец скелетов»...

Вася на табурете бодро подъехал к столу. На душе было весело, хотя все еще болели отбитые молотком пальцы. Правда, где-то в глубине души скребло опасение, что в школе могут начаться придирки и допросы из-за вчерашнего, но... может, и не

начнутся. А если он схлопочет двойку за неготовые задания, ну и что? На второй год теперь все равно уже не оставят!.. А главное то, что есть Колесо! И день совершенно летний и безоблачный! Ну и... с Микой вот такая встреча. Это ведь тоже неплохо...

Никаких разборок в школе не случилось. Наверно, потому, что не было Валерьяна Валерьяновича. На первом уроке Полина Аркадьевна сказала классу:

— Что-то вы сегодня расшумелись, голубчики. То ли близкие каникулы почуяли, то ли узнали, что Валерьян Валерьянович сегодня уехал в Москву на учительскую конференцию и некому держать вас в настоящей строгости... — При этом она *вовсе не смотрела* на Васю.

И ни одной двойки Вася тоже не получил. Да и уроков-то было всего два: физкультура и рисование, а потом оба вторых класса пошли на экскурсию в городской парк, где недавно открылись летние аттракционы.

Вася и Мика ходили по парку рядом и время от времени брались за руки. И разговаривали про всякие дела: про Микину кошку Василису, у которой скоро будут котята («А теперь декретный отпуск?» — хихикнул Вася); про книжку «Гномы из синего колодца», про старинный автомобиль, который восстановил из утиля осинцевский мастер Модест Кириллович Брошкин и по выходным бесплатно катает вокруг стадиона ребят. Рассказал Вася и про Колесо. Но только о том, как научился на нем кататься. А про то, что Колесо живое и разговорчивое, говорить не стал — это была их с Колесом тайна... А на «железной дороге», где глазастый паровозик таскал по ухабам разноцветный поезд, они сели на одну вагонную скамейку. Видя такое дело, Маргарита Панченко почему-то надула губы и сказала:

— Пфы...

После экскурсии Вася проводил Мику до ее дома. Правда, ранец ее он тащить не стал, постеснялся предложить, хотя обещал это раньше. А Мика не напомнила. Но им и так было хорошо вместе.

Только у подъезда Мика слегка загрустила:

— Совсем уж скоро каникулы...

— Ну и что? Это же хорошо!

— Может, и хорошо, только меня увезут в деревню. На все лето...

— Жалко, — огорчился и Вася. — А это далеко?

— Не очень. Поселок Цаплино, двадцать километров на электричке. Но ведь ни тебя, ни меня не отпустят одних, чтобы ездить в гости друг к другу...

— А может, приедешь с родителями? Хоть на денек?

— Родители уедут сперва в Одессу, а потом по путевке в Египет. А детей туда не берут. Я буду с бабушкой и дедушкой, а они домоседы, в город не ездят.

— А Василиса с кем останется? — вспомнил Вася про кошку.

— С собой возьму. Буду котят воспитывать, пока не подрастут. А потом придется раздавать соседям.

— Ну, с котятами ты не соскучишься, — утешил Вася.

— Ты тоже не соскучишься... Со своим колесом.

И Вася опять обрадовался, что есть Колесо. А Мику утешил снова:

— Ничего! До каникул еще целая неделя!

Колесо ждало Васю с нетерпением.

«Наконец-то! Прочему так долго не шел?»

«У нас экскурсия была.»

«А потом, небось, еще с этой самой... Микой гулял», — пронизательно заметило Колесо.

«Совсем немножко. Только проводил до дома... Ну, идем на улицу?»

В этот момент появились родители.

— Мама, папа! Смотрите, как я умею! — Вася выписал на полу два круга и восьмерку. Родители вжались в угол.

Мама сказала, конечно, что Вася непременно свихнет шею. Папа посмотрел на положение дел более деловито:

— Тебе нужны кожаные наколенники, как у тех мальчиков, что катаются на досках с роликами. А то вон уже какая плямба на ноге.

— Это еще раньше, вчерашняя плямба! А с Колеса я уже не падаю!.. Мы пошли гулять, ладно? — И Вася с Колесом выскочил из комнаты, слыша спиной мамины «только осторожно!», «только не далеко!», «только не долго!».

...Последняя школьная неделя пролетела будто уже не школьная. Потому что главными в ней были не уроки, а лихие поездки на Колесе по окрестным улицам и асфальтовым садовым дорожкам. А еще — встречи с Микой...

Ложась спать, Вася пристраивал Колесо рядом. Теперь, снабженное педалями, оно не влезало под подушку. Вася укутывал Колесо тети-Томиной наволочкой и укладывал между подушкой и стенкой. Мама каждый раз возмущалась:

— Неужели нельзя держать *это* в кладовке или хотя бы под кроватью?

— Оно не *это*, а мой друг! — защищал Колесо Вася. Мама сжимала губы и поднимала глаза к потолку. А однажды со сдержанной горечью сказала папе:

— Боюсь, что нашего ребенка придется показать врачу.

— Ну что ты выдумываешь, Яночка! Мальчик просто играет.

— Это для тебя все просто! А у Василия, возможно, зачатки психического отклонения...

— О-о-о! Если и есть отклонение, то не у него!

— Что-о?!

— Оно скоро заведется во мне. От таких разговоров.

— А мне показалось, что ты имел в виду меня!

— Упаси Господь!

— Нет, если тебе кажется, что у меня признаки шизофрении, ты так и скажи!

— Ну, хватит вам! — взвыл за ширмой Вася. — Если не перестанете, я заболēju ангиной! Или аппендицитом!

Мама и папа разом примолкли. Если Вася заболел, они делались тихими, заботливыми и забывали про ссоры. Но ведь каждую неделю болеть не будешь, так никакого здоровья не хватит...

Однажды после очередного спора с Васей, мама горько поджала губы.

— Ты в последнее время совершенно перестал меня слушать. Это все из-за твоего колеса. Видимо, его ты любишь больше, чем маму.

Вася только вздохнул. Ну что она такое говорит! Маму (да и папу тоже) он любил больше всех на свете. Несмотря ни на что! Но ведь к маме не приделаешь педали и не будешь лихо носиться на ней по тротуаром и аллеям! И — это главное — не засунешь ее на ночь между стеной и подушкой и не станешь до полуночного часа шептаться и делиться тайнами. Тем более, что есть и такие тайны, которые ни одному человеку, даже маме, не расскажешь.

Например, как он подобрался недавно к часовне Святой Екатерины, что в конце Рябинового бульвара, посидел у ее задней стены в лопухах, огляделся, поставил на кирпичный выступ свечной огарок и, ломая от волнения спички, зажег фитилек. Войти в часовню один, без взрослых, Вася не смел, а здесь он был незаметен. Встал коленями в траву, тронул лбом прохладные кирпичи и прошептал: «Господи, пусть *они* перестанут ссориться. Или пусть не так часто. Ладно? Я очень прошу...» В это миг за спиной появилась какая-то бабка: «Ах ты террорист! Поджигатель!..» Вася опомнился только через пять кварталов от часовни и потом до вечера не выходил из дома.

«Колесо, ты как думаешь, считается моя молитва или нет, если меня прогнали?»

«Конечно, считается! Ты ведь успел ее сказать...»

Или еще тайна, совсем свежая. Вчера вечером, у подъезда, Мика тихо и строго сказала:

«Мы ведь завтра надолго разведемся. Закрой глаза.»

Вася забоялся, но послушно закрыл. И Мика чмокнула его в щеку сухими губами. Васю словно обмахнуло горячим ветром. Он стыдливо и радостно засопел. И Мика тоже. Потом она быстро сказала: «Пока...» и убежала за дверь.

Эту тайну Колесо почему-то выслушало вежливо, но без должного сочувствия, только спросило:

«Она правда завтра уезжает?»

«Да», — вздохнул Вася.

Вечером тридцать первого мая Вася проводил Вику (а также ее маму и кошку Василису) на электричку, вскочил на педали и покатыл домой. На этот раз Колесо мчалось особенно резво. И началось лето.

Вторая часть
Сказки Незнакомого города

Крылышки на пятках

Первые дни каникул проскочили кувырками. Один день — один кувырок. Так чудилось Васе. С утра до вечера носился он на Колесе, а вечером падал в постель и укладывал Колесо рядом. За день сильно уставали ноги. Колесо — это ведь не велосипед с седлом. Попробуйте-ка с утра до вечера балансировать на шатких педалях! Вася, лежа на спине и постанывая, сгибал то одну, то другую ногу, растирал исцарапанные, успевшие загореть икры, мял пальцами колени, постукивал о кровать пятками. Надо сказать, что усталость не была мучительной, в ней даже пряталось некоторое удовольствие. Это ведь приятно, когда тяжкое утомление тает и вытекает из мышц, оставляя лишь сладковатую вялость...

После такого массажа Вася зарывался щекой в подушку, и начинались их с Колесом разговоры. Иногда просто так, о всяких пустяках. А бывало, что Вася пересказывал Колесу любимые книжки и фильмы. А Колесо в ответ — то, что слышало от репродуктора: всякие передачи, старинные радиопостановки и рассказы о школьниках давних времен. Потом Вася незаметно засыпал и ему казалось, что он опять мчится на Колесе, помахивая руками — среди цветущих заморских деревьев, причудливых скал, пухлых желтых облаков и сверкающих, как хрустальные кубики звезд.

Звезды звенели:

Динь-дон!
Это длинь-длинный сон.
Где дом?
Мчится вдаль Колесо...

Но Вася не боялся, что дом остался за звездами и облаками. Он знал, что доброе надежное Колесо к утру обязательно вернет его домой.

А утром снова:

— Мама, папа, я пошел гулять!

Мама была в «в полном транс». Потому что летние планы «летели в тартарары». Не было денег, чтобы всей семьей поехать «куда-нибудь, как нормальные люди». То есть можно было «наскрести по сусекам», но тогда «мы еще полвека будем обитать в этой однокомнатной конуре без телефона».

— Самое ужасное, что даже ребенок вынужден все лето дышать городской пылью!

Папа не мог допустить такого ужаса. В институтском профсоюзе он «выбил для ребенка» льготную путевку в летний лагерь. Но «ребенок» встал на дыбы:

— Что я там буду делать?! Это все равно что интернат! И на Колесе не дадут кататься!

— Почему я в тот вечер не выкинула его подальше!

— Не говори так! — Вася прижимал Колесо к груди.

— В лагере нормальное питание и режим. А здесь ты ничего не ешь! Посмотри на

себя! Ребра торчат сквозь кожу!

Мама как всегда преувеличивала. Вася и ел нормально (если хотелось), и ребра почти не торчали, и пыли в городе не замечалось. Осинцев был зеленый город, без крупных заводов, с большущими тополями, березами и липами на улицах и во дворах, с высокой травой и ромашками вдоль тротуаров. А на площади перед городским музеем недавно соорудили обширный восьмиугольный бассейн с фонтанами. Струи били из каждого угла! Мальчишки и девчонки сбегались сюда со всех окрестных улиц и плескались в бассейне с утра до вечера. И никакие взрослые, даже постовые милиционеры, что всегда дежурили неподалеку, не запрещали купанье.

Первые дни июня выдались знойными. Было жарко даже в летнем «сафари». Вася гулял в зеленых трусиках с белыми лампасами и белой просторной футболке с зелеными крупными звездами. В таком костюме можно было не раздеваясь плюхаться в бассейн. Оттолкнулся от педелей, прыг через барьер — и вот она полная визга и брызг радость! Бултыхнулся с головой два-три раза — и снова на Колесо. Вперед! Упругий воздух мчится навстречу! И смотришь, через полминуты широкая футболка уже высохла от ветра. Полощет за спиной, как звездный флаг...

В двух кварталах от музея была еще одна площадь. Посреди нее стояла похожая на старинный замок водонапорная башня. А кругом — асфальтовый простор. Почти везде асфальт был ровный, но по краям встречались и горки с пологими подъемами и спусками. И с трамплинами. Здесь, на Водопроводной площади собирались любители покататься на всяких колесных устройствах. На досках с роликами, на самокатах разных конструкций, на велосипедах. Разные ребята — от дошколят до совсем уже больших старшеклассников. Носились кругами, выписывали всякие фигуры, взлетали на горки и трамплины. И честно старались не мешать друг другу, а если сталкивались, то не сильно и не обидно.

Вася с Колесом вполне вписался в эту пеструю компанию.

Скоро слух о «Перепёлкине на колесе» широко разнесся среди любителей катанья. Понятное дело! Катались на всяких приспособлениях с колесами, но чтобы мальчишка ездил на одном единственном колесе — такого до сей поры не было!

Конечно, к нему приставали с расспросами:

— Как это у тебя получается?

Вася пожимал плечами:

— Ну как... учился, тренировался и вот...

Не будет же он выдавать тайну, что Колесо живое и с энергией внутри!

— А как ты набираешь скорость? Ведь педали-то не крутятся!

— Шевелю ногами незаметно, вот оно и едет...

— Дай попробовать!

Сначала Вася не хотел давать. Мало ли что! Но Колесо посоветовало:

«Не бойся, пусть попытаются. У них не выйдет. А если не дашь, скажут, что жадина...»

«А если сломают или утащат?»

«Я крепкое... А если украдут, я все равно к тебе убегу».

И Вася стал давать Колесо всем, кто просил. Но скоро такие просьбы

прекратились. Потому что себе дороже — ничего, кроме синяков и шишек, на это перепёлкинском колесе не заработаешь. Видать у него у одного такой талант.

А Вася наращивал мастерство. Теперь он уже умел ездить ну прямо как настоящий цирковой велофигурист. По-всякому! И вприсядку, и спиной вперед и даже иногда вставал на педали руками и на скорости делал стойку. Ему аплодировали. Старшие снисходительно говорили: «Во пацан! Любому гонщику вставит фитиля!» Младшие смотрели, почтительно приоткрыв рты.

Васино сердце радовалось. Еще бы! В школе-то его никогда так не уважали. По правде говоря, совсем не уважали. Подумаешь, Перепёлкин какой-то (а то и «Недопёлкин»)! А здесь он был мастер и знаменитость.

Но Вася не очень гордился. Он понимал, что все его умение и слава — это заслуги Колеса. И вечером благодарно гладил твердую, уже изрядно стершуюся шину.

«Ты самое лучшее на свете Колесо...»

«Да ладно тебе... — смущалось Колесо и (как чудилось Васе) тихонько посапывало. — дело не в том, кто лучший...»

«А в том, что у нас созвучие, да?»

«Ну да...»

Это и правда было главное. Вася знал: если Колесо даже сломается, перестанет катать его, все равно они останутся друзьями. Лишь бы не разучилось говорить! Лишь бы можно было вот так по вечерам шептаться и секретничать. Чтобы оно *понимало* Васю...

И все же иногда Вася с тревогой спрашивал:

«Ты правда нисколечко не устаешь? И в тебе ничто не дребезжит?»

«Не-а! Я ведь железное, крепкое. Малость шина стирается, но ее хватит еще надолго».

«А когда совсем сотрется, найдем другую!»

Надо сказать, что в те кружащиеся пестрой каруселью дни Вася почти не вспоминал Мику. А если и вспоминал, то на полминуты. В такой миг появлялись в памяти глаза-бабочки, и крыльшками касалась души легкая грусть. Но почти сразу Вася оглядывался на Колесо. «Пора, да?»

Теперь Вася не просто гонял по площадям и улицам. У него появилось важное дело!

Однажды, когда он вылез из бассейна и обтекал на солнышке, подошла остроносая девушка в очках.

— Мальчик, это ты Перепёлкин с колесом?

Оказалось, что он очень нужен для выступления в городском летнем лагере. Девушка (ее звали Элла Максимовна) заведовала там театральным кружком, и кружок этот ставил комедию, которую сочинил десятиклассник Кирилл Староконцев. Этакая смесь старинных греческих мифов и нынешней школьной жизни. Конечно, про любовь. А Васю просили сыграть роль крылатого письмоносца. В виде богамальчишки по имени Меркурий.

— Ты так лихо выскочишь на сцену на своем колесе! Это будет замечательный драматический эффект!

Вася почесал совсем побелевшую от солнца макушку и согласился. Отчего не согласиться, если люди просят. К тому же, интересно. Страшновато, правда (как это — быть артистом!), но ведь другие-то выступают и ничего, живы... Да и роль оказалась небольшая. Элла Максимовна сказала — «эпизодическая». Вася даже и не очень разобрался в содержании пьесы, у него-то дело было минутное. Вылететь из-за кулис, сделать несколько виражей вокруг плачущей от сердечного страдания старшеклассницы Елены, помахать свернутой в трубку бумагой и звонко прокричать:

Ну-ка встань и не реви!
Я принес письмо любви!
Ты от этого письма
Будешь рада без ума!

Вася решил, что справится. И репетиции это подтвердили.

Сперва решили, что Вася должен выглядеть, как настоящий Меркурий — в одном только шлеме с крыльшками и в набедренной повязке. Но оказалось, что Васины спина, грудь и живот еще не очень загорели по сравнению с руками-ногами и шеей. Помощница Эллы Максимовны, пожилая тетя Люба, которая ведала театральным хозяйством, сказала, что нету у нее столько коричневого грима «для покраски этого почтальона от горла до пупа». И добавила шепотом: «Да и шибко уж костлявый...» Тогда договорились, что пусть он появится на сцене в своей футболке со звездами.

— Это будет даже оригинально, — рассудила Элла Максимовна. — Такой космический посланец!.. А крыльшки мы пришьем к твоей панаме.

Крыльшки вырезали из ватманской бумаги. И такие же, только поменьше, прикрепили к Васиным кроссовкам, на пятках. Полагалось бы к сандалиям, как у настоящего Меркурия, но их не нашлось. Решили, что сойдет и так...

И сошло!

Спектакль состоялся на открытой театральной площадке в парке «Юность». Вася все сыграл как надо. Даже лучше, чем он сам ожидал! Зрители Васю проводили с эстрады шумными хлопками, а Элла Максимовна после спектакля вручила ему грамоту. Там было напечатано, что «ученик 3-го „А“ кл. шк. № 2 Перепёлкин Вася награждается за активное участие в самодеятельности городского летнего лагеря».

Кстати, в дни репетиций и спектакля Васю вместе с другими артистами кормили в лагерной столовой, хотя путевки у него, конечно, не было. «Может, хоть немного поправится мальчонка», — вздыхала тете Люба и незаметно подкладывала ему еще одну котлету. Вася котлету с благодарностью съедал, но не было заметно, чтобы поправился. Да и не очень-то хотел.

А грамоте Вася радовался от души! И Колесо радовалось. Ведь это была и его грамота. Вася на ней после своего имени поставил «птичку» и черным шариковым стержнем вписал сверху: «с Колесом». И лишь после этого приклеил грамоту к обоям, над диван-кроватью.

Но больше всех радовалась Васиной награде мама. Ведь оказалось, что ее сын не

только «носится неизвестно где, рискуя свернуть голову», но и принял участие в полезном деле. Может быть, у мальчика артистический талант?

Но проверить, есть ли талант, не удалось. Смена в летнем лагере закончилась, а когда началась вторая, драмкружка там уже не было.

А Васе хотелось выступить снова. Пусть не в прежней роли, но хоть как-нибудь! Не то чтобы его манила театральная слава, но появился азарт. Потому что до недавней поры был он ничем не знаменитый (кроме скандала в школе) второклассник Перепёлкин, и даже немного плакса, а тут все ему хлопали, все хвалили...

И Вася устроил еще одно выступление. На этот раз для ребят, которые катались на Водопроводной площади.

Старая водонапорная башня давно не работала. Раньше внутри ее были высоченные решетчатые столбы, на которых держался громадный бак, была винтовая лестница, что вела к площадке с насосами. Но потом это все разобрали, а для чего приспособить башню, городское начальство не придумало. Вот и стояла она пустая, как великанский стакан. Внутренние стены были ровными. Цементный пол утыкался в них не горизонтально, а скругленно (ну, будто специально для циркового номера).

Попасть в башню было проще простого — дверь-то выбита. Но заходили туда редко. Что делать в этой гулкой высоченной пустоте? Однако Вася придумал, что!

Конечно, он не сразу решился выступить с таким трюком. Сперва долго советовался с Колесом. Потом выбрал время, когда у башни почти не было народу, проник внутрь.

Нельзя сказать, что здесь было уютно. Падавший в верхние окна свет казался каким-то далеким. Влажный воздух разбежался по коже мурашками. И пахло «не очень». Дело в том, что некоторые мальчишки иногда забегали сюда по известной надобности.

Но... Вася передернул плечами и начал тренировку...

Оказалось, что дело не такое уж хитрое. Сперва просто погонял по кругу, потом — по наклонному соединению пола и стены. И наконец решился — на полной скорости взлетел на стену.

Центробежная сила прижала его с Колесом к вертикальной стене, будто к обычной ровной дороге. Кирпичная поверхность помчалась под Колесо бесконечной размазанной в воздухе лентой. И было почти не страшно.

«Держись, Вася!» — подбадривало Колесо.

«Я держусь! Я...

Та-та-та, ду-ду-ду,
Никогда не упаду!»

И правда, не упал ни разу. Да и нельзя падать на такой скорости. Что было бы! В лучшем случае, как сказала бы мама, «сплошная коллекция синяков и шишек».

На следующий день Вася скромно объявил знакомым ролкерам, самокатчикам и велосипедистам, что может показать гонки по вертикальной стене. Не верите?

Пожалуйста, проходите в башню!

Человек пятнадцать прошли и встали кучкой в центре.

И Вася показал класс!

Он сделал по стене кругов десять. Потом лихо съехал на пол, затормозил, спрыгнул с педалей и раскинул руки. Как артист на арене! Но тут же, чтобы не подумали, будто хвастается, шмыгнул носом и потер под ним тыльной стороной ладони. Сказал негромко:

— Ну вот. Я же обещал...

Раздались аплодисменты. Почти как тогда, на спектакле. Потом Васю хлопали по плечам, говорили «ну, ты даешь!», «Кио-мио акробат!» и «поступай, Перепёлкин, в цирк!» Вася смущенно улыбался и поглаживал Колесо.

Никто на своих колесах и роликах не решился повторить Васин трюк. Но никто и не завидовал. Вернее, почти никто. Была среди ребят на Водопроводной площади компания из трех человек — двое на скейтах, один на маленьком складном велосипеде. Все трое класса из седьмого. Поглядывали на Васю издалека, ухмылялись между собой и никогда не подходили. Ну и понятно! Чего им не ухмыляться и не поглядывать, если один был в точности как тот школьный дежурный Переверзев! С таким же дырчатым лицом-караваем, только ростом поменьше. Наверняка брат! И наверняка знает про «Недопёлкина»! Конечно, хотел бы с друзьями сделать Васе какую-нибудь пакость. Но пусть попробуют! Другие не дадут в обиду, здесь народ Перепёлкина уважает. Да и не догнать Васю, если он на педалях!

Впрочем, никто к Васе не приставал...

Иногда Вася и Колесо заскакивали на работу к папе. Там Васю добродушно встречали бородатые лаборанты-аспиранты. Давали посидеть у компьютера, показывали «игрушки». Вася интересовался: нет ли среди «игрушек» чего нового? Новое было, но всё «новое-старое». Стрелялки и гонки среди чудовищ. Появилась, правда, игра о приключениях в Африке, но там надо было тоже стрелять — в носорогов, львов и горилл. Кто поубивает побольше, переходит на новый уровень, охотиться за другими зверями. Васе оно зачем, такое дело? И он опять вскакивал на педали — мчаться к башне, к бассейну или отыскивать в городе Осинцеве неведомые раньше интересные места.

Таких мест было немало. Например у древнего, похожего на могучую крепость с башнями Крестовоздвиженского монастыря (его в ту пору ремонтировали, золотили купола и кресты). Или на высоких берегах реки Таволги, по которой бегали катера и даже ходил речной трамвай. Или в запутанных переулках Камьшинской слободы, что начинается за вокзалом. В тихих переулках множество причудливых домов с мезонинами и узорчатыми водосточными трубами, а плиточные тротуары круто взбегают на заросшие подорожником и сурепкой пригорки.

Колесо тоже резво взбегало на пригорки. Без всяких усилий! Ленивые желтоглазые псы удивленно глядели из-под ворот на непонятного, пролетающего мимо пацана в чем-то вроде короткого трепещущего платьица с зелеными звездами. И забывали гавкать.

Бумажные крылышки на кроссовках тоже трепетали от встречного воздуха. Дело в

том, что Вася не стал их отцеплять после спектакля. На панаме крылья тоже остались, но Вася не надевал ее (неудобно в ней нырять с ходу в бассейн), а с крылышками на пятках так и гулял. Казалось, что они придают ему и колесу дополнительную легкость. Ребятам на площади Вася объяснял, что «это стабилизаторы для управления». А прохожие на улицах ничего не успевали разглядеть — промчался мальчик, и след его простыл.

Но к тому дню, когда случилось несчастье, крылышки истрепались и оторвались... А несчастье случилось, да. Наверно, потому, что не бывает в жизни одних только счастливых дней. А может быть, как раз потому, что не стало крылышек. Это могло оказаться дурной приметой, накликать беду.

Злодейство

...А с утра ничто не предвещало беды. Вася как всегда покатался у башни, а в полдень примчался к бассейну. Оставил у гранитного барьера Колесо и, даже не сняв кроссовок прыгнул в воду. Бултых! Брызги, струи, прохлада! Плеск и визги! Радуги на ресницах, счастье!

И длилось-то это счастье не больше минуты, но... Когда Вася выскочил из бассейна, Колеса не оказалось.

Васино сердце ухнуло куда-то вниз! В темный ужас! Вася заметался вокруг бассейна. Он заглядывал под скамейки и, мокрый, отчаянный, пугал людей, когда подскакивал с криком:

— Колесо! Вы не видели моего Колеса?

Незнакомые люди отшатывались и мотали головами, не понимали. А знакомые ребята, которые понимали, только пожимали плечами:

— Мы же купались, не смотрели...

Вася бросился к милиционеру, который стоял на посту недалеко от входа в музей.

— Товарищ старшина! У меня украли Колесо!

Милиционер был высок, усат и поначалу внимателен. Согнулся над пацаненком в раскисших кроссовках на тощих, как ореховые прутья, ногах и в облепившей его футболке со звездами:

— Стоп. Перестань всхлипывать и сообщи внятно. Какое колесо?

Вася всхлипнул еще раз и сообщил внятно:

— Мое Колесо! Я на нем катался! Потом искупался, вылез, а его нет! Кто-то утащил!

— Да что за колесо-то? Самокат?

— Не самокат! Просто колесо с педалями! Я на нем ездил!

— Не слыхал о таких колесах. Какой марки этот аппарат? Где куплен?

— Да не куплен! Я нашел его на свалке! Оно от трехколесного велосипеда! Я сам приделал педали, из фанерок!

— Постой! Значит, оно не имеет материальной ценности?

— Да как же не имеет! Оно для меня самое лучшее!

— Для тебя-то может быть, — согласился старшина. — Но милиция не может искать колеса со свалки. Посуди сам. Чтобы угнанные машины отыскивать, не хватает времени, а ты говоришь «колесо»...

— А что же делать?!

— Ну, что... Ищи сам.

Вася смотрел на старшину снизу вверх сквозь мокрые ресницы. Тот стоял уже совсем прямо и, казалось, подпирал головой поднебесье.

— Но вы же... обязаны! — Вася всхлипнул с новой силой. — Ваш начальник недавно выступал по телевизору! Говорил, что милиция должна помогать всем!

— Да? Ну ладно, попробуем... — Старшина взялся за рацию в кожаном футляре, она висела на груди. — Внимание! Всем постам! Если заметите подозрительных лиц, скорее всего подростков, с колесом от детского велосипеда, снабженным

самоделными педалями, задержите и доставьте в ближайшее отделение. — Потом он опять глянул с высоты на Васю. — Вот так. Теперь надо ждать. А ты не теряй время, сам тоже поищи.

И Вася пошел прочь. Он прекрасно видел, что милиционер не нажал кнопку вызова, говорил в невключенную рацию. И, кроме того, не спросил у Васи адрес, чтобы сообщить о находке.

Никакой помощи не будет. Да и в самом деле — что для милиции мальчишкино колесо, если украденных автомобилей найти не могут...

Вася побрел к дому. Было непривычно, что он не катит на педалях, а шагает вот так на ослабевших от горя ногах. Он шел и заранее ужасался тому, что его ждет.

Его ждала тоскливая неизвестность, мучительное ожидание.

Колесо обещало, что, если его украдут, оно сбежит и вернется к Васе. Да! Но воры, они ведь тоже не дураки. Они наверняка сообразили, что Колесо — не простое, иначе зачем бы стали красть! Запрут на всякий случай, чтобы не укатило само собой и чтобы не увидел его кто-нибудь из Васиных знакомых... Значит, надежда, что Колесо вернется — самая крохотная.

Но совсем без надежды жить нельзя. Дома Вася уселся на балконе и стал смотреть вниз. Было видно крыльцо подъезда и ведущий к нему асфальтовый тротуар. Если Колесо прикатит, Вася заметит сразу. И помчится вниз, потому что по ступеням оно едва ли допрыгает до четвертого этажа...

Вася сидел и ждал, ждал, ждал. А что оставалось делать? Иногда он опять всхлипывал, а иногда каменел, сцепив зубы. Ждал час, второй, третий, четвертый... Наконец пришли мама и папа. И, конечно, с порога:

— Вася, ты обедал?

Он не ответил. Мама тут же появилась на балконе. Пригляделась.

— Батюшки, что случилось?! Ты опух от слез!

Вася не стал отбрыкиваться, заплакал опять и сказал сразу:

— Украли Колесо...

— Боже мой... Но нельзя же так убиваться! Олег, скажи ему!

Да, скажи! Скажите оба! Посоветуйте что-нибудь! Вы же мама и папа! Вася мотнул головой, разбрызгивая слезы. Папа появился рядом. Взял Васю за локоть.

— Послушай... Можно ведь найти другое колесо. А я раздобуду настоящие педали. Будет еще лучше...

Вася убрал локоть. Как им объяснить? Если станешь говорить про *созвучие*, сразу: «Ну вот, новая фантазия...»

Мама постояла над Васей и неуверенно спросила:

— Может быть, ты все-таки поешь?

Вася возмущенно дернулся и... вдруг понял, что да, он хочет есть. Вот ведь какое дело. Голод не оставляет человека, несмотря на горе.

— Только я здесь, на балконе. А то вдруг оно появится в эти самые минуты...

Мама и папа, кажется переглянулись.

— Ну хорошо, хорошо, — торопливо сказал папа. — Можно и здесь.

Мама принесла сосиски с пюре, хлеб и молоко, поставила на табурет. Вася жевал,

запивал молоком. И неотрывно смотрел вниз.

Тени стали длинными, потом солнце ушло за дом.

— Может быть, ты полежишь? — с прежней осторожностью спросила мама.

Что она говорит! Он никуда не уйдет, будет сидеть всю ночь! Но... вязкая усталость вдруг навалилась так, что сами собой склеились ресницы. Вася толчком поднялся и побрел к постели. Он решил, что полежит совсем немножко и вернется на свой пост. Как раз наступят сумерки, и скорее всего тогда-то Колесо и возвратится. Сумерки — самое подходящее время для побега. А полной темноты не будет, потому что лето. И к тому же у подъезда зажгут лампочку.

Вася, лег ничком поверх покрывала. Уткнулся в подушку. Пришла мама и осторожно укрыла его зимним пушистым платком.

Потом, за ширмой, она сказала папе:

— Боюсь, что все-таки потребуется врач...

— Ну что ты говоришь, Яна! Ребенок потерял любимую игрушку, это для него беда, а не болезнь.

— Она *слишком* любимая. Он горюет о своем чертовом колесе, как о живом. Это какой-то *синдром*.

— Не говори чепуху!

— Ну да, ну да! Я всегда говорю чепуху! Тебе только бы поменьше хлопот! Поэтому когда надо вести его в поликлинику или сидеть с ним с больным, у тебя или дежурство, или командировка! А я...

Папа сказал негромко, но твердо:

— Яна, давай не будем *хотя бы сейчас*...

Это было последнее, что расслышал Вася. Он провалился в глухой и беспросветный сон, где не было ничего. До утра.

Утром Вася проснулся без всякой памяти о случившемся. Просто с ощущением: вот утро. Машинально сунул руку за подушку, чтобы потрогать Колесо и сказать «привет». Не было Колеса... И тугими черными толчками к Васе стали возвращаться воспоминания — про все, что случилось.

Он так и лежал — под маминым платком, в ссохшейся звездной футболке. И лицо, кажется, тоже было ссохшимся — от вчерашних слез... Что же теперь делать-то, как жить?

Но утренний луч отразился от дальнего стекла на дворе, проник в комнату, в щель на ширме и щекотнул Васин затылок. Утро — время надежд. Время, когда человек понимает: надо что-то делать. Искать, стараться, спорить...

Вася встал.

Он умылся и вычистил зубы. Он под маминым и папиным осторожным наблюдением съел гречневую кашу и яйцо всмятку (потому что понадобятся силы).

— Как ты себя чувствуешь? — опасливо спросила мама.

— Вполне... — буркнул Вася.

— Я рад, что ты ведешь себя как мужчина, — бодро заметил папа. Вася промолчал. Он вел себя не как мужчина, а как мальчик Вася, который решил во что бы-то ни стало найти Колесо. Своего друга...

— Какие планы на день? — с прежней осторожностью поинтересовалась мама.

— Всякие. Гулять буду...

— Приходи в институт, — предложил папа. — В секторе «Б» поставили новый компьютер. В обеденный перерыв можно поиграть.

— Не хочу. Компьютер новый, а игры все те же. Мордобой... — с ненастоящей капризностью сказал Вася. Этим своим тоном он убедил родителей, что «вошел в нормальное русло». Мама взяла с Васи слово, что с часу до двух он будет дома. «Тетя Тома приготовит что-нибудь горячее, чтобы ты пообедал, как все нормальные дети. А у меня сегодня семинар по фармакологии.» И родители ушли.

Вася стал готовиться к поискам. Он понимал, что поиски будут долгими. Может быть, на все лето. Но пока ищешь, надежда не умирает. Он будет расспрашивать знакомых и незнакомых людей, проникать во все осинцевские дворы, следить за всякими подозрительными типами. В какой-то старой песенке поется: «Кто ищет, тот всегда найдет»...

Вася надел «сафари». Этот костюм охотника и путешественника лучше всего годился для предстоящих разведок и опасностей. А в том, что опасности встретятся, Вася не сомневался. Надел он и панаму, оборвав с нее бумажные крылышки...

Прежде всего Вася решил пойти на Водопроводную площадь. Может быть, знакомые ребята что-то знают про Колесо? Что-то видели, слышали?

Снова он почувствовал, как неловко двигаться пешком. Привыкшие к педалям ноги теперь, без Колеса, казались отяжелевшими, даже заплетались. В квартале от площади Вася присел на скамейку в крохотном скверике. Дело было не только в непослушных ногах. Вася понял, что ему стыдно идти к ребятам. Словно следы от слез все еще не смылись со щек... Ну, ему посочувствуют, конечно. Может быть, постараются помочь советами. Но смотреть на него, как на «Перепёлкина с Колесом» уже не будут. Потому что кто он без Колеса-то? Недопёлкин, вот и все! Ноль без палочки...

Вася раньше слышал такое выражение от папы — про какого-то бездельника в институте. Но теперь казалось — это про него, про Васю. Хотя, если сравнивать точно, то на ноль было похоже как раз Колесо, а на палочку-единицу — Вася. Но это внешне. А по сути Вася как раз и есть круглый ноль, пустое место. Весь авторитет у него был только благодаря Колесу.

«Да не надо мне никакого авторитета! Лишь бы оно было рядом!»

«Это ты сейчас так говоришь. А как найдешь — сразу вскочишь на педали!»

«А вот и нет! Я буду с ним просто разговаривать!»

«Это ты сейчас так говоришь...»

Вася приготовился долго спорить сам с собой, как это бывало у него уже не раз (он, как известно, любил порассуждать!). Но спохватился: надо ведь идти, искать! Не хочется, но надо!

И в этот момент кто-то негромко сказал:

— Перепёлкин...

Сбоку от скамейки стоял мальчик лет семи. Со скейтом под мышкой, в велосипедном шлеме из кожаных колбасок, в больших пухлых наколенниках. Вася его помнил. Это был самый маленький любитель роликов на площади у башни. Звали

его, как негритенка в старом фильме про моряков — Максимка. Правда, по виду он совсем не был негритенком — веснушчатый и с розовыми круглыми ушами.

Максимка облизал пухлые с трещинками губы.

— Перепёлкин, я знаю, кто украл твое колесо...

— Кто?! — Вася рванулся со скамьи и откинулся опять. — Максимка, кто?..

— Это три дружка. Шурка Переверзев, Мишка Гвоздев и еще один, его зовут Цыпа. Может, ты их помнишь, они всегда вместе...

Вася кулаками врезал по коленкам.

— Я так и знал, что это они!

Ничего он такого не знал, не думал. Вчера почему-то и в голову не пришло, что воры — та самая тройка с вечными ухмылками на рожах. Но теперь стало ясно, как дважды два: больше некому!

— Спасибо, Максимка! Я их найду! — Вася снова вскочил. И в ногах уже не было вязкой усталости.

— Перепелкин, а ты знаешь, где они живут?

— Нет, но я найду!

— Это довольно далеко, — обстоятельно разъяснил Максимка и вновь облизал губы. — Это на Партизанской улице, напротив магазина «Ананас». У них двор с зелеными воротами.

— Спасибо, — с чувством повторил Вася. — Максимка, а как ты узнал, что это они?

— Да все говорят. Могли еще вчера тебе сказать, но боятся этого... Переверзи. И его брата. Говорят, он крутой...

«А я боюсь? А вот фиг вам, ничего я не боюсь!» И Вася приготовился мчаться на неблизкую Партизанскую улицу.

— Перепёлкин, знаешь что... Если можно, ты не говори, что это я тебе про них рассказал. Ладно? — Максимка, нагнувшись, машинально почесывал наколенник. И виноватыми желтыми очами глядел из-под кожаного ободка.

— Я никому! Самое честное!..

— Нет, ну если будет очень важно, то скажи. А если не очень, то лучше не надо. А то как поймают... Они такие гады...

— Максимка, я никому ни звука! Не бойся! — И Вася помчался на Партизанскую.

Эта улица лежала за городским рынком. Рынок Вася пересек на полной скорости, напрямик — от главных ворот до выхода в Базарный переулок. Орала вслед сердитые продавщицы и покупательницы. Гневная толстая тетя швырнула ему вслед помидор и попала между лопаток (наплевать!). Горбоносый продавец, у которого Вася чуть не сбил с прилавка груду винограда, жалобно вопил:

— Ай какой мальчик! Нехороший мальчик!

Вася не оглядывался. Он думал только о Колесе!.. Хотя нет, не только. Позади этой главной мысли прыгала в такт бегу еще одна. О том, какой замечательный человек этот веснушчатый лопухий Максимка! И как он, Вася, Максимке благодарен. Если даже... даже случится самое плохое и он не найдет Колеса, благодарность все равно останется. И может быть они с Максимкой подружатся. Ну и что же, что маленький? Всего-то

года на два младше наверно. Пустяк!

Партизанская улица начиналась в квартале от Базарного переулка. И здесь Вася перешел на медленный шаг. Не потому, что запыхался, а для осторожности. Надо быть внимательным и скрытным, когда ты в разведке.

Вася пошел не по тротуару, а ближе к дороге, вдоль плотных кустов желтой акации. В случае чего можно сразу нырнуть в перистую зелень. Но пока никакой опасности не замечалось. Взрослые прохожие не обращали на мальчишку в панаме внимания. А ребята не попадались вовсе.

Так Вася добрался до магазина «Ананас». Несмотря на необычное название, это была просто овощная и фруктовая лавка. Старинный кирпичный домик с двумя окнами и дверью посередине. У «Ананаса» полоса кустов кончилась, и зеленые ворота с высоким некрашеным забором были отлично видны через дорогу. Наблюдать необходимо было из укрытия, и Вася вошел в магазинчик. Здесь пахло капустой и яблоками.

Вася стал смотреть на ворота и забор сквозь стеклянную дверь. Ворота и калитка рядом с ними выглядели такими прочными, что было сразу ясно: заперты наглухо. Высокий забор из серых досок был тоже плотным и глухим. Вася приуныл.

— Мальчик, ты зачем пришел? Покупать или что? — сказала из-за прилавка недовольная жизнью продавщица. — Если в прятки играть, то иди играй на улице.

Вася вышел. Воровато огляделся, перебежал брусчатую мостовую. Крадучись пошел вдоль забора. Высоченные занозистые доски стояли отвесно и неприступно — не допрыгнешь, не перелезешь. И ни единой щелки... Но забор наконец кончился. Вернее, круто повернул налево, в узкий, заросший репейником проход. И Вася вмиг приободрился: он по опыту знал, что в таких местах обязательно бывают в заборах проходы (или «пролазы»).

К репейным джунглям Васе было не привыкать. Он пробирался, как опытный африканский разведчик, почти без шуршанья. И ощупывал доски, которые стали теперь более хлипкими и низкими.

И вот Васе повезло второй раз (первый — это с Максимкой). Он увидел, что одна доска болтается только на верхнем гвозде, можно отодвинуть. Судя по всему ее и отодвигали не раз — репейник здесь оказался изрядно примят. Разведчик Перепёлкин оттянул доску в сторону, глянул в щель.

И здесь судьба третий раз наградила Васю везеньем. Он увидел просторный двор, а посреди двора — *тех* троих. Они возились с прислоненным к невысокому столбу велосипедом. Да наплевать на этих гадов! Главное — что на вбитом в столб крюке висело Колесо!

Васино родное Колесо! Самое дорогое на свете!

Бой на Партизанской

Впору было заплакать от счастья и горечи. Вот оно, невредимое! Но как достать? Столб служил, конечно, для бельевых веревок. Сейчас веревок не было, и большущие железные крючья торчали, как когти. Колесо висело на самом верхнем. Конечно, само оно соскочить не могло, но можно было с разбега допрыгнуть, сбить!

А потом что?

А потом — налево, к воротам и калитке! Калитка на засове, но можно сдвинуть его одним отчаянным рывком. За калиткой же — на педали, и попробуйте догнать, воруги проклятые!

Если сейчас нырнуть в щель, промчаться через двор быстрее ветра, враги не успеют опомниться!

«Решайся, Перепёлкин!»

«А чего решаться-то! Все равно другого пути нет...»

«Ну так что же ты?»

«А чего я... Я сейчас... Только сосчитаю до трех...»

Он изо всех сил вздохнул и сосчитал. Снял панаму, скрутил и сунул в просторный карман на шортах. И, зацепившись погоном рубашки за доску (и оторвав его), рванулся в щель! И помчался!

Казалось, что бежит он долго-долго, по бесконечному полю. Высокие головки подорожников хлестко щелкали по ногам. А встречный воздух был плотный, как вата, и его приходилось расталкивать грудью... И все же Вася добежал. И за это время ни один из троих врагов не успел взглянуть на него. Вася рванулся вверх, ударил снизу по Колесу, как по волейбольному мячу. Колесо подскочило и прыгнуло к Васе в руки. И он кинулся к калитке!

И тогда-то сзади раздалось:

— Шухер, братва!

— Это Недопёлкин! Держи паразита!

Вася знал, что не задержат! У него — удача! Все случилось справедливо, как надо!

Все случилось бы как надо, но... Из дощатой будки в дальнем углу двора кинулся наперерез кудлатый грязно-бурый волкодав!

Зверь мчался с хриплыми рыками, а над ним скользила по натянутой над двором проволоке длинная цепь. Вася понял, что не успеть к калитке. Рванулся еще левее. Там, у высоченной кирпичной стены была сложена длинная березовая поленница. Двухметровой высоты. Как на нее Вася сумел взлететь (с Колесом в руках) он и сам потом не мог сообразить. Но взлетел в одну секунду! И отчаянно глянул сверху.

Пес бесновался, поставив на торцы поленьев когтистые лапы. Сипел от непрерывного лая. Вася вообще-то не боялся собак. Особенно больших (у них в черепной коробке мозгов больше, чем у мелких скандальных мосек). Если такие псы гавкают, но при этом машут хвостами, ничего страшного. Их можно уговорить ласковыми словами, а потом и погладить. Но этот не мотал хвостом. А с морды срывалась мутная слюна. И глаза были тоже мутные.

Вася левой рукой сжимал Колесо. А правой он схватил полено и бросил в собаку.

Оно чиркнуло по кудлатой спине. Волкодав твякнул как-то по-щенячьи, отскочил метра на три, сел в подорожники и загавкал снова. Но уже без прежней уверенности.

Трое дружков стал в двух шагах от поленницы. Переверзя задрал лицо-каравай.

— Ты чё собаку обижаешь, гнида? Она тебе чё сделала?

— А я вам что сделал?! Украла Колесо да еще собакой травите!

— Нехорошо говоришь. Не украли, а взяли покататься, — вежливо поправил Васю цыганистый курчавый Цыпа.

— Ворюги!

— Щас будешь извиняться, — пообещал тонкошей и длиннорукий Мишка Гвоздев. И сделал неосторожный шаг к поленнице. Вася пустил над его головой полено. Так ловко, что чуть не чиркнуло по волосам! Гвоздев присел и на корточках, отбежал на несколько шагов. Сказал оттуда:

— Псих...

Переверзя и Цыпа тоже отскочили. Цыпа снисходительно объяснил:

— Этот ты псих, Штырь. Сам подставляешь свою глупую башку. Надо взять мальчика аккуратнo...

Гвоздев-Штырь воспринял критику с пониманием.

— Больше не буду... А как взять-то?

— Да, как? — злорадно спросил Вася. И ухватил другое полено. Сердце у него колотилось глухо и часто, но он не боялся. То есть, может, и боялся, но страх этот сидел где-то очень спрятанно, а главными чувствами были злость на трех негодяев. И боевой азарт. Пусть, пусть подходят! Увидят, что Перепёлкин — не ноль без палочки! Он сумеет защитить друга!

— Замочу гада, — неуверенно пообещал Переверзя. Он был, видимо, самый главный, но и самый тупой.

Вася покачал в ладони полено.

— Только суньтесь, бандерлоги недоеденные! — Это Вася вспомнил книжку про Маугли.

— Как нехорошо выражается, — покачал головой Цыпа. — Надо сказать мамочке, чтобы отшлепала.

— Скажите, скажите! — радостно откликнулся Вася. Его осенила счастливая фантазия: — Мама скоро придет! И папа! Они ведь знают, куда я пошел!

— Пусть приходят, — захихикал Штырь. — Калитка заперта, щеколда крепкая. А дыру они ни в жисть не найдут. Мамочки и папочки не лезят по бурьянам.

— Они придут с милицией!

— На фиг милиции всякие маминьки недопёлкины. Им с бандитами-то разбираться некогда, — лениво заявил Переверзя.

Вася вспомнил вчерашнего старшину и понял, что Переверзя прав. Тупой, а рассудил здраво.

Цыпа пообещал Васе:

— Все равно никуда не денешься, воробьшек.

Деваться и правда было некуда. Если спрыгнешь — сцапают сразу. Да еще зверюга эта. А сзади гладкая кирпичная стена высотой в два этажа.

В небе резво бежали маленькие клочковатые облака. Через солнечный двор косо пролетали их тени.

— Штырь, ты валя слева, а ты, Цыпа, с другого фланга, — распорядился Переверзя. А я прямо. Будем брать с трех сторон.

Не получилось у них ни с флангов, ни прямо. Три полена свистнули друг за дружкой. Вася пустил их почти не целясь, но удачно. Цыпа, правда увернулся, но упал носом в крапиву, а Штырь захныкал и запрыгал, держась за ногу: под обрезанной джинсовой штаниной появилась во-от такая ссадина. Переверзя же сидел и громко икал — березовый кругляк угодил ему в поддых, в майку с портретом какой-то волосатой поп-звезды.

Вася пустил в три стороны еще по одному полену — как предупреждение. Три приятеля быстро-быстро отбежали на недоступную обстрелу дистанцию. И там стали громко обсуждать дальнейшую Васину судьбу. Все речи сводились к тому, что «Недопёлкину не жить»

— А поленьев здесь много! — сказал им издалека Вася.

— А и пусть много, — решил Переверзя. — Небось когда-нибудь кончатся. И поленица станет ни-изенькая. И Барсик тебя стащит оттуда за ж...

Волкодав с ласковым именем Барсик утвердительно гавкнул.

— Молодец, Барсик. Ты притащишь его нам, -радостно дополнил Цыпа. — И мы ему сперва пооткручиваем ноги...

— Против часовой стрелки, — уточнил Штырь. — Если против, то больнее.

— Да... А потом мы... — начал добавлять подробности Цыпа и наговорил такое, что слушать было стыдно и противно.

— А после этого отвинтим голову, — подвел итог Переверзя.

Штырь опять уточнил:

— Против часовой стрелки. Так больнее...

Вася не выдержал. Набрал воздуха и громко сказал, кто они и какие. Такими словами сказал, которых до этого момента не говорил ни при ком на свете и даже один на один с собой (и краснел, если слышал от других). Но сейчас ярость была сильнее стыда. И нужна она была, чтобы поддержать в душе боевой дух, потому что он понемножку уже угасал.

Переверзя, Штырь и Цыпа, сидя в траве, одинаково раскинули ноги и приоткрыли рты.

— Братва, а он не совсем лох, — задумчиво произнес Цыпа.

Переверзя поскреб пухлую щеку и спросил:

— А чё, Перепёлкин, хочешь домой?

Вася подумал и честно сказал:

— Да. Хочу.

— Тогда давай так. Спустишься, отдашь нам колесо и покажешь, как с ним обращаться. А мы тебя отпустим. Честно!

— И колесо отдадим. Через неделю, — пообещал Штырь. — Вот гад буду, отдадим!

— Ага. Обязательно, — кивнул Вася.

— Согласен?! — Переверзя подскочил, как надутая резиновая шина.

— Сейчас! Только надену новые тапочки и возьму разбег с Потёмкинской лестницы! — так любил выражаться один лаборант в Керамическом институте, одессит Сеня Трускин.

Почему-то эти слова ужасно оскорбили Переверзю. Что он такое в них усмотрел! Даже взвыл тихонько. Вскочил, пригнулся и пошел к поленнице.

— Ты чё сказал, гнида! Ты это мне сказал, да? Я тебя, сывка, за это... щас... — Он шел, скрючив руки, словно готов был растерзать ими Васю, поленницу и весь белый свет.

Тут Вася впервые по-настоящему испугался. Но стиснул зубы. Для прочности встал на дрова коленками, взял еще один деревянный снаряд, а зажатым в левой ладони Колесом уперся в плоское полено. Ладонь была горячая, и ее что-то сильно щекотало. Что?.. И Вася наконец понял, что ему в кожу, в нервы, в голову бьется неслышный вопль Колеса:

«Да слушай же ты, наконец! Ты слышишь или нет?! Балда глухая! Я с кем говорю! Очнись, дубина!» — Наверно, Колесо давно уже пыталось вот так «докричаться» до Васи.

«Что?!» — встrepенулся он.

«Проснулся, тетеря! Делай, что велю!»

«Что?!»

«Сними с меня шину!»

«Зачем?»

«Делай, не болтай! Сними и надень на шею! Быстро!»

Вася метнул в Переверзю полено (опять удачно) и, ломая ногти, начал сдирать тугую резину с обода. Та никак не хотела сниматься. Будто приклеилась!

«Ну что ты такой слабосильный!»

Это было как пинок! Вася выстрелил сквозь зубы воздух и рванул изо всех сил! Резиновое кольцо вырвалось из цепкой железной канавки. Вася накинул его на шею.

«Ну?»

«Поставь меня на проволоку!»

Вася понял сразу. Проволока для собачьей цепи проходила над самой поленницей. И была намотана концом на вбитый в кирпичи железный костыль. А дальний ее конец тянулся к верхней кромке забора за конурой.

Вася поставил обод-желобок на проволоку. Она затряслась.

«Теперь прыгай на педали!»

Вася давно уже умел прыгать на педали сразу двумя ступнями. Но это если на земле. А здесь-то...

«Я же обязательно сорвусь!»

«Я тебе сорвусь! Прыгай немедленно!» — Колесо сердито закачало педалями. Вася знал: у Колеса характер гораздо крепче, чем у него, железный. Раз велит — надо. Зажмурился на миг и скакнул...

И дальше все случилось в две секунды. Колесо пронесло его по гудящей проволоке над зеленью двора, воздух засвистел в ушах. Вася не успел бы упасть, если бы даже

захотел. Звякнуло под ободом кольцо собачьей цепи, твякнул изумленный Барсик, мелькнули три раскрытых рта... Колесо ударилось о край забора, и Вася полетел на улицу, в жесткую и упругую акацию.

Колесо врезалось в листья рядом с ним.

Вася первым делом вцепился в Колесо. И тут же мысленно ощупал себя: цел?.. Да, цел! Кусты — они всегда смягчают удар. Только локоть саднило, да на коленях через втертую берестой белизну проступал алый бисер (мельком вспомнились Максимкины наколенники, вот пригодились бы!). Вася сплюнул прилипшие к губам листики.

«Надевай шину! — нетерпеливо зудело Колесо. — Надо бежать!»

Но Вася понял, что надеть шину не успеет.

Три злодея оправились от изумления очень быстро! Перемахнули через забор следом за Васей! Шарили глазами по кустам! Увидели! И оставалось одно — уносить ноги, рванув, как с низкого старта.

Они мчались по пятам!

— Ну, гнида!

— Ну, Недопёлкин!

— Стой, зараза, а то убью!

И хоть бы кто-нибудь умный и сильный попался навстречу, крикнул бы: «Что пристали трое к одному! А ну прочь!» Но только тетушки с тяжелыми сумками шарахались в стороны и орали вслед всем четверым: «Милиции на вас нет! Шпана проклятая!»

Вообще-то Вася бегать умел — легонький, длинноногий. Но сейчас враги почему-то не отставали, хотя и грузные, особенно Переверзя. У Васи уже кололо в боках. Да еще Колесо мешало. Его приходилось держать на отлете, чтобы педаль не била по колену.

Выиграть хотя бы десять секунд! Чтобы надеть шину!

Не было ни секунды. Тяжкий топот бил в спину.

— Не уйдешь... Недопупкин... Недописькин...

Беспомощно трепыхался за плечом оторванный погон.

Ведущим под уклон переулком Вася выскочил на заросший берег. Мелькнула совсем уж безумная надежда: вдруг у воды какая-нибудь лодка! Вскочить, оттолкнуться.

Но никаких лодок не было. Тем более, что здесь не река, а старица. Когда-то Таволга двумя руслами огибала узкий песчаный остров, но потом левое русло перекрыли дамбами — чтобы при половодье в него не входила вода, не заливала прибрежные улицы. И получился очень длинный пруд. Постепенно он зарос камышом, в котором по вечерам весело орали лягушки. А о прежней речной жизни напоминал только ветхий колесный пароход, приткнувшийся к той земле, что раньше была островом. Такой старый, что сквозь него проросла береза.

И все же это был не беспризорный пароход. Говорили, что на нем до сих пор служит сторож — хмурый старик с берданкой. Не пускает к себе ни рыбаков, ни купальщиков... Ну пусть хмурый, пусть сердитый! Но не зверь же! Бывают сердитые, но справедливые! Вот вышел бы на палубу да увидел бы, как гонят ни в чем не виноватого Перепёлкина, да как шарахнул бы из берданки!..

Вася бежал у самой воды, по заросшей тропке. Он поравнялся с пароходом. От борта над водой тянулся к этому берегу тонкий проволочный трос. Был примотан к торчащему у тропинки столбику.

— Давай! — приказало Колесо.

Вася и сам видел — это единственное спасение. Поставил Колесо желобком на трос. Прыгнул на педали. Его пронесло над водой в пять секунд. Колесо стукнуло в ограждение борта. Вася полетел на щелястую носовую палубу. Колесо уткнулось ему в бок, Вася схватил его...

А дальше было, как он мечтал! Появился обросший серебристой щетиной старик. Не рассердился. Глянул на берег, на Васю, поднял его. От полосатой вязаной кофты крепко пахло табаком. Старик сипло сказал:

— Что, загоняли журавлика?

— Да... — с первой слезинкой выдохнул Вася.

Трое озадаченно переминались на берегу.

— А постой-ка... — Старик ушел в каютную надстройку и тут же вернулся с ружьем небывалой длины. Опять глянул на берег.

— А ну, брысь от водного объекта!! — гаркнул он уже без всякой сиплости, так, что пригнулись камыши. Вскинул ружье одной рукой и грохнул вверх из похожего на черную трубу ствола.

...Когда Вася открыл глаза, над палубой клубился синий дым, а на берегу никого не было. Вася потрогал уши. Глянул вопросительно. Старик улыбнулся заросшим ртом с редкими желтыми зубами. В этот миг в дверном проеме возник низенький рыжебородый дядька в перемазанной красками тужурке.

— Чего салютуешь, Акимыч?

— Порядок наводил... Гляди, Филя, какую к нам занесло птаху... — И осторожно взял Васю за локоть. — Малость ободрал перышки. Не осталось ли у нас, Филя, в аптечке капельки спирта?

— Что ты, Акимыч, откуда... — виновато отозвался рыжебородый. — Да ведь можно и йодом...

— Оно и правда. Не сообразил как-то...

Вася и бородатый Филя смотрели друг на друга. Филя улыбнулся и сощурил ярко-голубые глазки:

— А мы вроде бы знакомы?

— Да, — чуть виновато улыбнулся и Вася. — А вы... нарисовали тогда желтый лист?

— Конечно, — значительно сказал Филя. — И картину почти сразу купили. А вскоре я написал вторую, почти такую же.

— И ее тоже купили?!

— Что ты! Я оставил ее себе... На ней тот же город, только в углу не кленовый лист, а мальчик в красной куртке... Как тебя зовут, мальчик?

Рябиновый бульвар

Эта история с картиной случилась прошлой осенью. Был конец сентября — зябкое такое время с дождиками и серыми облаками. Но иногда облака разрывались и через них пробивалась чистая синева и умытое солнце. Лужи отбрасывали солнце тонкими лучами. В лужах плавали разноцветные листья.

В тот раз второклассник Перепёлкин пошел из школы не прямой дорогой, а по Рябиновому бульвару. Так ему захотелось. Поскольку бульвар — Рябиновый, то, разумеется, рябин там немало. Тяжелые гроздья алых ягод горели в засохшей коричневой листве. А еще здесь было много кленов с лимонными разлапистыми листьями, которые то и дело падали на аллею. Пахло горьковатой корой, сырым песком и увядшей травой. Но среди этой травы кое-где еще белели ромашки и храбро желтела высокая сурепка. Все это нравилось Васе.

А еще Васе нравилось, что вдоль аллеи были выставлены на садовых скамейках картины художников. На продажу. На картинах чего только не было! Корабли в бурном море (и в спокойном тоже), кувшины и вазы с яркими букетами, городские и деревенские пейзажи, синие озера с водопадами, кошки и собаки разных пород и полнотелые тетеньки (в таком виде, будто у них не хватило денег на одежду). Ну и еще много всего... Кроме картин здесь продавались изделия из камня и стекла, красно-зеленые корзинки, узорчатые шкатулки из бересты, янтарные бусы и серьги и множество рамок всяких размеров.

Художники и мастера стояли рядом со скамейками, переступали с ноги на ногу и бывало, что украдкой доставали из карманов плоские бутылочки, делали глоток-другой. Сам понимаете — постой-ка весь день на холоде...

Надо сказать, покупателей было немало. То и дело разные дяди и тети уносили под мышкой то упакованные в желтую бумагу живописные полотна, то всяческие вазочки и стеклянные статуэтки... Лишь одному художнику совершенно не везло. Может быть, потому, что он был стеснительный и стоял поодаль от других, в самом конце торгового ряда. А может, потому, что был он очень невысокий, хотя и широкоплечий, (говорят, к низкорослым людям удача приходит гораздо реже, чем к высоким). И, несмотря на то, что лицо у художника было симпатичное — с густой желтой бородой вокруг щек и подбородка и с ярко-голубыми глазами, — прохожие не задерживались у его картины (кстати, единственной).

Прохожие — они личности с ясным пониманием. Они знали, что береза должна быть похожа на березу, корабль на корабль, кошка на кошку, а красавица на красавицу. А здесь, на полотне метровой ширины, вечернее солнце высвечивало черт те знает что. Какие-то клочки синей краски, белые и разноцветные треугольники и кубики, зеленые извилины... Люди лишь на миг задерживали на картине взгляд, пожимали плечами и шли дальше. Художник смотрел им вслед равнодушно и независимо. Однако, на душе у него было пакостно. Он уже думал, не достать ли еще раз из внутреннего кармана стеклянную фляжку, чтобы хоть как-то утешиться. И вдруг услышал голосок:

— Знаете, в чем дело? Кажется, у вас тут чего-то не хватает...

Перед картиной стоял мальчик в вязаной шапке с помпоном и новенькой красной

курточке. Курточка была мальчику велика, лямки школьного рюкзака комкали ее пухлые плечи. Из широкого ворота торчала голая тонкая шея. Одна джинсовая штанина была заправлена в синий резиновый сапожок, а другая висела поверх голенища. Мальчик наклонил набок голову и смотрел на художника серо-желтыми внимательными глазами.

Художник не обиделся и не рассердился. Он помнил, как сам был мальчиком, и к ребячьему народу относился с пониманием. Большим пальцем художник почесал в бороде, спросил с интересом:

— И чего же у меня, по-твоему, не хватает?

— Знаете, почему никто не видит ваш город?..

— А ты видишь?!

— Конечно! А все люди спешат, им некогда взглядеться... Вы нарисуйте снизу в углу, вот здесь, что-нибудь яркое. Ну вот, например, кленовый лист. Человек сперва зацепится за него глазами, а потом начнет скользить взглядом вверх, наискосок. Вон туда, где флюгер на башне. И тогда город сам станет выстраиваться в глазах...

Художник встал рядом с мальчиком. С минуту они оба молча разглядывали пестрое полотно. Художник снова покопался большим пальцем в бороде. Потом тихо сказал:

— Спасибо, братец... Ты уникальный ребенок...

Он вытащил из-за картины и стал открывать плоский фанерный чемодан, который называется этюдник. Потом оглянулся. Но «уникального ребенка» уже не было.

Вася не стал дожидаться, когда художник начнет выполнять его совет. Нехорошо лезть под руку, если человек работает. Посоветовал и гуляй дальше...

Через несколько дней Вася снова увидел художника. Только уже не на бульваре, а рядом, на Каменном спуске. С этюдником на широком ремне художник бодро шагал по ступеням. Вася хотел набраться смелости, догнать и спросить: как дела с картиной. Но навстречу шла девушка в желтом плаще и с непокрытой головой — светлые волосы взлетали на ветерке.

— О, Филипп! — сказала девушка певуче. Остановилась и заулыбалась ярким широким ртом. Художник тоже остановился. Затеребил ремень этюдника (это все Вася видел метров с пяти, чуть придержав шаги).

— Здравствуйте, Оля...

— Здравствуйте, Филипп! Как хорошо, что я вас встретила. Мне надо с вами посоветоваться... — Она взяла рыжебородого Филиппа под руку, и они пошли вниз по заваленным осенними листьями ступеням. На Васю не обратили внимания.

...А город на той картине был интересный. С причудливыми домами и башнями, с запутанными улицами, где могло случиться множество приключений; с крутыми мостиками над ручьями; с густой зеленью, что цепко карабкалась на каменные стены. Хорошо, наверно, было бы жить в таком городе. Он Вася даже снился несколько раз. Но потом — среди множества всяких дел и забот — Вася забыл и город на картине, и рыжебородого художника.

И вот — новая встреча...

Вася быстро сделался на пароходе своим человеком. Его, можно сказать,

зачислили в экипаж. Экипаж, правда, был невелик. Кроме Васи — старик Вячеслав Акимович да художник Филипп.

Вячеслав Акимович (или попросту Акимыч) с молодых лет служил на пароходе «Богатырь». В ту давнюю пору, когда Таволга еще не обмелела, по ней ходили такие вот двухэтажные пароходы с гребными колесами. Акимыч был сперва матросом, потом старшим матросом, плотником и наконец шкипером, то есть ответственным за все судовое имущество.

Однажды, когда старица была еще речным руслом, капитан «Богатыря» решил провести здесь свое судно — чтобы не тесниться на главном фарватере. Стоял разлив, для прохода вроде бы хватало глубины и ширины, однако бестолковый рулевой промахнулся и посадил пароход на отмель у острова. А буксиры сюда соваться боялись: недолго, мол, и самим оказаться на мели.

Капитану крепко влетело. Его перевели вторым помощником на «Октябрьскую революцию», а вода к тому времени стала убывать, и «Богатырь» оказался почти на суше. Был он в ту пору совсем уже стар, и его решили не стаскивать — рассыплется. А вскоре это русло отгородили. Пароход оказался на местного стоянке. Однако, он все еще числился в списках речного флота, потому что чиновники в Речном управлении забыли подписать вовремя какие-то бумаги. Уж и судоходство-то на Таволге почти прекратилось и разобрали на дрова и металл всех ровесников «Богатыря», а он в разных конторах все еще считался «плавсредством».

Ну, а раз есть плавсредство, должен быть и экипаж. Или хотя бы сторож. Таким сторожем и сделался Акимыч. Был старик этой должности очень рад. Он всю жизнь прослужил на «Богатыре», ходил на нем по разным рекам и считал, что провести на родном судне остаток дней — самое правильное дело.

Жили где-то в разных городах дети Акимыча и внуки. Акимыч по ним иногда скучал. Но уезжать отсюда не хотел. Как это он бросит «Богатыря»-то? В береговой конторе платили Акимычу кой-какую зарплату, ее вместе с пенсией хватало на жизнь.

Почти все оборудование было с «Богатыря» снято, в пустых каютах ветер гонял мусор и трепал рваную обшивку диванов. Но одну каюту Акимыч по-хозяйски оборудовал для жилья. Поставил здесь железную печурку, соединил ее коленчатую трубу с главной трубой парохода. Так что вросший в береговой песок «Богатырь» часто пускал в небо вполне настоящий дым.

Паровая машина, конечно, заржавела и давно не работала, поэтому не было электричества. Но Акимыч наладил несколько керосиновых ламп. Окно его каюты ярко светило по вечерам.

Всяких пьяниц, беспризорных личностей и вредных пацанов Акимыч на борт не пускал. А соваться без спросу желающих не было — все знали про могучую пицаль старика. Года три назад какие-то хулиганы с топорами и факелами полезли на пароход, чтобы подпалить его назло Акимычу. И главарь их получил в мягкое место заряд крупной соли (ох и вой стоял!) Милиция признала действия сторожа справедливыми, и больше никакие пираты на судно не совались.

Лишь одному человеку, кроме себя самого, Акимыч позволил поселиться на пароходе. Художнику Филиппу. Весной они познакомились на рынке, где покупали

картошку, и понравились друг другу. Дело в том, что старик вообще любил художников. Он читал много книг про живопись, собирал и хранил в папках вырезанные из журналов копии картин и любил порассуждать о Врубеле, Пикассо и Чюрлёнисе. А на пароходе с кем поговоришь?

У Филиппа не было квартиры, он обитал у своей одинокой тетушки, а тетушкин характер был не самый подходящий для совместного проживания. Узнав про такое дело, Акимыч предложил Филиппу жилплощадь на «Богатыре». Тот обрадовался. Устроился на лето в рулевой рубке, похожей на квадратный домик с плоской крышей.

В рубке сохранился штурвал с рукоятями — ну прямо как на старинном паруснике. А снаружи на стене был привинчен узорчатый кронштейн, на котором висел судовой колокол. С надписью «Богатырь». Размером с небольшое ведро. Этот колокол Акимыч не отдал чиновникам из пароходства, которые забирали с «Богатыря» всякое уцелевшее имущество и предметы из цветных металлов.

— Как же судно может без сигнального колокола? Вы спятили, господа-товарищи начальники? Только сухопутные люди могут рассуждать так без всякого понятия!

— Да зачем сигналы, Вячеслав Акимович, если вверенное вам павсредство мертво сидит на мели?

— Сидит или не сидит, а в списках числится. И потому колокол есть его неотъемлемая принадлежность!

Чиновники махнули рукой.

Каждое утро Акимыч начищал колокол пастой и суконкой. Бронзовые бока отражали солнце с такой силой, что сияние видно было с берега за целую милю. В петлю на чугунном «языке» колокола старик вплел специальный пеньковый трос для дерганья. На флотском языке он называется «рында-булинь».

По вечерам Акимыч и Филя сходились в каюте, грели на керосинке чайник и разговаривали о художниках и просто о жизни. Днем старик наводил на пароходе порядок (хотя и бесполезное это дело), ходил на рынок за продуктами, варил супы и каши или читал книги про живопись. А Филя на верхней палубе писал этюды. Иногда он вздыхал, откладывая кисть и смотрел в заречные дали. Его небольшие, но очень яркие глаза туманились...

Вот с такими людьми и подружился Вася Перепёлкин, когда Переверзя, Штырь и Цыпа загнали его на пароход.

Оказалось, что люди замечательные. Уже через полчаса Вася чувствовал себя на «Богатыре» как дома. Он сидел по-турецки на стариковой койке и, растопырив коричневые от йода колени и локти, макал в кружку с очень сладким чаем черный сухарь. Жевал и рассказывал Акимычу и Филиппу про свои приключения.

Вася ничего не скрывал. Ведь эти люди спасли его, значит — хорошие. А к хорошим людям Вася всегда относился с доверием. Он и про Колесо выложил все как есть. И в доказательство своей правдивости покатался перед стариком и художником по палубе, а потом лихо проехался на берег и обратно по тросу (шину приходилось то натягивать, то опять снимать; Вася это делал уже без большого труда). Акимыч покачивал головой, Филипп чесал бороду. Оба уважительно поглядывали на Колесо. Правда созвучия с Колесом у них не получилось, и, трогая обод, они не слышали

никаких слов. Но верили, что Вася слышит.

— А у нас, видать, просто длина мысленных волн другая, — понимающе сказал Филипп. — Зато у меня одна кисточка есть, с ней у нас созвучие, как у тебя с Колесом. Я этой кисточкой как раз того мальчика рисовал, на второй картине с городом.

Вася спросил, где теперь эта картина.

— Сейчас... — отозвался Филипп.

Вася и Акимыч вернулись в каюту, а Филипп взбежал к себе в рубку и вернулся в натянутым на подрамник холстом. Поставил картину на табурет, прислонил к стенке. Солнце из квадратного окна широко падало на холст. Вася сразу узнал *тот* город. Замечательный город! Но...

— Дядя Филипп! Вы же говорили, что мальчик в красной куртке, а здесь он совсем как я сейчас...

— Во-первых, я не дядя, а просто Филипп. А во-вторых... гм... в самом деле...

Тонконогий и тонкошей мальчик, что стоял в углу картины спиной к зрителю, был в рубашке и штанах песочного цвета. В одной руке он держал скомканную панаму, в другой колесо с педалями. Ярко блестели белобрысые прядки.

Филипп уставился на холст и дергал себя за бороду, словно хотел вырвать клоч. «Притворяется!» — подумал Вася.

— Это вы сейчас нарисовали! Того закрасили, а этого раз-раз! Да?

— Когда бы я успел? За полминуты!.. Да и потрогай — краска сухая...

Вася недоверчиво потрогал. Сухая...

— Это, судя по всему, моя кисточка постаралась, — наконец решил Филипп. — И не сейчас, а вчера-позавчера. Видать, что-то чуяла заранее...

— Разве так бывает?

— С ней еще и не такое бывает, — задумчиво отозвался Филипп. — Но хотелось бы *знать*: зачем это она?

— Чудеса... — вздохнул Акимыч. Но так, что было ясно: он встречал в жизни чудеса и поудивительней, чем это.

Скоро совсем перестали удивляться. Если есть волшебное Колесо, почему бы не быть и волшебной кисточке? И почему бы ей не сделать в картине поправки? Тем более, что Филипп говорит — это не впервые...

Наконец Вася собрался домой. Ловко укатил по тросу на берег, там снова надел на Колесо шину. Встал на педали и, балансируя, помахал Акимычу и Филиппу.

— Прилетай еще, птаха! — сипло крикнул Акимыч.

— А можно завтра?!

— Можно!! — разом ответили Акимыч и Филипп.

Мальчик и музыка

Вася стал приезжать на пароход почти каждый день. Лишь по выходным он ходил с папой на речной пляж или с мамой на рынок за помидорами и капустой или с ними обоими в городской парк, где аттракционы (но прогулки втроем он не очень любил, потому что в конце их мама и папа обязательно начинали спорить). А в обычные дни Вася вскакивал с постели, катил на Колесе в булочную за батоном, пылесосил половики в прихожей (это были его постоянные обязанности) и спешил на «Богатырь».

На площади у башни он теперь почти не появлялся. Не потому что боялся Переверзи, Штыря и Цыпы (пусть попробуют догнать!), а просто на пароходе было интереснее. Лишь один раз Вася заехал на Водопроводную площадь — чтобы сказать спасибо Максимке. И сказал. И подарил ему пластмассовую модель старинного самолетика. Веснушчатый круглоухий Максимка заулыбался большими потресканными губами.

— Вот хорошо... Мы его в нашем сарае подвесим, к потолку.

— А что за сарай?

— Ну, мы там с ребятами из нашего дома собираемся. Оркестр устраиваем...

— Максимка, значит, ты музыкант?

— Не-е! Я только немного пробую. На губной гармошке! — И укатил на своем скейте, подняв самолетик над плечом.

Ну что же, у каждого своя жизнь. Кому оркестр, кому старый пароход...

На «Богатыре» Васю всегда встречали обрадованно. Даже непонятно, отчего он так пришелся по душе старику и художнику... А может, и понятно! Старик, наверно, скучал по внукам (где-то в Хабаровске жили десятилетние близнецы Толик и Сережа). А Филипп был благодарен Васе за совет насчет картины. Да и вообще что удивительного, если трем хорошим людям интересно друг с другом. Бывает, что разный возраст при этом ни чуточки не мешает...

Акимыч, Филипп и Вася подолгу пили в стариковой каюте чай с твердыми, как деревяшки, сухарями. Очень вкусными! И разговаривали о самых разных вещах: о книжках, о космосе, о кино про мушкетеров, об удивительных живописцах, которые называются «импрессионисты»; об очередной комете, которая летит из глубины вселенной и целит прямо в Землю (все равно промажет!), о способностях некоторых вещей к созвучию с людьми, о породах африканских и американских крокодилов...

Иногда рассказывали друг другу о своей жизни. Акимыч говорил о плаваниях, о всяких интересных случаях на пароходах, о бурях и приключениях. Он утверждал, что на реках случается ничуть не меньше всяких опасностей, чем на морях и океанах. И после его историй становилось ясно, что так оно и есть. Взять хотя бы случай с пиратами!

— Было это лет сорок назад, за пристанью Кривые Столбы... Уж не знаю, кто они были на самом деле — то ли браконьеры, то ли ворюги всякие и местные хулиганы, только догнали нас на двух катерах, и на одном катере черный флаг с костлявой рожей, ну впрямь как у Флинта или Сильвера. А на лицах черные чулки — видать насмотрелись голубчики про Фантомаса... И орут: «Стопорь машину, а то враз пустим

щукам на корм!» Шуки, надо сказать, в ту пору водились тут во-от такие... И еще орут: «Всем пассажирам выйти на палубу, вынуть кошельки». Ну, капитан Константин Яковлевич, пассажирам велел не высовываться, а сам вышел на мостик. И я с ним. У него дробовик был двухствольный, Тульского завода, а у меня та пицаль, что нынче. Ка-ак ахнули с трех стволов!.. Этих флинтос и след простыл. Со следующей пристани дали мы сигнал в милицию, да та, как водится, не почесалась вовремя. А жалко. Просмотреть бы, что это были за фантомасы...

Порой казалось, что старьй щелястый пароход от разговоров Акимьча начинает поскрипывать и дышать. Будто вот-вот не выдержит, снимется с места и пустится в рейс. Конечно, это он лишь мечтал. Куда пустишься, если в корпусе дыра на дыре, и его насквозь — от днища до верхней палубы — пробил прямой белый ствол, а над рулевой рубкой шелестит березовая верхушка (Акимьч звал березу «моя невестушка»)...

Филипп любил вспоминать про студенческую жизнь, как он учился в художественном институте. А еще — как ради ярких впечатлений (они пуще всего необходимы художникам) путешествовал по разным краям с помощью системы «Автостоп», без денег. И таким путем даже оказался за границей, добрался до Италии. Из Рима и Венеции привез два альбома рисунков и акварелей.

— Потом в местном Союзе художников была выставка, в газетах писали. И даже дали диплом. Правда, не за итальянские работы, а за пейзаж «Вечер в Ольховке». Ольховка — это село, где жила моя мама...

Вася тоже говорил про свои дела, не стеснялся. И про лестницу рассказал, и как спасся через крышу, и как делал педали для колеса и учился ездить. А еще вспомнил свой сон про «динькающий» день и попробовал напеть песенку, которая сочинилась в этом сне. Но певец он был, как известно, без таланта и смутился:

— Нет, не могу. Я внутри себя слышу, а передать мотив не получается.

— Ну, почему же не получается, — сказал Филипп. — Я, кажется, уловил.... — Он сходил в рубку и принес коричневую блестящую гитару. — Давай-ка попробуем... — И стал подбирать на струнах:

День — динь!
Капель капель с крыш...

И песенка получилась! Вася продиктовал все слова и спел их вместе с Филиппом. Вместе-то было легче!

Днём — гнём
Радугу, словно лук....

А старик Акимьч кивал и улыбался заросшим ртом с редкими коричневыми зубами.

Гитара порокотала напоследок и умолкла. Вася благодарно погладил ее.

— Какая красивая. Как виолончель...

— Ого, да ты разбираешься в инструментах!

Вася сказал, что не очень разбирается, Просто знает, как некоторые из них называются. И любит их разглядывать, когда по телевизору показывают большой оркестр. И признался:

— Бывает, что он еще играть не начал, а у меня внутри... ну, уже будто музыка, только непонятно какая...

— Да, Василий Олегович, кажется, на роду тебе написано быть музыкантом, — вставил свое суждение Акимыч.

— Да ничего не написано! У меня же слуха нету!.. А когда вижу оркестр, кажется, будто вокруг тайна какая-то. Откуда она, вся музыка берется...

— Слух у тебя есть, только внутренний, — решил Филипп. — Ну а если он даже не прорежется, это не беда. В музыке семь нот, в радуге семь красок. Красками можно такую картину написать, что будет звучать, как симфония...

— Как твой «Незнакомый город»? — сказал Вася (он давно уже был с Филиппом на ты).

— Ну... может быть. Не знаю — смутился Филипп. — А ты считаешь, что он звучит?

— Еще бы!

— Спасибо, порадовал... Но я не о том. Я насчет красок... Может, хочешь попробовать?

— Я... не знаю.

Вася хотел. Было интересно, как это из-под кисти выходят облака, деревья, волны, дома и целые сказочные города? Но... страшновато. Вот не получится ничего, и Филипп с Акимычем станут его утешать.

Филипп, кажется, понял.

— Ну, смотри. Как захочется, скажешь... А я сейчас, с ходу, придумал картину. Будто ты ее нарисовал словами...

— Я же ничего не рисовал!

— Ты сам не заметил... Называется «Мальчик и музыка». Знаешь, что там будет? Вечерняя... нет даже ночная улица с огоньками в старых двухэтажных домах и с луной за деревьями и облаками. Луна эта все освещает, но не сильно, туманно. А посреди улицы стоит мальчик, спиной к нам...

— Как на *той* картине?

— Да. Но не совсем так. И он покрупнее...

— А при чем тут музыка?

— Подожди... Он стоит, запрокинув голову, а перед ним в лунной полутьме — громадная, выше домов и деревьев, скрипка. Она видна не очень ясно, размыто, но все же понятно, что это скрипка...

— А громадная, потому что музыка тоже громадная, да?

— Видишь, ты все понимаешь! Да... И мальчик смотрит на нее и будто пытается что-то разгадать. Или прочувствовать до конца... А полумрак и облака слегка клубятся, и словно образуют очертания других инструментов. Даже не очертания, а намеки...

— Здорово, — вздохнул Вася. Он будто увидел картину своими глазами. — А когда

начнешь?

— Не знаю, надо сперва, чтобы яснее сложилось в голове... Я думаю, что, может быть, это будет немного в манере Марка Шагала... Слышал про такого художника?

— Не-а, — честно сказал Вася.

— Я тебе сейчас покажу его картины, — засуетился Акимыч и начал вытаскивать из-под койки папки.

Конечно, Вася не только торчал в каюте и разговаривал. Он облазил весь пароход. В машинном отделении пахло болотистой водой, и кто-то, кажется, шевелился за обросшими мохнатой ржавчиной котлами и шатунами. В каютах с выбитыми стеклами стоял какой-то особый «древне-пароходный» запах — смесь теплого старого дерева, превратившейся в чешую краски и угольного дыма, которым когда-то пропиталось ветхое судно.

Вася бегал по палубам, крутил в рубке у Филиппа штурвал, карабкался по громадным лопастям омертвевших гребных колес, загорал на могучем колесном кожухе с облупленной черной надписью «БОГАТЫРЬ» и вообще резвился как хотел. Только в колокол он ударил всего один раз. И то с разрешения Акимыча. Акимыч относился к этому строго, объяснял, что «просто так не брякают, это неуважение к судну; удар в колокол — это всегда серьезный сигнал».

Колесо в конце концов стало обижаться: «Ты на мне совсем перестал ездить, бросаешь в каюте!»

«Да что ты! Я хочу, чтобы ты отдохнуло!»

«А я не люблю отдыхать. Я не устаю.»

«Ну, поехали!» — И Вася начинал гонять на Колесе по пароходным коридорам.

Иногда разговоры Акимыча, Филиппа и Васи слушали кот Степан и воробей Крошкин. Они тоже обитали на «Богатыре». Степан жил здесь уже несколько лет, а Крошкин появился нынешней весной. Его загнали сюда сердитые вороны со свалки. Бедняга чуть не попал из огня да в полымя. С размаха влетел в открытое окно каюты, а здесь на него кинулся тощий серый кот. Воробьиные нервы не выдержали, Крошкин брякнулся без памяти — прямо к домашним башмакам Акимыча, сделанным из обрезанных валенок. Акимыч башмаком дал Степану пинка, а воробья взял в ладони и тепло задышал на него. Тот открыл один глаз.

— Ишь ты, ожил! — обрадовался старик. А коту, который сидел в углу, отчаянно махал хвостом и сипел от обиды, сказал: — Ты что это себе позволяешь, террорист недорезанный! Существо прилетело за помощью, а ты...

Потом он долго выхаживал Крошкина, а со Степаном вел ежедневные воспитательные беседы. И у кота, видимо, проснулась совесть. Он перестал думать про воробья, как про добычу (да и больно надо, мяса все равно никакого, только перья да кости!). В конце концов они привыкли друг к другу и стали приятелями. Бывало, что даже угощались из одного блюдца жареной рыбой или гречневой кашей. Кот подгребал пищу растопыренной лапой, а воробей тут же клевал крошки.

Но иногда они все же ссорились. Начинал обычно Крошкин. Усевшись под потолком награждал кота сварливым чириканьем.

— Старое поминает, — объяснял Акимыч. Он утверждал, что понимает разговоры воробья и кота. — Говорит: «Сейчас-то ты ласковый, мур-мур, а помнишь, как мне в спину чуть все зубы не воткнул? У меня с тех пор каждую пятницу сердечные приступы и неожиданная икота. Воробьи пугаются, не могу ни с одной познакомиться. Вместо «чик-чирик» получается «чир-ик-ик», а это по-воробьиному даже неприлично сказать, что такое...»

Вася, сидя на стариковой койке, от смеха взлягивал ногами.

— Мр-р-мя... — недовольно реагировал на упреки Степан. Акимыч переводил:

— Говорит: «Сколько можно про одно и то же! Ты, — говорит, — влетел без всякого предупреждения, а я что должен? Я же кот, а не мышонок, у меня природный охотничий инстинкт!» А Крошкин ему: «Вот от того на Земле всякое свинство и случаются, что никто не хочет свои инстинкты держать под замком...»

Степан возражал, что никакого свинства не было. Ведь не свинью он хотел сцапать, а воробья. Значит, в крайнем случае — «воробьиство». Крошкин, однако, заявлял, что свинство всегда свинство, независимо от размеров добычи.

— Да ладно тебе, Кроха, — урезонивал воробья старик. — Ведь Степа давно осознал...

Вася однажды вспомнил:

— У нас в классе есть Шурик Кочкин, а у него крыс Вовчик. И этот Вовчик живет дома с котом Тимофеем как брат родной. Даже спят вместе. Потому что Тимофея взяли в дом котенком, когда Вовчик был уже пожилым. Котенок же не будет охотиться на большущего крыса, вот и привыкли друг к другу. А теперь Тимофей вот такой зверь, громадный и пушистый. Красавец... — Вася глянул на Степана и торопливо добавил, чтобы тот не обиделся: — Степа тоже красивый...

Но Степан, по правде говоря, вовсе не был красивым. Пыльно-серый обшарпанный кот бродячего вида. Вася иногда думал: уж не тот ли это кот, который повстречался ему сперва в джунглях на пустыре, а потом у мусорного бака? Наконец Вася решился. Рассказал об этих встречах старику и попросил:

— Акимыч, узнайте у Степана: он это или не он? Вы ведь умеете говорить с ним!

Акимыч поговорил и сообщил:

— Степа отвечает уклончиво: может, он, а может, и не он. Такая уж хитрая у котиков натура.

Вася вздохнул и почесал у Степана за ухом.

— Мр-мя... — дипломатично отозвался тот.

С Крошкиным было проще, он сразу признал Васю за своего. Садился на плечо и на голову, чирикал что-то неразборчивое, но дружелюбное. Иногда на «Богатырь» залетали и другие воробьи, галдели в листьях березы. Но Крошкина Вася узнавал среди них сразу: у того на затылке торчал хохолок. Видимо, весной перышки как приподнялись от всяких страхов, так больше и не опустились...

Крошкин был на пароходе просто жильцом. А Степан считался на службе. Каждые сутки он нес ночную вахту. Устраивался под судовым колоколом и одним глазом дремал, а другим чутко следил: нет ли злоумышленников. Если кто-то появлялся на берегу и, вроде бы, хотел переправиться на пароход (вброд иди по тросу). Степан

когтями дергал рында-булинь: бом-м! И Акимыч просыпался и выскакивал из каюты с заряженной пищалью...

А еще Степан любил слушать, как Филипп играет на гитаре. Садился у него под боком, сладко жмурился и шевелил загнутым кончиком тощего хвоста.

Вася тоже любил слушать гитарные переборы. Но его беспокоило то, что день ото дня струны звучали все печальнее. Вася догадывался, в чем тут дело.

Однажды он оказался в рулевой рубке один (Филипп зачем-то ушел на берег). Там стояли на палубе повернутые к стенке холсты. Филипп не любил, когда смотрят его работы без спросу. Но сейчас Вася не выдержал и повернул к себе ближний холст: вдруг на нем уже готовая (или почти готовая) картина «Мальчик и музыка»?

Но там был портрет.

Портрет девушки. Вася сразу узнал светловолосую Олю, которую видел с Филиппом на Каменном спуске. Оля знакомо улыбалась, и волосы ее будто шевелились.

Все стало ясно.

В тот же день Вася прямо спросил Акимыча:

— А что, Филипп влюбился, да?

Акимыч развел руками:

— Такая вот ситуация. Что поделаешь, парень он молодой, пришла пора...

— А почему грустный-то? Она его не любит, да?

— Непонятная история. То, вроде бы, встречаются нормально, а то не ладится у них... Филипп говорит: не хочет она, чтобы он провожал ее до дома, будто скрывает что-то. Живет она в каком-то Барашковом переулке, в доме номер девять, но ни разу не разрешила, чтобы Филя ее проводил до калитки. Или даже до этого переулка... Говорит: если хочешь, найди мое местожительство сам, в одиночку...

— Кокетничает, — понял Вася.

— Похоже, что так. А Филя никак этот Барашков переулок найти не может, и никто не знает, где такой... И решил Филя, что она дразнит его. Не принимает, как говорится, в серьез. «Потому что, — говорит, — я коротышка, а она меня выше на полголовы и красавица. Зачем я ей нужен такой...»

— Зато он талантливый!.. Неужели она такая дура? И никакая не красавица, только волосы красивые...

— То-то и оно... А Филя в свою очередь чем плох? Борода что надо и глаза как у принца. А рост... подумаешь! Я ему говорю: знаменитый художник Борисов-Мусатов был горбун, а любовь его не обошла, потому что была в нем настоящая душа живописца. А француз Тулуз-Лотрек, великий импрессионист! Совсем уродливой был внешности, а женщины тоже по нему страдали... Разве дело в росте?

— А Филипп что?

— Что-что... — вздохнул старик. — Мается, сам видишь. Последние дни вообще бродит где-то с утра до вечера, а то и не ночует. Или ищет этот окаянный переулок, или просто ходит с головой ниже плеч... Нынче сказал, что опять ночевать не придет. «Пойду, — говорит, — к друзьям-приятелям в общежитие свое горе утешать... А мне снова одному ночь коротать. Раньше-то мне это было в привычку, а теперь как-то

скучно одному...

— Акимыч, а давайте я приду к вам ночевать! — осенило Васю. — Мама и папа как раз уезжают на два дня к знакомым в Кобылкино, хотели и меня взять, да я уперся, потому что они говорят: не надо с Колесом. Значит, их сегодня не будет, а тетя Тома отпустит!

Здесь надо отметить одну деталь, о которой не было случая сказать раньше. Дело в том, что Акимыч и тетя Тома были давние знакомые. В прежние годы тетя Тома была медсестрой плавсостава и несколько лет ходила в рейсы на разных речных судах, в том числе и на «Богатыре». Родителям Вася о своих пароходных знакомствах не рассказывал (потому что будут лишь охи, расспросы, запреты и опасения), а тете Томе однажды признался. Она обрадовалась, когда узнала, что Вася подружился с Акимычем.

— Передавай привет старику. Он человек с понятием, положительный.

Уезжая в гости, мама и папа, как обычно, поручили Васю тети-Томиным заботам, и она, конечно, не спорила, когда он попросился ночевать на «Богатыре».

— Я тебе гостинец дам для Акимыча, баночку земляничного варенья, вечером и попьете чайку.

На берегу Вася проявился уже в сумерки.

Лето перевалило на вторую половину, вечера сделались темнее. После полуночи небо становилось совсем черным, и густо высыпали звезды. Но и сейчас уже было похоже на ночь. Из-за облака выкатилась улыбочивая луна, раскатала по воде среди камышей серебристо-чешуйчатую дорожку. Этому очень обрадовались лягушки, начали веселую перекличку. «Теперь будут орать до утра», — снисходительно подумал Вася.

Сильно пахло осокой, в воздухе висела болотистая прохлада, Вася подышал на ладони, потер локти и ноги. Окно стариковой каюты уютно светилось. Вася представил, как они с Акимычем в тепле будут пить чай, ложками есть варенье и беседовать о всяких жизненных вопросах. Он снял с Колеса шину. Вообще-то у Акимыча была плоскодонка, он и Филипп на ней добирались до берега и обратно. Однако Вася лодкой никогда не пользовался. На Колесе по тросу — это пять секунд (для того, кто умеет, конечно).

На пароходе Вася стукнул костяшками в дощатую дверь и сразу толкнул ее. И удивился. Он думал, что Акимыч один, а Филипп тоже был здесь. Они со стариком сидели у стола с яркой лампой. На щербатых тарелках блестела селедка и огурчики. А особенно ярко блестела четвертинка. Акимыч крякнул и быстро прикрыл ее газетой.

— А я ночевать пришел, — виновато сказал Вася. — Тетя Тома отпустила. Вот, варенье послала...

— Вот и славно, — засуетился старик. — Вот и чудненько... Сейчас я чайку... А мы тут с Филей обсуждаем кой-какие философские вопросы. О смысле жизни, так сказать, и прочие мелочи. Присоединяйся...

— Нет, я не хочу. — вздохнул Вася. Он не стал делать вид, что не заметил четвертинку. — Вы уж обсуждайте без меня, а я погуляю по пароходу. Нынче луна такая... И со Степаном подежурю у колокола. Я давно хотел побывать на ночной вахте. Можно?

— А чего ж, а чего ж... — покладисто откликнулся Акимыч. — Если хочется, можно и на вахте. Только долго-то там не сиди, прозябнешь... Возьми-ка мой бушлат, завернешься в него, и никакая ночная сырость не проймет...

Рыжий от старости бушлат с флотскими пуговицами оказался Васе до пят. От него пахло шерстью, как от жесткого детсадовского одеяла, и крепким табачным зельем.

— Филипп, а если мне спать захочется, можно я у тебя в рубке лягу? Я еще никогда не спал там, где штурвал.

— А чего же! — как и Акимыч, охотно откликнулся Филипп (голубые глазки его при лампе сильно блестели, а борода горела медью). — Ложись, конечно! Не забоишься один?

— Пфы! — сказал Вася так же, как умела это Маргарита Панченко. — Да я и не один, а с Колесом.

Он понимал, что от него избавляются вежливо, но с охотой. Но не обиделся. Оно понятно, не хочется Филиппу при мальчишке изливать душу и мешать горькие мужские слезы с жидкостью из четвертинки.

Вася пошел на верхнюю палубу. Степан был уже на вахте. Лежал под колоколом на специально прибитой полке.

— Добрый вечер, — сказал Вася.

— Мр-р...

— А где Крошкин?

Степан лениво глянул вверх. Там, в листьях березы, слышалось шуршанье.

У рубки стояла решетчатая пароходная скамейка. Вася уселся на нее с ногами, закутался в бушлат, надел на Колесо шину, положил его на колени. Лег на обод щекой.

Веселились лягушки. В городе светились огоньки и порой вскрикивали тепловозы. По недалекому руслу, за бывшим островом протарахтел последний речной трамвай. От нагретого за день парохода несло теплом, оно гладило щеки и забиралось снизу под бушлат.

А луна выбралась на середину неба и сияла вовсю.

«Луна круглая, как ты», — сказал Вася Колесу.

«Да, у нее очень правильная форма. Круглая форма — самая совершенная. Поэтому все колеса — очень совершенные сооружения...»

Иногда Колесо любило поважничать, и в таких случаях не следовало спорить. Вася приласкал его, как котенка, погладил по шине.

«Ты самое совершенное из колес.»

«Не подлизывайся, — хмыкнуло Колесо. — Я говорю серьезно. Круглая форма самая лучшая из всех, какие придумала природа. Если хочешь знать, на некоторых языках «круглый» и «совершенный, самый лучший» звучит одинаково. Ты слышал названия японских судов?»

«Слышал, конечно! Вчера передавали в новостях: потерпевших бедствие сахалинских рыбаков спас японский танкер «Осака-мару». У них все названия кончаются на «мару»...»

«А что это такое, знаешь?»

«Я думаю, «мару» это «морской». Вот имя «Марина» означает, например,

«девочка с моря», мне одна девочка говорила, моя одноклассница.»

«А вот и нет! «Мару» как раз означает «круглый, совершенный, такой, что лучше не надо...»

«Я не знал... Колесо, знаешь что?»

«Что?»

«А можно, я буду звать тебя «Мару?»»

«М-м... вообще-то похоже на «Марусю». Это девчоночье имя.»

«А похоже и на «Марика». Это мальчишечье... Но я не буду ни «Маруся», ни «Марик», а просто «Мару»... Можно?»

«Ладно. Только не часто, а... когда вот так, гладишь меня...»

«Ага, а ты опять скажешь, что подлизываюсь!»

«Я пошутило... Вася!»

«Что... Мару?»

«Как ты думаешь, Филипп нашел свою Олю?»

«Думаю, что не нашел. Иначе не сидел бы теперь с Акимычем, не горевал бы из-за своей любви.»

«Вась... а что такое любовь?»

«Ну... это когда один не может без другого...»

«Как я без тебя, а ты без меня?»

«М-м... пожалуй. Только не совсем так. У нас с тобой дружба на веки вечные, а у Филиппа...»

«А! У них с Олей такая любовь, от которой потом Оля пойдет в декретный отпуск?» — догадалось Колесо. Видать, оно уже неплохо разбиралось в человеческих делах.

«Вовсе это не обязательно, — с досадой отозвался Вася. — Скажешь тоже... Да и какой там отпуск, если Оля с ним не встречается, а он ее дом отыскать не может. Какой-то дурацкий Барашков переулочек... Может, нам с тобой поискать его?»

«Может быть...» — каким-то непонятным тоном откликнулось Колесо.

«Давай завтра с утра!»

«Давай прямо сейчас...»

«Ой... Ты думаешь, это подходящее время?»

«Самое подходящее. Если по правде хочешь помочь Филиппу...» — Колесо говорило уверенно. Васе вдруг почудилось, что поздний вечер дохнул тайнами. Лягушки примолкли, а луна светила так, что лучи ее казались теплыми и грели сквозь бушлат.

«Ладно, — вздохнул Вася. Он понял, что спорить с Колесом не следует. Кажется, оно знало, что делать. Да и покататься по лунным улицам в поисках загадочного переулка — это было похоже на приключение. — Только надо предупредить Акимыча. Или мы скоро вернемся?»

«Когда вернемся, сказать трудно. Однако предупреждать не надо...» — сообщило Колесо. У Васи — мурашки под бушлатом. Но он сказал громко и храбро:

— Тогда идем!

«Да... только нужно сперва зайти в рубку, глянем на картину «Незнакомый

город»...»

«Зачем?»

«Надо.»

Вася встал.

— Степан, мы пошли. Спокойной вахты.

— Мр-р...

Вася знал, где картина с таинственным городом. Оказавшись в рубке, он сбросил у штурвала бушлат и вытащил холст на тяжелом подрамнике из-за других полотен. Прислонил его к стенке. Потом Вася взял с полки электрический фонарик Филиппа и осветил картину.

Свет лампочки был желтый, но в ту же минуту луна словно по заказу выдвинулась из-за края окна у Васи за спиной. Смешала свой голубоватый свет с электрическим. И эта смесь была необычного, сказочно-театрального оттенка. Цветные пятнышки послушно превратились в город, но сейчас он казался не таким, как прежде. Более живым, что ли. Да! Похоже, что зашевелились деревья. И мальчик в углу, кажется, тоже шевельнулся.

Вася стал вглядываться внимательней. Колесо затеплело у него в руке.

«Что?» — напряженно спросил Вася.

«Ничего. Стой и смотри...»

Вася смотрел. Его окутывала сладковатая сонливость (на миг показалось даже, что он не стоит, а лежит на лавке, укрывшись до носа теплым бушлатом), но в то же время все он видел очень четко. Картина словно отодвигалась. И вырастала. Делалась похожей на панорамный киноэкран. Его края начали охватывать Васю с двух сторон, город становился большим, почти настоящим.

«Знаем мы такое дело, — снисходительно подумал Вася. — Это сон, вот и все. Не привыкать...»

С городских улиц долетал пушистый ветерок с запахом незнакомой травы. Эта трава — с перистыми листьями и белым мелкоцветьем — качала верхушками уже у самых Васиных колен. Сквозь нее протянулся узенький тротуар из желтых плиток.

«Ну, давай...» — поторопило Васю Колесо.

Послышалась тихая полузнакомая музыка.

Вася поставил Колесо на плитки, прыгнул на педали и въехал в город.

Барашков переулок

Сразу стало ясно, что это необыкновенный город. Хотя бы потому, что в Осинцеве была ночь, а здесь солнечное утро. Оно дышало прохладой, но не зябкой, а радостной. И сверкало росой. Пока Вася ехал через траву, его штаны и рубашка вымокли от множество капель, к материи прилипли мелкие листики. Но как только Вася оказался на площади, «сафари» высох и листики осыпались.

Вася стал оглядываться.

Площадь напоминала ту, что в Осинцеве, Водопроводную. Только покрывал ее не асфальт, а ровные разноцветные плиты, которые складывались в узоры. И башня была гораздо выше и красивее — из ярко-красного кирпича, с белыми арками и орнаментами, с множеством узких стеклянных окон. Стекла сверкали от солнца. А еще сверкали фигурные бронзовые стрелки на круглых часах у самого верха башни.

Часы показывали половину девятого. Большая стрелка шевельнулась, и раздался медный удар (казалось, вся башня наполнилась эти звоном). И сразу на площади стали появляться мальчики и девочки — на скейтах, самокатах, велосипедах. Некоторые казались знакомыми. По крайней мере, проезжая мимо Васи, они окликали его:

— Перепёлкин, привет!

— Привет... — отвечал он и думал, что надо их спросить: где тут Барашков переулок? Но ребята проносились очень быстро. И устраивали вокруг башни пеструю карусель. Вася заметил, что все они в звездных футболках — алых, васильковых, желтых, салатных, изумрудных с белыми звездами. Или наоборот — футболки белые, а звезды на них разноцветные. И он пожалел, что не надел свою — белую, на которой лучистые зеленые звезды.

«Это вовсе даже неважно, — строго сказал он себе. — Ты должен думать о поисках, а не о наряде.» Но тут же увидел, что на нем *та самая* футболка.

Вася не очень удивился. Ему вдруг вспомнилось, что будто бы дома, перед тем, как ехать на пароход, он сбросил рубашку «сафари» и натянул вот эту майку.

«И в конце концов это все равно сон», — сказал себе Вася.

«Не городи ерунду! — строго одернуло его Колесо. — Если это сон, зачем искать Барашков переулок? Как ты приведешь оттуда Олю к Филиппу?»

«А если не сон... то что?»

«Смотри внимательно.»

Из башни вышел круглый человечек в удивительной одежде — в зеленом фраке, с пышным белым бантом на груди и в черном блестящем цилиндре. Приставил ко рту ладони, закричал:

— Внимание, внимание и еще раз внимание! Сейчас даем старт большому летнему соревнованию!

Согнувшись до самых плит, толстячок резво засеменял через площадь. За ним тянулась тонкая белая черта. Очевидно, в пальцах толстячка был мел. Достигнув края площади, толстячок поспешил обратно и у середины черты написал на плитах большущие буквы: STARS. Вася стоял неподалеку. И не удержался, громко сказал:

— Извините, но вы ошиблись! Надо написать не «Старс», а «Старт»!

Толстячок обрадовался будто его похвалили:

— А вот и нет, а вот и нет! Именно «Старс!» То есть «Звёзды»! Это состязания звезд — лучших гонщиков нашего города! Видишь, вы все в звездной спортивной форме! Ну-ка, вставай за линию, Перепёлкин!

Все ребята уже шумно выстраивались перед белой линией.

— Но я же не из этого города! — нерешительно заспорил Вася. — Кроме того, я...

— Что за глупости ты говоришь! — звонко обиделся толстячок. — Как это ты не из этого города, если ты здесь! Будь добр, займи свое место!

«Не спорь! — подтолкнуло Васю педалями Колесо. — Так надо!»

Ну, если надо, значит, надо... Вася оказался между худой желтоволосой девочкой в темных пластмассовых очках и мальчиком, похожим на Максимку. Да, многие из ребят казались знакомыми или полужнакомыми. Но похожих на Переверзю, Штыря и Цыпу не было (и слава Богу!). Все выглядели очень славными.

— Ты не знаешь, где Барашков переулочек? — спросил Вася у девочки, балансируя на педалях.

— Конечно, знаю! Это за парком имени Двойной Радуги.

— Мне туда очень надо.

— Вот и хорошо! Финиш гонок как раз в парке, а оттуда до переулочка совсем близко.

Толстячок в цилиндре торжественно встал сбоку от пестрой линии гонщиков. Из-за пазухи он вытащил большущий старинный пистолет со стволом-воронкой. Поднял над плечом.

— Внимание и внимание! Всем полное замирание! Приготовились!.. Ра-аз... два-а... ТРИ!!

Пистолет ахнул, как пушка. С толстячка слетел цилиндр. Дым за клубился лиловой тучей. Это было так здорово, что Вася загляделся и отстал от других. Девочка в темных очках толкнулась вперед на своем самокате, похожий на Максимку мальчик лихо стартовал на скейте. Остальные «stars» (а было их, пожалуй, с полсотни) с веселыми воплями тоже ринулись через площадь.

«Вперед!» — спохватился Вася.

«Не волнуйся! Догоним!»

Вася и не волновался. В конце концов, он и не думал стать чемпионом. Главное, что гоночный путь вел туда, куда надо, к Барашкову переулочку. Скоро Колесо догнало многих ребят. Помахивая ладонями, будто крыльшками, Вася мчался в гуще шумной звездной ватаги. Он ничуть не беспокоился о скорости. О ней пусть заботится Колесо. А он, Вася, может пока «на скаку» поглазеть по сторонам.

Поглазеть было на что. Гоночная трасса всех вывела с площади на улицу. По сторонам друг над другом громоздились на склонах пестрые дома и башни. Дома были всякие — крохотные, как киоски, и громадные, как дворцы. С разноцветными крышами и флюгерами, с балконами, колоннами и стеклянными выступами, с хитрыми завитыми лестницами, бегущими с горки на горку. Многие дома соединялись кружевными арками, под которыми висели большущие граненые фонари. Они, конечно, не горели, но отражали солнце с таким сверканием, что казались

зажженными.

Гонимый маршрут был проложен хитро: с поворотами в кривые переулочки, по горбатым мостикам через овраги, вокруг причудливых памятников на маленьких площадях (памятники было не разглядеть на скорости). Но запутаться было невозможно. По обочинам через каждые десять шагов стояли мальчишки в ярко-желтых рубашках и красных форменных беретах. Они ловко указывали флажками направление и повороты.

Кроме того, на обочинах, а также на лестницах, крылечках, на балконах (а еще на деревьях и верхом на арках с фонарями) сидело множество зрителей. И маленьких, и больших. Все махали шляпами, беретами и яркими косынками. Вася пожалел, что не взял панаму — можно было бы красиво помахать в ответ.

С обочины выскочил перед гонимыми и хотел помчаться вместе с ними пухлый дошколенок лет пяти, на трехколесном велосипеде. Не сумел. Ноги сорвались с педалей, велосипед опрокинулся, его неудачливый хозяин растянулся на плитах. Заревел, конечно (а кто не заревел бы?)

«Стоп!» — велел Вася Колесу. Потому что какие тут гонимые, если с человеком беда. Странно даже, что остальные умчались вперед, будто ничего не случилось! Но сразу же из-за зрителей выскочили две девочки в белых косынках с красными крестами. Подняли мальчишку, стали вытирать слезы и что-то прикладывают к шишке на лбу. А мальчик с флажками подхватил с мостовой велосипед.

«Все в норме, ждем дальше!» — распорядилось Колесо. И они нажали. И скоро опять начали догонять остальных — не только тех, кто ехал в общей массе, но и тех, кто вырвался вперед. Вася понимал: Колесо (с его-то характером!) никому не уступит первого места. И в самом деле, они обогнали светловолосую девочку в темных очках, длинноногого курчавого велосипедиста, двух совсем маленьких, но лихих пацанят на досках с роликами и оказались впереди всех. И так проскочили в громадные стеклянные ворота, выстроенные в виде двойной радуги.

За воротами, на стеклянной, как полукруглый аквариум, эстраде трубил золотыми геликонами и ухал великанским барабаном оркестр. Широкая аллея развернулась перед Васей прямой желтой полосой. Колесо слегка забуксовало в песке, но почти не снизило скорости. Еще полсотни метров — и Вася своей звездной грудью разорвал бумажную ленту финиша. Под радостный гвалт болельщиков.

Тут же появились два человека в цилиндрах и зеленых фраках — похожие на того, кто давал старт, но не такие круглые. Они ловко взяли Васю под локти и поставили на раскрашенную деревянную тумбу (он едва успел подхватить Колесо).

— Ура чемпиону! Ура Перепёлкину! Да здравствует победитель!

— Ура!! — голосили все, кто был вокруг. И рукоплескали. Даже проигравшие гонимые.

«Это же нечестно! — сказал Вася Колесу. — Это же не я победил, а ты!»

«Сделай, чтобы стало честно», — отозвалось Колесо. С каким-то подчеркнутым безразличием.

Дядьки во фраках принесли украшенную бантом коробку размером с чемодан. Сказали, что это главный приз. Неподалеку вручали призы тем, кто занял вторые и

третьи места, но Вася из-за коробки ничего не видел. Она была тяжеленная, и держать ее (к тому же, вместе с Колесом) было ужасно неудобно. Вася наконец сообразил: сел на тумбе, свесил ноги и положил коробку на колени.

— Ай!.. — Картонное днище было заиндевевшим. Распорядители во фраках тут же помогли Васе переместить коробку на дощатую площадку, под бок. Вася горячо подышал на чуть не отмороженные колени и развязал бант. И откинул крышку.

О-о-о! В коробке, как гранаты в ящике для боеприпасов, стояли в несколько рядов порции эскимо. В серебряных обертках, с красными пластмассовыми рукоятками!

Вася сразу понял, как сделать, чтобы «стало честно».

— Эй! Подходите все!

Тумбу тут же обступили.

— Получайте!.. Только по очереди! — И Вася начал вкладывать эскимо в протянутые ладони.

Надо сказать, не было ни гвалта, ни беспорядка. Никто не отталкивал других, никто не лез вперед. Выстроились в извилистую очередь, брали аккуратно и даже успевали сказать «спасибо». Хватило всем, даже пухлому мальшу с заклеенной пластырем шишкой на лбу (смотрите-ка, прикатил за остальными гонщиками!)

Только Васе не хватило. Он отдал последнюю порцию смуглой девочке в красной с белыми звездами футболке и со вздохом глянул в пустоту коробки.

«Ладно, не унывай», — шевельнулось у него под боком Колесо.

«Я и не унываю, — не очень искренне отозвался Вася. — Тем более, что пора заниматься делом. Мы здесь зачем? Пора искать Олин дом».

«Пора... Ох, смотри какое колесо! Вон там, за деревьями!

Над вершинами лип вздымалось стометровое колесо обозрения. Оно медленно вертелось. Покачивались голубые и желтые кабинки. Над их краями виднелись головы. Отсюда они казались крошечными, но это лишь подчеркивало громадность колеса.

«Прокатимся!» — азартно дернулось Васино Колесо.

«Да некогда же! Надо искать!»

«А мы с высоты глянем, оттуда все улицы и переулки видны. И Барашков тоже!»

«Да как же мы узнаем, что это именно он?»

«Почувствуем! Ин-ту-и-тив-но! Знаешь, что такое интуиция?»

Вася знал. Мама иногда говорила: «Я не знаю отчего, но интуиция подсказывает мне, что сегодня у нас будут неприятности...» («М-да...» — откликнулся в таких случаях папа.)

«М-да...» — откликнулся Вася, но больше не спорил. Интуиция подсказала ему, что Колесу почему-то очень хочется прокатиться на колесе обозрения. Может быть ради самолюбия? «Вот, я маленькое, а катаюсь на таком большом!» А поскольку и Васе хотелось (он еще ни разу не бывал на такой высоте), то спорить он больше не стал.

«Хорошо. Только скорее...»

У входа на огороженную площадь с великанским колесом висел плакатик: «Стоимость билета 1 рубль».

«У меня нет ни копейки...»

«Пошарь за отворотами. У тебя там всегда целый склад...»

Колесо было право. На Васиных шортах за широкими отворотами штанин то и дело скапливалась всякая мелочь: канцелярские скрепки, фантики от конфет, мелкие гайки и винтики, скорлупа кедровых орешков, яблочные семечки, крошки от сухарей. Попадали и монетки, но крохотные, копеечные. А рубля сроду не было.

Не оказалось его и теперь. Самой неожиданной находкой была мягкая, свернутая вчетверо бумажка. Вроде бы записка. Вася развернул. И увидел корявые торопливые буквы: «Поселок Цаплино, улица Ясная, дом 6».

— Ой, Ми-ика...

Нельзя сказать, что в эти летние дни (которые, кстати, неслись, как сумасшедшие) Вася часто вспоминал Мику. Но иногда все же вспоминал, и каждый раз царапала совесть. Ведь он обещал написать ей. Но как напишешь, если потерялся адрес! При прощании у вагона Мика торопливо нацарапала на листке из маминой записной книжки, где их дача.

— Ты напиши мне обязательно!

— Ладно! А ты мне напиши ответ!

— Хорошо!

Он свернул листок и сунул в накладной карман на штанах. Вернее, мимо кармана, потому что, когда вернулся домой, записки не оказалось. Вася решил, что потерял по дороге. Опечалился, конечно, да что делать? Придется в конце лета оправдываться перед Микой, объяснять... А пошарить за отворотом в голову не пришло.

Теперь-то он напишет! Сразу же, как вернется! Тем более, что есть о чем писать — вон сколько всего случилось!

«При чем тут Мика! — негодовало прислоненное к ноге Колесо. — Ты нашел деньги?»

«Не нашел. Придется обойтись без катанья...»

«У тебя всегда так. Всякого барахла полно, а ничего нужного нет...»

«Ну чего ты разворчалось! Я разве виноват? И мы сюда не развлекаться пришли!»

«Ага! Если я тебя вожу, это будто так и надо, а когда я само захотело прокатиться, то фигушки...»

Колесо впервые так сильно капризничало. А Васе ну нисколечко не хотелось ссориться. Он сел на корточки, погладил шину:

«Да что с тобой, Колёсико? Не сердись... Ну, Мару...»

Колесо присмирело. И словно даже замурлыкало:

«Да я ведь ничего... Я просто уже настроилось на катанье, а тут... Ладно, ты тоже не сердись...»

«Да я нисколечко!..»

В этот момент на Васю обратила внимание полная улыбчивая тетя. Она пропускала к колесу обозрения тех, кто купил билет. Окликнула через головы:

— Мальчик! Ты — Перепёлкин? Подойди сюда!

Вася подошел.

— Что же ты стоишь в сторонке? Ты сегодня чемпион! Чемпиону все аттракционы бесплатно и без очереди. Проходи.

Все, кто ждал у калитки — и взрослые, и ребята — почтительно расступились.

Вася со смесью смущения и удовольствия зашагал к площадке, где одна за другой приземлялись кабинки. Вблизи колесо с кабинками казалось таким громадным, что от него веяло чем-то космическим.

«А ведь мы с ним родственники, — гордо заметило Васино Колесо. — Все колеса на свете родственники, не то что люди...»

Каждая кабинка была на четырех человек. Вася волновался и даже не разглядел своих соседей. Машинально сказал «спасибо», когда кто-то застегнул на нем страховочный ремень, и подумал: «Как в самолете», хотя еще ни разу не летал.

Двинулись, начали подниматься очень неторопливо, с остановками (ведь в другие кабинки тоже садились пассажиры), и Вася постепенно привыкал к высоте.

Вообще-то он никогда не боялся высоты, но здесь было совсем не то, что на крыше. И расстояние до земли гораздо больше, и пустота вокруг. Лежавшее у него на коленях Колесо будто вздохнуло:

«Вот это да...»

Раскинувшийся на пригорках город был чудесен. Взбегал на склоны, сверкал разными красками и стеклами, топорщился острыми башнями, отражался в голубой извилистой реке, клубился зелеными тучами садов, искрился множеством фонтанов. Сквозь эту пестроту и праздничность проступало иногда и что-то знакомое, осинцевское, но лишь чуть-чуть. Как намек на то, каким бы мог быть Осинцев, если бы все люди в нем (и на всей Земле) жили без бедности, вражды и ссор...

Пахнувший чем-то хорошим и незнакомым (может быть, небом?) ветерок шевелил волосы и футболку.

У края длинного песчаного острова Вася разглядел пароход, но был ли это «Богатырь», разобрать с высоты не удалось...

На самой большой высоте Вася вдруг вспомнил:

«А где Барашков переулочек? Что тебе говорит твоя интуиция?»

«Ничего не говорит», — призналось Колесо.

Это безответственное заявление раздосадовало Васю. Но он решил не ссориться. Все равно из кабинки не выскочишь, не побежишь на поиски раньше срока. Оставалось вертеться, смотреть и радоваться.

«Погляди, какой цирк, — слегка подлизываясь, сказала Колесо. — Вот бы тебе выступить в таком.»

Вася и сам видел круглое здание с серебристым куполом. С высоты оно было похоже на космическую летающую тарелку.

«Как это я бы в нем выступил? Скажешь тоже...»

«Очень просто, как в башне. Гонки по вертикальной стене. Или еще как-нибудь...»

«Да ну тебя. Страшно же.»

«Не бойся, я тебя не подведу!»

«Да не в тебе дело. Мне страшно. Кругом толпа, все смотрят. Я сразу кувырком...»

«Я тебя поддержу!»

«Ладно, не заговаривай зубы», — хотел ответить Вася, но сдержался.

Колесо, кроме первого, медленного, оборота, сделало еще два, побыстрее. А потом началась высадка. И Вася с Колесом в руках наконец выпрыгнул на площадку. Сбежал

по лесенке и решительно заявил вслух:

— Все, хватит развлечений! Пора искать!

«Я разве спорю? Поехали!»

А куда было ехать? Вася помнил: девочка сказала, что Барашков переулок недалеко от парка. Где-то у него на задах. Они по извилистым аллеям пересекли парк в обратном от главных ворот направлении. Там в садовой решетке оказалась распахнутая калитка. Но дальше-то куда? От калитки через пустырь, сплошь покрытый пушистыми одуванчиками, разбежалось пять или шесть тропинок. Летали бабочки, звенел от тишины солнечный воздух, а за пустырем толпились в беспорядке деревянные дома и густо темнели старые березы.

— Чир-р! — вдруг услышал Вася над головой. — Чир-р!

Спикировал и сел на Васину кроссовку взъерошенный воробей. Вася разглядел на воробьином затылке хохолок.

— Крошкин!

— Чир-р! — подтвердил Крошкин. Взлетел и закувыркался в воздухе у Васи перед лицом. Словно звал!

— Ура! Кроха, мы за тобой!

И они помчались. По тропинке в одуванчиках, по бревенчатому мостику через желтую от лютиков канаву, по гибкому дощатому тротуару... Крошкин с трепыханьем летел впереди. Иногда сильно опережал Васю с Колесом, оглядывался на лету и возвращался.

Тротуар повихлял среди травы и потянулся вдоль домов с палисадниками. На первых же воротах Вася прочитал: «Барашков пер.» А еще через два дома увидел на бревенчатом торце белую жестянку с черной цифрой 9.

За палисадником с георгинами были три окна, и среднее — открыто. Крошкин сел на створку и постучал клювом в верхнюю застекленную часть окна.

Раздернулись занавески. Показалась девушка со светлыми волосами. Крошкин упорхнул на ворота.

— Мальчик, это ты стучал?

Вася сказал суховато:

— Это стучал воробей. Но ищу вас я.

— О! А зачем? — она заулыбалась.

— Вы Оля, да?

— Да. А откуда ты меня знаешь?

— Я видел вас один раз с Филиппом. И еще видел на портрете, который он нарисовал.

— Вот как! Ты знаком с Филиппом?

— Очень даже хорошо знаком, — прежним тоном сообщил Вася. — И очень многое про него знаю. Знаю даже... как он из за вас ходит сам не свой.

Оля перестала улыбаться.

— Почему... сам не свой?

— Вы еще спрашиваете! Обещали с ним встретиться, а сами... сами водите его за нос! Да!

— Я?! Да это он! Обещал прийти ко мне и куда-то пропал. А я не знаю, где он теперь. Ходила к его тете, но она тоже не знает...

— А он каждый день ищет ваш ду... — Вася чуть не сказал «дурацкий», — ваш куда-то провалившийся переулок. Он же не знает, что сюда нужно добираться через картину.

— При чем здесь какая-то картина?! Ой... Неужели я забыла сказать ему, что переулок называется Барашковым только с вечера до полудня, а днем он Овечкин... И надо обязательно следить, чтобы в палисадниках не было петухов.

— Какие петухи? Вы издеваетесь, да? — ледяным тоном сказал Вася. — Я не в детском саду, чтобы верить в сказки.

— А ты в них не веришь? — Оля странно посмотрела на Васю, потом на Колесо. Оно стояло в густом клевере, и Вася машинально балансировал на педалях.

— Не верю... — буркнул Вася. И тут же опять перешел в атаку: — А вы... если вы не хотите его знать, лучше сразу так и скажите. Или думаете, что раз он маленького роста, значит, можно с ним, как с глупым ребенком? А он талант!

— Господи, да знаю я, что талант! Не знаю только, где он сейчас! Ты-то знаешь?

— Конечно! Он живет на старом пароходе «Богатырь», в городе Осинцеве... Только я не знаю, как вы туда доберетесь...

«Ох, а сам-то я как доберусь? — впервые испугался он. — Где она, обратная дорога? Может Крошкин знает? Но он улетел...»

«Не паникуй, — снисходительно успокоило его Колесо. — Доберемся в два счета.»

Да, прекрасно, когда у тебя есть такой друг!

А Оля сморщила лоб.

— Ты как-то странно рассуждаешь, мальчик. Словно мы не в Осинцеве.

— А разве... в нем?

— М-м... по крайней мере, я до сих пор считала, что да...

— И вы знаете дорогу к реке?

— Конечно! Опять же странный вопрос.

— Тогда что же вы сидите! Идите к нему!

— Ой... я боюсь.

— Чего?! Он же вас ждет!

— Я сторожа на пароходе боюсь. Говорят, это очень свирепый старик...

Вася расхохотался от души. И Колесо развеселилось, Вася ощущал его смех через педали.

— Тогда идемте вместе!...

Да, конечно, это был Осинец. Правда, кое-где по-прежнему виднелись белые башни, но это вполне могли быть осинцевские колокольни, по-особому освещенные веселым солнцем. А причудливый мост за деревьями мог оказаться железнодорожным виадуком, по которому проскакивали ярко-зеленые электрички. Скоро Оля и Вася на Колесе и вправду оказались на совсем знакомой улице Челюскинцев, от которой до старицы с пароходом было рукой подать.

Совсем недалеко от берега рос могучий тополь. Оля вдруг слабо выговорила:

— Ой... постоим немножко. Ты иди, позови его, а я здесь подожду. Ну, пожалуйста... — и стала за толстый ствол.

Вася пожал плечами — девичьи фокусы. Но не заспорил. Подкатил к самой воде. В это время у борта показался Акимыч. Всплеснул руками, сердито запричитал:

— Вот ты где, окаянная душа! Пропал на всю ночь! Я не знал, что и думать, где искать! Нет на тебя крепкого ремня, вот что я скажу!..

— Акимыч, не сердитесь! Было важное дело! Где Филипп?!

— Где-где! Тоже всю ночь не спал! То про тебя спрашивает, то гитару мучает похоронной музыкой! Сплошные с вами недоразумения... Филя! Иди сюда! Смотри, вот она пропащая душа!

Появился Филипп. Глянул на Васю, а потом будто проглотил что-то горячее. Приоткрыл рот, часто задыхался. И смотрел уже мимо Васи. Нагнулся, начал суетливо развязывать веревку, которой была притянута к борту плоскодонка.

Оля торопливо прошла мимо Васи и встала впереди.

«Ну вот и все...» — подумал Вася.

«Поехали домой», — откликнулось на эту мысль Колесо.

Вася всем помахал рукой и покатил с берега без оглядки.

Легенда о Хитроумном кузнечике

Мама и папа оказались дома. Но Васе не попало. Родители приехали незадолго до него и не знали, что он не ночевал под родной крышей (а тетя Тома его, конечно, не выдала). Они думали, что Вася вернулся с утренней прогулки.

— Вот молодец! А мы боялись, что будешь гулять до вечера! Давай-ка приведи себя в праздничный вид.

— Зачем?

— Здрасьте! — изумилась мама. — Ты забыл, какой сегодня день?

— Какой?

— Потрясающий ребенок... — тихонько вздохнул папа. Мама подняла глаза к потолку, а потом уперлась ими в Васю:

— Тебе. Сегодня. Девять. Лет.

— О-о... — простонал Вася.

Минуту назад он был счастлив — от того, что побывал в замечательном городе и помирил Филиппа и Олю. А еще ему очень хотелось спать. Но сейчас и счастье, и сон разом выскочили из Васи.

— Это что же такое! Значит, сегодня уже первое августа?! От каникул остался всего месяц!

— Ну... еще *целый месяц*, — утешил папа.

«Надо немедленно написать Мике», — вспомнил Вася. Но ему не дали заняться этим важным делом. Стали торжественно вручать подарки. Папа подарил большую энциклопедию под названием «Всё на свете», а мама новую рубашку.

— Она очень подойдет к твоему парадному костюму. С синим галстучком.

— О-о... — опять сказал Вася.

— Не капризничай. Скоро придут гости, ты должен выглядеть, как именинник.

— Как мученик... Я в этом костюме себя чувствую, будто футболист в водолазном скафандре.

— Какое образное мышление у ребенка! — восхитился папа. Мама воткнула в него неодобрительный взгляд. Вася понял, что лучше не обострять обстановку и начал наряжаться в полосато-серый костюм.

Брюки кусали за ноги, твердый пиджак давил под мышками и деревянно топорщил плечи. Лаковые полуботинки жали пальцы, а галстук — шею. Мама проволочной щеткой разодрала на пробор Васины белобрысые пряди.

— Больно же!.. И это называется «Васенька, у тебя праздник»!

— Прекрати! Хоть раз в году ты можешь выглядеть, как приличный мальчик?

Вася считал, что выглядит он не как мальчик, а как жених-недомерок, но сказать об этом не успел. Пришла тетя Тома и принесла Васе в подарок шерстяную синюю шапочку с мохнатым белым шариком («Сама вязала!»). Вася вежливо сказал спасибо, хотя шапка была еще одним напоминанием о недалекой осени.

Потом пришел папин институтский начальник Яков Григорьевич с женой Аллой Рудольфовной и семилетней дочкой Светочкой. Они подарили Васе японский калькулятор. Это была стоящая вещь, но и она с намеком на близкие школьные времена

(«Васенька, он тебе очень пригодится на занятиях по математике»).

Сели за стол, украшенный пышным тортом. Съели по куску, по второму. Поговорили, о том, как трудно нынче детям в школе («даже таким неглупым, как наш сын»). Тетя Тома незаметно ушла к себе. Папа и Яков Григорьевич занялись плоской бутылочкой с армянским коньяком. Алла Рудольфовна и мама заговорили о новых лекарствах от излишней пигментации кожи, которые разработала германская «Вайскопф». А Васе сказали, что он «должен быть кавалером и развлекать гостей».

Ну, что поделаешь. Вася привел Светочку к себе за ширму, усадил на диван-кровать.

— Хочешь посмотреть новую энциклопедию?

Светочка кивнула большущим белым бантом. Они стали перелистывать разноцветные страницы... И надо сказать, дальше все было хорошо, не скучно. Светочка оказалась очень даже умной девчонкой, хотя только собиралась в первый класс. Посмотрели книгу, пощелкали калькулятором, поговорили о запуске нового космического аппарата к Марсу, о фильме «Приключения Карика и Вали» и о ручейковых гномах, которые водятся в овражке за пустырями (их никто не видел, но все знают, что они есть)... В общем, интересные были беседы, лишь одно слегка портило Вася настроение — досадливая мысль, что он так и не написал Мике письмо.

«Уйдут гости, и сяду писать...»

Но когда гости ушли и Вася освободился от «именинного скафандра», его неумолимо потянуло в сон. Он бухнулся носом в подушку.

— Ты не заболел? — всполошилась мама.

— Я... переутомился от впечатлений... — И сразу пестрой лентой помчались перед глазами воспоминания о чудесном городе...

Проснулся Вася, когда за окошком был зеленый лунный вечер. Первым делом Вася тронул Колесо: на месте ли? Оно было, как всегда, рядом с подушкой.

«Ох и силен ты спать...»

«Я же не спал прошлую ночь. То есть ее просто не было! Ты разве не помнишь? Да еще этот день рожденья... От больших порций торта всегда клонит в сон».

«Я тебя поздравляю с девятилетием», — спохватилось Колесо.

«Спасибо».

«Хочешь, я сделаю тебе подарок?»

«Хочу, конечно! А какой?»

«Расскажу историю. Как у людей впервые появилось колесо».

«Ух ты! Говорят, никому не известно, кто его изобрел!»

«Людям не известно, а колеса знают... Это было давным-давно, то ли в конце каменного, то ли в начале бронзового века. На границе дремучего леса и широкой степи жило племя Бака-тутума...»

«А что это значит по-нашему?»

«Точно не знаю... Скорее всего «Люди топора». Мастера этого племени умели делать очень твердые и острые топоры. Теперь уже трудно сказать: каменные или бронзовые. Но хорошие... Этими топорами рубили деревья, строили из них дома, делали всякую утварь, например, сани. На санях возили грузы зимой и летом...»

«Потому что колес еще не было, да?»

«Да... И в этом племени был мальчик по имени Окки-люм. Это означает «Хитроумный кузнечик». Он и правда был похож на кузнечика — маленький, худой, быстрый. Вроде тебя...

«Не такой уж я маленький...»

«Ну и не большой... Был Окки-люм сирота, отец его погиб во время охоты на какого-то доисторического зверя, мать умерла от болотной лихорадки... В ту пору люди редко доживали до старости... Окки-Люм жил то в одной семье, то в другой, то сам по себе в своей крохотной хижине...»

«А почему он хитроумный?»

«Потому что все время придумывал что-нибудь интересное. И полезное. То качели для малышей, то обмазанную смолой корзину, в которой можно плавать по реке; то деревянную птицу с крыльями из тонкой кожи, которую можно запускать с горы... Люди радовались его выдумкам, особенно ребятишки. Только один человек в племени Бака-тутума не радовался...»

«Небось колдун какой-нибудь!»

«Ты правильно догадался. Главный колдун Ггу-шишима. Всякие шаманы, колдуны и вожди терпеть не могут в своем племени тех, кто умнее их... Он косился на Кузнечика и не раз поговаривал, что очень уж похоже, будто в мальчишке сидит один из мелких злых духов — помощников главного злого духа по имени Гню-гню. Но до поры до времени люди Бака-тутума не обращали внимания на ворчание колдуна, хотя духа Гню-гню все боялись. Они считали своим главным богом горячее Мата-Лао (Доброе Солнце), а Гню-гню был владельцем сумрака, зла и пустых желудков...»

«Черный и мохнатый, да?»

«К тому же, горбатый и трехголовый — так утверждал Ггу-шишима... В общем, колдун злился, а Хитроумный кузнечик продолжал изобретать. И однажды придумал пилу — палку по всей длине которой был крепко вбиты зубчики из твердого камня обсидиана. Оказалось, что этой палкой можно перерезать замороженную ногу добытого на охоте носорога, толстый пук камыша или кусок мягкого известняка. И в конце концов Окки-люм решил попробовать: нельзя ли перепилить бревно?»

«И перепилил?»

«Да... Ему пришлось повозиться, но он был упрямый, и в конце концов бревно толщиной с самого Окки-люма оказалось перерезано. Однако этого Кузнечику было мало. У него в голове уже вертелась смутная догадка, и он принялся пилить крепкое бревно снова — недалеко от первого среза. И в конце концов получил деревянный диск шириною в ладонь...»

«Это и было первое в мире колесо?!»

«Конечно... Сперва Окки-люм просто катал его, гонял перед собой и радовался, как ловко эта круглая штука прыгает по тропинкам и пригоркам. Потом проковырял в диске середину и вставил в дыру прочную палку. Он становился на эту палку, привыкал держать равновесие и в конце концов научился ездить...»

«Как я? То есть как мы с тобой!»

«В точности так же... Правда, колесо Окки-люма было не такое аккуратное, а

дороги для катанья не такие ровные, как нынче, но все-таки у них получалось...»

«А созвучие между ними было?»

«Разумеется! Как у нас с тобой! Они разговаривали... Именно колесо подсказало Кузнечнику, как можно не только развлекаться, но и приносить племени пользу. Посоветовало, чтобы он к концам оси привязал две палки, а на них укрепил плетеную площадку. Получилась тачка. И когда строили на ручье запруду для ловли усатых рыб ши-кулака, Окки-люм легко возил на тачке такие тяжеленные камни, какие с трудом подымали взрослые здоровенные дядьки... И все хвалили Кузнечика, пока не случилась одна неприятность...»

«Наверно, Кузнечик с тачкой налетел на этого... на Ггу-шишигу!»

«Ггу-шишиму... Ты, Вася, догадливый. Только он не налетел, а наехал колесом на большой палец колдунской ноги. Тот все время следил за Окки-люмом, крутился под ногами, ну и вот...»

«Сам же виноват!.. Наверно, заорал, да?»

«Еще бы! Завыл, заплясал, ухватившись за ногу (камень-то на тачке был ого-го какой!), закричал, что это коварные происки Гню-гню и самого Окки-люма, который спутался со злым духом... Ну, сперва колдуну не очень верили, но он был хитрый, принялся вести разговоры, показывать распухший палец, намекать, что и многие другие неприятности — засуха, лихорадка и недавнее солнечное затмение — тоже из-за Окки-люма. «Вы же видели, как наше божественное Мата-Лао оказалось почти полностью закрыто черным колесом!» Ну, и кончилось тем, что вечером перед хижинкой Кузнечика уже приплясывала сотня мужиков и теток. Орали:

Колесо предать огню,
В нем сидит злой дух Гню-гню!»

«Дурни первобытные!»

«Да не дурни, а просто толпа. И не в том дело, что первобытная. В наше время лучше что ли? Возьми всякие митинги, когда поорут, а потом идут машины переворачивать и витрины бить. Или этих психов-болельщиков на стадионах... Толпа, она всегда толпа, она уже не думает, на чьей стороне правда, ей надо только, чтобы показали, кого топтать и рвать на части... Хотели уже разломать хижину, отобрать у мальчишки колесо и бросить в костер. Но колдун Ггу-шишима сказал: «Не-ет, так нельзя! Надо, чтобы он сам отправил свою круглую зловредную выдумку в огонь! Чтобы все видели, что он раскаялся и очистился от зла!»

«А самого Окки-люма не хотели бросить в костер? Вместе с колесом...»

«Ну, нет. Тогда были все-таки не нынешние времена. Это сейчас научились стрелять, взрывать и сжигать больших и маленьких без разбора, а в ту пору такое делать еще не смели... Побить, правда, могли, и довольно крепко. Но пока только горланили: «Выходи, гыша-кнуха, а то хуже будет!»...»

«А что такое «гныша-кнуха»?»

«Ну... это, кажется, «сухая какашка». Такое тогда было самое обидное

ругательство... А Окки-люм не выходил, страшно же. А главное — жаль колесо. И заступиться было некому. Были бы живы родители, тогда другое дело, отец мог пятерых одним махом раскидать по сторонам, а мама так бы вцепилась обидчикам в волосы!.. А теперь что? Он сжался в углу хижины и плакал, хотя колесо повторяло: «Не бойся...»

«А убежать не мог?»

«Слушай дальше. Наконец ветхий шалаш растрясли и разломали. Кузнечик оказался среди груды палок и сухой травы... И тогда он встал. С колесом у груди. Все примолкли. Он сказал «хорошо...» и пошел прямо к костру. И все расступались. Окки-люм шел все быстрее, потом побежал. Изо всех сил. И вот костер уже рядом... Окки-люм не бросил колесо в огонь! Он сделал отчаянный прыжок и перескочил костер. И помчался дальше... Пламя было высокое, Окки-люм обжег ноги, и по его куцей одежонке из клочка волчьей шкуры забегали искры. Но он не остановился ни на миг... Впереди был широкий, но мелкий ручей. В ручье отражался большой месяц с серебряными загнутыми рогами. От него по воде тянулась дрожащая светлая дорога. Все видели, как мальчик перешел ручей по этой дороге. И никто не кинулся за ним, потому что за ручьем начинался черный лес, куда ночью ходить никто не смел. В лесу водились гню-гню-кохи, мелкая нечисть, детки и внуки большого Гню-гню...»

«А они были на самом деле?»

«В ту пору были... Но Кузнечик вошел в лес, потому что колесо по-прежнему уговаривало его не бояться... Черные мохнатые гню-гнюшата в самом деле мельтешили среди таких же черных деревьев, но близко не совались. А вскоре сквозь темноту от месяца пробился прямо к Окки-люму прямой тонкий луч. Он был похож на серебристый рельс, только тогда люди еще не знали, что это такое. Колесо сказало: «Поставь меня на него. И становись на ось...» Окки-люм послушался. И они помчались к месяцу. И больше никто на Земле не видел Окки-люма. Но про колесо помнили, особенно дети. И, несмотря на запреты всяких ггу-шишим, стали делать их все больше и больше...»

Вася помолчал, подышал в подушку.

«Какой-то грустный конец...»

«Ну, почему же грустный? Ведь Окки-люм спасся.»

«А что с ним стало?»

«Поселился на Луне... Кстати, до той поры люди всегда видели в небе только рогатый месяц, а когда Окки-люм исчез, месяц стал иногда превращаться в круглую луну. И на ней можно было различить сидящего на корточках мальчика, который держит перед собой колесо...»

«Скучно же им там...»

«Ну, видишь ли, земным жителям просто чудилось это... А на самом деле, скорее всего, было не так. Окки-люм примчался на Луну, и там его очень даже радостно встретило лунное племя. Оно сочло колесо священным предметом, а мальчика кем-то вроде посланца небес. Дело в том, что на Луне очень много кратеров разной величины. Они получаются от падения метеоритов. Метеориты считались там божественными звездами, и поэтому круглую форму кратеров лунное племя тоже весьма почитало. В колесе они увидели как бы воплощение всемирной круглости, а в мальчике ее

хранителя. Ну, и Окки-люм зажил там в почете и уважении...»

«Ты это, наверно, само придумало», — вздохнул Вася.

«Не придумало, а мысленно воспроизвело наиболее вероятный вариант финала всей истории», — сообщило Колесо, будто ученый лектор с трибуны.

«Ладно... Спасибо за подарок...» — Вася погладил Колесо и заснул опять. И увидел, будто он мчится на колесе через громадное звездное пространство по прямому серебряному рельсу. Маленькие горячие звезды чиркают его про щекам и рукавам...

Третья часть
Рогатка

Солнечные рельсы

Утром Вася спросил у Колеса:

«А ты сумело бы проехать по рельсу?»

«Пфы! — откликнулось оно, как Маргарита Панченко. — Чего тут уметь-то!»

«Но ведь это не то, что по проволоке. Для желоба рельс чересчур широкий. А если с шиной, то можно сорваться.»

«Никуда нельзя сорваться! В рельсе тонкое, как струна, магнитное поле, по нему я могло бы скользить, как троллейбусная штанга по проводу!»

«Да где ты видело троллейбусы? У нас в Осинцеве только автобусы.»

«В телевизоре видело!»

«Тогда, может, попробуем? Или боишься, что не получится?» — хитро подначил Колесо Вася.

«С чего ты взял, что боюсь?.. А где рельсы-то?»

Самые подходящие рельсы были на берегу Таволги, они вели от элеватора к старой пристани. Сейчас поезда там уже не ходили, потому что грузовое судоходство на обмелевшей реке почти закончилось и возить зерно на пристань стало незачем.

Колесо не обмануло. По ржавому рельсу, среди хлещущего по ногам чертополоха оно лихо прокатило Васю от пристанских причалов до ворот элеватора за десять минут.

«Вот это скорость! Наверно, километров двадцать в час!»

«Да уж не меньше», — отозвалось Колесо слегка самодовольно.

«Значит, за час мы вполне можем добраться до Цаплина...»

«Куда-куда? — Ясно было, что Колесо вовсе не обрадовали Васиные планы. — Чего мы там не видели?»

Вася сел перед ним на корточки.

«Послушай... Я обещал Мике написать, и не писал целых два месяца. Адрес потерял...»

«Потому что растяпа.»

«Ну да!.. Если напишу сейчас, письмо когда еще до нее дойдет! А если мы поедем — это р-раз и там!»

«Р-раз и под поезд...»

«Да ты что! Поезд же видно издали, успеем сто раз соскочить и отойти в сторону!»

«Зачем тебе это надо... туда...»

«Она же, наверно, волнуется, что нет ни одного письма. Или злится на меня...»

«Больно ей надо! Наверно, уже и забыла...»

«Что ж... по крайней мере, убедимся, что забыла. Надо съездить хотя бы для этого, — с горькой ноткой сказал Вася. — Давай, а? Ну... Мару...»

«Разве лишь для того, чтобы убедиться...» — сумрачно отозвалось Колесо.

На большой рельсовый путь они выбрались за вокзалом. Полотно тянулось там среди полос густой желтой акации. Она давно отцвела, тонкие стручки ее подсыхли и съежились. Вася заправил рубашку «сафари» в штаны, надел на подбородок тонкий ремешок панамы. Поставил Колесо на левый рельс левой колеи — так, чтобы ехать

навстречу движению поездов и вовремя убираться с пути. Прыгнул на педали...

Колесо перестало дуться (если можно так сказать про колесо). Видимо, ему самому было заманчиво прокатиться по такому длинному гладкому пути. И они понеслись!

От встречного воздуха загнулись назад поля панамы. Затрепетали короткие рукава. Прижалась к груди рубашка. Весело зашумело в ушах. Кусты вдоль полотна помчались назад так, что превратились в зеленые полосы. А впереди вспыхнул на металле и помчался горячий солнечный блик — с той же скоростью, что и Колесо. Он скользил по блестящему рельсу, как бумажная «телеграмма» по нитке воздушного змея.

Да, скорость была что надо! Но никакого страха Вася не чувствовал. Колесо мчалось по рельсу настолько ровно, что порой это напоминало полет (вроде тех, что во сне). Вася раскидывал руки, поворачивал ладони навстречу ветру так, чтобы тугие воздушные струи приподнимали их, и руки тянуло вверх, будто крылья самолета при взлете.

Особенный восторг был, когда рельс пробегали по высоким насыпям. Кругом распахивались поля и маленькие рощи, а над простором висели пропитанные солнцем кучевые облака.

Полуденные лучи догоняли Васю и крепко жарили спину и плечи сквозь рубашку. Но иногда солнце оказывалось сбоку. Тогда блик на рельсе исчезал, а рядом с Васей бежала по траве тень мальчишки на колесе. При большой скорости случалось, что тень отставала и сердито махала руками. Вася чуть притормаживал Колесо, и тень опять оказывалась рядом...

Встречные поезда попадались не часто. Всего три раза Васе пришлось соскакивать и отбегать в кусты или вниз по насыпи. По тому полотну, что тянулось справа, иногда Васю догоняли попутные составы. Конечно, их скорость была выше Васиной, но не так уж намного. Вагоны обгоняли его не быстро, плавно, и Вася видел за стеклами удивленные лица пассажиров (будут потом рассказывать про мальчишку на непонятном колесе).

Между Осинцевом и Цаплиным была всего одна станция. Вернее, разъезд Кобылкино. Вася объехал его стороной, по тропинке вдоль плетня, за которым доцветали большущие подсолнухи. Потом опять поставил Колесо на рельсы.

«Ты не устал?» — спросило Колесо.

«Ничуть», — храбро соврал Вася.

«Врешь. Я же чувствую, как у тебя ноги гудят...»

«Ну и... пусть гудят. Осталось всего полпути».

Оказалось, что даже меньше, чем полпути. Скоро показалась платформа и коричневый домик с башенкой. Сбоку на домике — белая доска с надписью «Цаплино». А поселок виднелся слева, за ярко-желтым лугом, было до него с полкилометра.

Наверняка туда вела тропинка, но пока что Вася ее не видел.

«И не ищи, — ворчливо посоветовало Колесо. — Прыгай с педалей и топай прямо через траву, ноги разомнешь. А то ведь как деревянные...»

Вася не спорил. Ноги и правда еле слушались. Еще бы! Ведь первый раз он с

Колесом промчался без остановок такой длинный и стремительный путь!

«Ну и хорошо, — решил Вася. — По дороге обдумаю, что скажу Мике, когда увидимся. А может, она... может, и разговаривать не захочет?»

Вася взял Колесо за педаль и пошел, раздвигая ногами мягкие листья и стебли. Трава была где-то до колен, а где-то и повыше. Верхушки — сплошь в солнечных цветах, причем всяких. Были похожие и на львиный зев, и на осот, и на сурепку, и на желтую ромашку. Но больше всего было широких зонтичных соцветий, чьих названий Вася не знал. В городе эта трава росла отдельными кустиками, а здесь заполонила весь луг. Пахла она душисто, но в то же время с примесью горчичного аромата. С верхушек подымалась густая желтая пыльца. От нее щекотало в носу и сладковато кружилась голова. Поэтому никакие связные мысли не лезли в голову. Но огорчения Вася не чувствовал. «Как в незнакомых джунглях», — мелькало в голове.

Когда Вася выбрался к первым дачам, колени и штаны у него были как в раздавленных яичных желтках, в голове стоял комариный звон, а к губам прилипла сладкая пыль. Все это — признаки теплого и доброго августа...

Улицу Ясную Вася разыскал быстро: встречная добродушная тетушка с полной корзиной груздей показала дорогу. Вася прошагал вдоль зеленого заборчика. Постоял у калитки под цифрой 6, переступил на песке ноющими от усталости ногами, вздохнул.

«Ты чего?» — спросило Колесо. Вроде бы с усмешкой.

«Ничего...» — буркнул Вася и толкнул калитку. И сразу увидел Мику.

Сергей Сергеевич

Мика в желто-синем купальнике и пестрой косынке на темных локонах-кольцах плетеной хлопалкой лупила повешенный на веревку половик. Спиной к калитке. Вася сказал «Мика», и она обернулась и заулыбалась во весь рот. Она уронила в подорожники хлопалку, а он Колесо, и они сошлись и взяли друг друга за руки, причем из-за спешки получилось, что руки оказались крест-накрест, но это не имело никакого значения.

— Я адрес потерял. Поэтому и не писал. А вчера нашел... Ты сердишься, да?

— Не-а... — И по глазам было видно, что не сердится ни чуточки. — Просто я боялась...

— Чего?

— Вдруг ты руку или ногу поломал из-за своего колеса...

— Что ты! Оно надежное! Никогда не подведет. — Спohватившись, Вася уковылял назад, подхватил Колесо и вернулся к Вике.

«Мог бы и не бросать меня, как ненужную железяку...» — очень равнодушным тоном заметило Колесо.

«Мару, прости! Я нечаянно!..»

«Конечно, нечаянно. Если сразу стало не до меня...»

«Ну, чего ты.. Мне всегда до тебя! Просто пальцы ослабли...»

— Ты почему хромаешь? — встревожилась Мика.

— Ноги еле держат, — честно сказал Вася. — Ведь всю дорогу стоял на педалях да еще равновесие соблюдать надо было...

— Ой! Неужели ты сюда на колесе?..

— А на чем же еще!

— Сумасшедший, — с тихо восхитилась Мика. — Ох, а если бы... что-нибудь...

— Да ничего ни «что-нибудь». Только вот ноги...

— Я знаю, как лечить усталость! Пойдем... — Она повела Васю к забору, там среди высоких одуванчиков была вкопана приземистая лавочка. — Ну-ка садись. Вытяни ноги.

Вася послушался.

— Надо обернуть каждую ногу лопухом. Только прохладным, сорванным в тени... — Мика отбежала за кусты рябины, вернулась с громадными, как слоновьи уши, листьями. Одним лопухом стерла с Васиных ног желтую пыльцу, двумя другими обернула их от колен до косточек. Длинными плетями мышиноного гороха обвязала листья, чтобы не развернулись

— Посиди так. Меня этому дедушка научил. Он, когда был такой, как мы, часто играл с мальчишками в футбол. Потом доковыляет до дому еле-еле, сядет на крыльцо, сделает лопуховые голенища и скоро опять скачет... Я себе тоже несколько раз так делала... — Мика присела справа от Васи (слева он держал под боком Колесо, оно пока помалкивало).

— Неужели ты играла в футбол?

— Пришлось. Потому что мальчишек здесь мало, а команду-то надо набирать..

— Но они все-таки есть? Мальчишки-то? — сказал Вася, старательно запряв ревнивую нотку.

— Были. Олежка Гаврин да два близнеца, Юрик и Саня. Но они уехали. Сейчас только такие, кто в карты дуются да курят все время. И к маленьким пристают... А девочек тоже мало. Я тут больше с дедушкой. В саду возимся, за грибами ходим да на озеро... Да еще с котятками играю. С ними не соскучишься!

— Это какие котятка? Василисины?

— Да! Такие игручие! Их было шестеро, но троих мы уже раздали... А тебе, может, тоже надо котенка? Есть белая девочка и два серых мальчика!

— Мне, может, и надо, — вздохнул Вася, — да только что дома начнется! Мама кошек не переносит даже издали. Говорит, что он них запах, шерсть и затраты на еду... И мебель царапают

— Ой, да никакого запаха если приучить! А для царапанья можно специальную доску сделать...

— Скажи это моей маме...

— Ну, давай я их все-таки принесу! Посмотреть.

— Принеси.

Мика убежала, а Вася с облегчением подумал, что двухмесячной разлуки словно и не было, разговаривают, будто лишь накануне расстались. Мика принесла в охапке пушистых Василисиных ребятишек. Пустила в траву. Они тут же принялись носиться среди клевера и подорожников, кувыркаться друг через друга. Пришла худая Василиса, дружелюбно потерлась о завернутую в лопух Васину ногу. Котятка стали прыгать и через нее. Смотреть на это было весело, Вася улыбался.

Колесо шевельнулось под боком:

«А что, может, возьмешь котеночка? Маму можно уговорить, если пообещаешь учиться на одни пятерки».

«А когда пятерок не будет, куда его? Брысь из дома?»

«Мама его к тому времени полюбит...»

«Нет уж, — вздохнул Вася. — Нельзя рисковать... Да и зачем мне котенок, если у меня есть ты?» — И он погладил шину.

«М-м... — отозвалось Колесо, стараясь, кажется, скрыть удовольствие. — Вообще-то мне казалось, что я гожусь на что то большее, чем на роль котенка...»

«Конечно... Но ведь и гладить тебя тоже можно, правда, Мару?» — слегка подлизался Вася.

«М-м...» — и стало ясно, что, если бы Колесо и правду было котенком, то сейчас оно свернулось бы в клубок, уткнуло нос и замурлыкало.

— А ты что делал на каникулах? — спросила Мика. — Ездил куда-нибудь?

— Ездил, конечно! Вот на нем...

— И не надоело?

— Надоело? Да ты что! Знаешь, какие были приключения!...

И Вася стал рассказывать. Про Водопроводную площадь, про цирковое выступление в башне, про коварных Переверзю, Штыря и Цыпу, про Акимыча и Филиппа и про то, как нашел Олю. Ну, правда, он не стал чересчур описывать

Незнакомый город, чтобы Мика не решила, будто сочиняет напропалую...

Мика распахивала глаза-бабочки, словно смотрела любимый всеми девчонками бразильский телесериал «Исабель и Жоао».

— Значит, они помирились?

— Ну само собой!.. И теперь у Филиппа начнется... это... расцвет творческого периода. И, наверно, он возьмется за картину про меня...

— Про тебя?!

— Ну... почти про меня. — И Вася подробно описал задуманное Филиппом полотно «Мальчик и музыка».

— По-моему, это будет замечательная картина, — почему-то с ноткой печали заметила Мика. — Наверно, она очень понравилась бы дедушке... Хотя кто знает...

— Почему «кто знает»? — слегка обиделся Вася, уверенный, что картины Филиппа должны нравиться всем.

— Потому что... может быть, он загрустил бы. Он в детстве хотел стать скрипачом, и все говорили, что у него замечательный талант...

— А... почему не стал? — осторожно спросил Вася, вспомнив свой экзамен у музыкального профессора. — Слуху не хватило?

— Да что ты! У него абсолютный слух... Просто один случай... Вась! А ноги-то как? Им не легче?

Ногам было гораздо легче. Прохладные мягкие лопухи высасывали из них усталость, как промокашка высасывает с бумаги кляксу.

— Скоро будут как новенькие!

— Тогда знаешь что? Надо ими поболтать еще в прохладной воде! В саду у нас бочка для полива, там вода чистая, дождевая...

Вася размотал лопухи, и пошли в сад. За домом он был не виден, а когда повернули за угол, Вася ахнул. Столько здесь было всяких громадных цветов. Многие Вася до этого дня и не видел.

— Как в тропических джунглях! Сплошные орхидеи!

— Это дедушка разводит. Он цветовод высшего класса. И селекционер. Ну, ученый-ботаник. До пенсии учил в институте студентов...

Бочка была врыта в землю почти по кромку. Рядом с ней была тоже низкая лавочка, причем не простая, а буквой Г. Сидеть на такой вдвоем было самое замечательное дело. Мика сбросила сандалетки и первая уселась, опустив ноги в бочку. Вася бодро дрыгнул ногами, кроссовки улетели в траву, и он тоже сел, сунул ноги в воду. Не вода, а лекарство! Наверно от самых лучших, чистых, переплетенных радугами дождей!

Посидели тихонько, подождали, когда вода станет совсем гладкой, глянули в нее, нагнувшись. Увидели себя. Неожиданно смутились. Вася вдруг вспомнил отпечатки двух ступней на бетоне, но сказать о них вслух почему-то не решился. А Мика сердито бултыхнула ногой.

— Не люблю зеркала!

— Почему?

— Потому что... все девчонки любят в них смотреться, а я не хочу.

Вася хотел сказать, что смотреться любят лишь красивые и что ей-то, Мике, это в самый раз. Но понял, что никогда не решится выговорить такие слова... Ну или когда-нибудь потом... А она бултыхнула уже двумя ногами. Брызги выше головы!

— Эй, ты что! Тебе хорошо в купальнике, а я в рубашке!

— Ну и что! Закрой глаза...

— Зачем?

— Закрой, закрой. Узнаешь...

Вася с замиранием закрыл. И, конечно же, получил в живот и грудь такой водяной залп, что с воплем кувыркнулся назад.

— Ах, ты так! Без объявления войны! Ну, берегись! — Он присел на корточки, ладонями послал в Мику несколько могучих всплесков!

— Мама-а!! — Она радостно помчалась вокруг бочки. Вася с водой в пригоршнях за ней.

— Это что за праздник Нептуна? — Голос был «пожилой», но бодрый. Рядом с бочкой появился сутулый дядя с профессорской бородкой и в блестящих очках. В старомодной жилетке поверх полосатой рубахи.

— Дедушка! Ура!.. Дедушка, это Вася! Он приехал в гости! Ну, тот Вася, про которого я говорила!..

— Здравствуйте, Вася... — Пожилой господин протянул руку с очень длинными худыми пальцами. Темные, как у Мики, глаза искристо щурились за очками. — А я Сергей Сергеевич, дед вот этой неугомонной особы, которая подвергла вас водным процедурам...

— Он меня тоже!.. Дедушка, ты уже починил качели?

— Да... Надеюсь, вы будете пользоваться ими с полным соблюдением техники безопасности...

— С полным, с полным!.. Вася, идем, покачаемся!

Вася сбросил промокшую рубашку, подхватил из травы Колесо (а то опять обидится).

— Минуточку... — Сергей Сергеевич поправил очки и наклонился. — Вася, вы один приехали в наше отдаленное поместье?

— Один.

— И каким путем?

Вася хотел соврать, что на электричке. Но Мика тут же выдала его с головой.

— Дедушка, он на колесе! Вот на этом! Правда-правда! Он знаешь как на нем гоняет! Будто в цирке! Вася, покажи!

Васе куда деваться? В гостях упрямится неприлично. Встал на педали, сделал две петли вокруг бочки.

— Поразительно! — изумился Микин дед. — Но это, наверно, не безопасно?

— Да ну, я осторожно...

— Дедушка, у него очень устали ноги. Давай отвезем его обратно на машине! Ты ведь все равно собирался в город.

Сергей Сергеевич сообщил, что сделает это с удовольствием.

— А когда вы, Вася, собираетесь назад? Сегодня? Или погостите у нас несколько

дней?

— Я бы погостил. Но дома начнется такой тарарам... — Вася, качаясь на педалях, грустно развел руками.

— Но, надеюсь, часом или двумя вы еще располагаете? Я приготовлю окрошку. Сегодня я сам хозяйничаю, Микина бабушка в гостях у подруги... Как вы относитесь к окрошке, молодой человек?

Вася сказал, что к окрошке он относится с восторгом. Дедушка у Мики был замечательный, Вася его совсем не стеснялся.

Потом Вася и Мика покачались на доске, подвешенной к перекладине между крыльцом и березой. Доска была большая, сидеть рядышком было удобно, и даже для Колеса нашлось место у Васи под боком.

«Хорошо, что обратно на машине, — подало голос Колесо. — А то у меня, признаться, спицы гудят...»

«Устало? — встревожился Вася. — А говорило, что никогда не устаешь.»

«Мало ли что говорило. Дорога вон какая длинная, а я не железное... То есть железное, но не от большого же велосипеда, а от детского...»

Вася погладил его по шине. А Мике сказал, не удержался:

— Значит, у вас машина. Небось не раз в город приезжали. Могла бы заглянуть ко мне...

— Мы не приезжали! Машина все лето была сломана, дедушка ее чинил. Он ее медленно чинил, потому что рука у него в последнее время опять часто болит. Он говорит: «Эхо розового детства»...

— А что случилось в детстве? — осторожно сказал Вася.

Мика сильно оттолкнулась от земли сандалеткой.

— Несчастный случай случился... Они с мальчишками пошли на стройплощадку, набрали там больших стекол, расставили среди кирпичей и давай стрелять по ним из рогаток. Сторож увидел, заорал, они — бежать. И прямо через стекла, потому что назад пути не было, сторож загораживал. Дедушка поскользнулся и рукой прямо на осколок стекла. Ему сухожилие перерезало и всякие там еще другие повреждения были... Лечили, лечили, а до конца не смогли вылечить. Пальцы потом всю жизнь плохо слушались... Ты наверно, заметил у него старый шрам вот здесь, выше ладони.

— Нет, не заметил...

— Ну, он есть... Это была такая беда. Дедушка ведь на скрипке учился, а после этого какая скрипка... Дедушка так переживал. Он, хоть и был сорви-голова, а скрипку любил больше всего на свете... Потом говорил много раз: «Я бы полжизни отдал, чтобы только вернуться к музыке...»

Помолчали. Покачались еще, уже не так размашисто, как прежде. Сергей Сергеевич с крыльца позвал «уважаемых леди и джентльменов» обедать.

Вася съел две тарелки окрошки и чуть не лопнул.

— Есть еще земляника с молоком, — неуверенно сказал Сергей Сергеевич. — Но я боюсь, что такое сочетание с окрошкой не очень благотворно скажется на ваших желудках.

Вася заявил, что его желудку ничего не страшно.

— Я соленые огурцы запиваю молоком, хотя мама говорит, что я самоубийца!

После обеда Вася влез в подсохшую рубашку, Мика обрядилась в вельветовые брючки и полосатую кофточку, а Сергей Сергеевич сменил жилетку на пиджак и выкатил из гаража обшарпанную «копейку».

— Надеюсь, старушка не подведет нас...

Старушка не подвела. По шоссе, что тянулось вдоль железной дороги, докатили до города за двадцать минут. Прямо к Васиному подъезду.

— Сергей Сергеевич, спасибо! Мика, заходи, когда снова приедешь!.. — И Вася помчался домой. Потому что соленые огурцы он запивал молоком без всяких последствий, а вот нынешняя смесь окрошки с земляникой и молоком повела себя как-то странно...

Скоро ослабевший, но довольный Вася лежал на диван-кроватьи и с бледной улыбкой поглаживал живот. Потом погладил Колесо.

«Мару, ну как? Спицы все еще гудят?»

«Дело не в спицах...»

«А в чем?»

«Так, вообще...» — в тоне Колеса явно слышалась меланхолия.

«Что-то случилось?»

«Ничего не случилось... А эта... Мика... она скоро опять появится, да?»

Вася сжал губы и рывком сел (в животе вновь подозрительно булькнуло). Поставил Колесо на колени. Видимо, пришло время решительного разговора.

«Слушай! Да, я подружился с девочкой Микой. Ну и что? Разве *нашей* дружбе это мешает? Они же совсем разные, эти две дружбы!»

«А я ничего и не говорю...»

«Ты не говоришь... но ты ведешь себя, как ревнивая барышня.»

«Выбирай выражения», — отозвалось Колесо тоном, очень похожим на мамин. Задергалось и уковыляло с Васиных колен за подушку. Вася дотянулся до него.

«Я выбираю. Чего ты... так... Вот если бы у тебя был еще один друг, разве я стал бы обижаться?»

«А не стал бы?»

«Ты спятило, что ли?! Конечно нет! Никогда в жизни... Если бы это было другое колесо...»

«А если... не совсем колесо?»

«А кто?» — Вася изо всех сил постарался спрятать опасливую нотку.

«Помнишь, я говорил про репродуктор?»

«Помню, конечно! Только... он же потерялся»,

«Он нашелся. Я нынче с ним опять установил связь. Когда ехал по рельсу. Рельс-то длиннющий, железный, и, наверно, сработал, как антенна. Я услышал, как репродуктор зовет меня...»

«А почему я не слышал?»

«Потому что мысли у тебя были о другом. К тому же, сигнал Гуревича был тихий, издалека».

«Чей сигнал?»

«Репродуктора. Имя у него такое — „Гуревич“. Он сам его себе присвоил...»

«Почему?»

«Ну почему, почему... Кому охота жить без имени? Сперва он хотел назвать себя Левитаном, был такой очень известный диктор во время давней войны...»

«Я знаю. А почему не назвал?»

«Постеснялся. Говорит, слишком знаменито. А на городском радио был диктор Гуревич. Ну и вот...»

«А где теперь этот Гуревич? Не диктор, а репродуктор...»

«Там же, где и был. На чердаке. Он спрятан в очень дальнем углу, его не заметили, когда выкидывали другие вещи... Ты можешь слазить и достать?»

«Конечно! Только... давай завтра, ладно? А то послушай, какой у меня опять концерт в кишках.»

Колесо послушало.

«М-да, — сказало оно папиным тоном. — Ладно, давай завтра».

Марш Дунаевского

На следующее утро Гуревича освободили из чердачного плена. Без приключений. Вася опасался, что в старом доме могут оказаться курильщики, наркоманы или пьяницы, но в гулких замусоренных комнатах было пусто. Лишь пустые бутылки и всякие запахи напоминали, что временами здесь бывают люди. В коридоре второго этажа Вася увидел лесенку, ведущую к люку. Крышки у люка не было — черная дыра. С Колесом в левой руке Вася забрался в чердачный полумрак, где пахло сухой землей и гнилым деревом. Стало страшновато. Но тут Колесо вышло на связь с Гуревичем:

«Привет старик! Мы идем!»

Ответы репродуктора были почти не различимы, Вася разбирал лишь отдельные слова:

«Хорошо... рад... слева...»

Видимо, с Гуревичем у Васи не было такого созвучия, как с Колесом.

Колесо руководило поисками. Оно ловило сигналы Гуревича, как локатор. Вася не удержался, заметил:

«С ним ты на расстоянии говоришь, а со мной только при касании».

«Ну... он же радио, у него опыт».

Отыскивали репродуктор в затянутом паутиной беспросветном углу. Он висел на вколоченном в балку гвозде. Отплевывая сухих пауков и чихая, Вася на ощупь снял легонького Гуревича с гвоздя и вынес к лучам, бьющим через щелястую крышу. Щелчками отряхнул с него пыль.

«Благодарю», — скрипуче отозвался Гуревич.

Это был старинный динамик из толстой черной бумаги, в форме очень плоского конуса. Макушку конуса прикрывал железный колпачок со шпеньком. По краям бумагу опоясывало ржавое кольцо. Поперек его была приклепана металлическая линейка с круглой коробочкой посередине. На коробочке — три винта. От двух винтов тянулся мохнатый от пыли крученный шнур со штепсельной вилкой. А сзади у репродуктора была дуга, похожая на половинку узкого обруча, с дыркой для гвоздя.

Такое радио Вася не раз видел в фильмах про войну и ленинградскую блокаду.

Колесо радовалось встрече, аж подпрыгивало у Васиной ноги:

«Теперь опять будем вместе, поболтаем всласть!»

Гуревич продолжал скрипуче благодарить:

«Хорошо-то как, что вы появились! Я боялся, что дом вот-вот сожгут и тогда уж полное выключение...»

Вася понес Гуревича домой, продолжая чистить его и обдуть от пыли. А дома повесил у себя над постелью — вместо маленького трехпрограммного динамика (мама включала его по утрам, чтобы бодрая музыка помогала Вале собираться в школу).

«Вас включить?» — спросил Вася.

«Сделайте одолжение... кха... Давно не вещал с помощью проводов, не знаю, получится ли...»

Получилось. Раздался голос городской дикторши, сообщавшей сводку погоды:

— ...текущей недели сохранится устойчивая сухая погода с дневной температурой

воздуха двадцать четыре — двадцать шесть градусов. Ветер юго-восточный, давление в пределах нормы...

Звук был дребезжащий (наверно, потому, что в середине репродуктора, у колпачка — дырка), зато сводка хорошая.

— А теперь выдерните шнур, пожалуйста, — попросил Гуревич голосом солидного диктора-мужчины. — Мне хотелось бы попробовать себя, так сказать, в сольном амплуа.

Вася послушно дернул штепсель из розетки. Гуревич откашлялся. И вдруг заговорил голосом Левитана, которого Вася слышал в передачах про давние времена:

— ...В течение последних суток войска Второго Белорусского фронта, преодолев упорное сопротивление противника, перешли в наступление и прорвали вражескую оборону в районах...

Наступило короткое молчание, а потом из репродуктора запел Леонид Утесов:

Ты одессит, Мишка,
А это значит,
Что не страшны тебе ни горе, ни беда.
Ведь ты моряк, Мишка,
А моряк не плачет...

Затем опять молчание, кашель, и наконец:

— ...Сегодня в Кремле открылся слет героев первой послевоенной пятилетки. Бурными нескончаемыми аплодисментами, криками восторга и здравницами делегаты слета встретили появление на трибуне вождя советского народа и всего прогрессивного человечества, гения всех народов, светоча мира и надежду... Кха... Лучше вот так... — И запел ребячий хор:

Солнышко светит ясное,
Здравствуй, страна прекрасная!
Юные нахимовцы тебе шлют привет...

«Чего это он?» — опасливо спросил Вася у Колеса. И подумал: уж не свихнулся ли старик на радостях?

«Он транслирует то, что, что запомнил в давние годы, когда жил в квартире. Нового-то ничего не знает...»

«А ты расскажи ему про новое. Побеседуйте тут вдвоем, а я сбегаяю на пароход. Надо же когда-то двигаться и на ногах, не только на педалях...»

На пароходе были Акимыч и Степан. Старик занимался хозяйственным делом — в ожидании недалекой осени затыкал ветошью щели в каюте. Степан развлекался: прыгал на шевелящиеся тряпки и цапал их когтями.

— Постыдился бы, — увещевал его Акимыч. — Солидное существо, в возрасте, а ведешь себя, как бестолковый кошачий детеныш...

Оба они обрадовались Васе. Старик не стал больше укорять его за недавнюю ночную отлучку, не понадобилось никаких объяснений.

— А где Филипп?

— Известно где. Как ушел тогда с Ольгой, больше и не показывается. Дело молодое...

— Акимыч, вы думаете, они поженятся?

— Кто знает. Глядишь, дойдет и до того...

Прилетел Крошкин, принес в клюве длинную прядь пакли. Видимо, свой взнос в конопатку каюты.

Вася принялся помогать Акимычу. Рассказал между делом про поездку в Цаплино, про Мику и про ее деда.

Потом они пили крепкий чай с черными сухарями — самая подходящая еда после вчерашних неприятностей с желудком. Диета, так сказать...

К себе Вася вернулся, когда мама и папа были уже дома.

Мама пожелала узнать, где это он гулял без Колеса.

— Я не знала, что и подумать.

— Я решил, пусть оно отдохнет.

— А что это за экспонат повесил ты на стену?

— Старое радио. Нашел... в одном дворе.

— Ты всегда тащишь в дом всякую рухлядь.

— Это не рухлядь. Оно действующее.

— По-моему, это редкая вещь, — вставил свое мнение папа.

— На этой редкой вещи целые колонии вредоносных вирусов.

— Неправда, я его вычистил! — вступился за Гуревича Вася.

— Ты себя-то не можешь вычистить! Посмотри в зеркало, на кого похож! Будто лазил по пыльным чердакам! — Мама была проницательна.

— Я не лазил...

— Я устала стирать эту твою африканскую спец-одежду. Неужели нельзя надеть ничего другого?

— Я к этой привык.

— А я никак не могу привыкнуть к твоей безалаберности... Снимай штаны и рубаху, я их замочу...

— В сортире? — хихикнул Вася. Мама сделала вид, что хочет дать ему подзатыльник. Вася ускакал.

Вечером Гуревич несколько раз порывался сообщить о положении на фронтах Великой отечественной войны и успехах тружеников полей в колхозе «Сталинские зори», а потом исполнить хоровую песню «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью». Вася деликатно прикрутил средний винт — регулятор громкости...

Несколько дней Вася ходил на «Богатырь» — помогать Акимычу. Пешком ходил, потому что Колесо и Гуревич никак не могли наговориться. Затем два дня сидел дома, потому что наступила дождливая погода. Вася читал энциклопедию «Всё на свете» и, хихикая, говорил себе, что с каждым часом становится все образованнее. Слушал

старинную радиопередачу «Клуб знаменитых капитанов» в исполнении Гуревича.

А иногда втыкал штепсель и слушал современные передачи. Но они были скучные. Например:

«...В сообщениях, полученных из Генеральной прокуратуры говорится, что предъявлены обвинения нескольким высокопоставленным военным из структур, близких к силовым министерствам. Генералы обвиняются в действиях, позволивших им оставить на своих личных счетах несколько миллионов долларов. Имена генералов пока не сообщаются в целях сохранения тайны следствия...»

«Зачем им столько денег? — спрашивал у Колеса Вася. — У них же и так все есть. И купить могут все, что хотят...»

«А тебе много денег не хочется?»

«Не-а... Хотя нет, пожалуй хочется. Чтобы двухкомнатную квартиру с телефоном купить. А еще лучше трехкомнатную, чтобы одна комната большая. Тогда можно было бы там раскладывать электрическую железную дорогу, если подарят на Новый год или будущий день рождения...»

«На железную дорогу тоже деньги нужны...»

«Ну, тогда можно без нее... Можно двухкомнатную квартиру и еще старинный морской бинокль. Я его видел в комиссионном магазине, когда там с мамой был...»

Когда снова стало тепло и ясно, Колесо «шепотом» призналось Васе, что слегка устало от репродуктора.

«Понимаешь, у меня-то характер, как у школьника, а у него — пенсионерский...»

«А как же ты терпел на чердаке столько лет?»

«Там все равно больше нечего было делать. А сейчас хочется поразмяться. Гуревич славный старик, но... давай сгоняем на Водопроводную площадь!»

Покидая квартиру, они слышали, как репродуктор бодро поет голосом старинного певца Лемешева:

Не найти страны на свете
Краше родины моей!..

На площади многие обрадовались Васе — давно не видели.

— Как там ваш оркестр? — спросил Вася у Максимки. Тот просиял и показал большой палец.

Переверзя, Шуруп и Цыца тоже крутились недалеко от башни, но к Васе не приближались. Видать поняли: не по зубам орешек...

К Акимычу Вася наведалься только дней через десять, а то и позднее. Спыхватился наконец, что Акимыч может обидеться: «Забыл старика...»

Еще с берега Вася услышал гитару. Филипп играл в рулевой рубке. Мелодия была отрывистая и грустная. Акимыч снаружи рубки натирал суконкой судовой колокол. Бронза сияла, как сплошное счастье, но лицо у старика было озабоченное.

— Чего он так играет? — опасливо спросил Вася и головой показал на дверь.

— А такое вот дело... Что на душе, то и в музыке...

— А... что на душе? — У Васи упало сердце.

— Известное дело, что. Любовь — явление непостоянное. Сегодня ура, а завтра дыра... Опять не поладили. Говорит, что теперь уж навсегда...

«Это что же? Зря я мотался по Незнакомому городу?.. И не будет у Филиппа расцвета творческого периода? И картины „Мальчик и музыка“ не будет?»

Вася не пошел в рубку, не стал говорить с Филиппом. Чем он мог ему помочь? Вася вернулся домой и лег носом в подушку.

Гуревич что-то бормотал. Колесо сказало Васе:

«Что поделаешь. Одни несчастья от этой слабой половины человечества... Вот и Мика твоя обещала, а не приехала. Таковы женщины...»

«Само ты женщина! Помолчало бы!» — в сердцах огрызнулся Вася. Колесо глухо умолкло. Ясное дело, обиделось. Но Васе было сейчас не до него. Он погрузился в горестные мысли, как в серую муть. Вернее, даже не мысли, а просто в ощущение. И с этим ощущением задремал.

Проснулся Вася от голосов родителей.

«Опять спорят, что ли? Или только собираются?»

Мама громко сказала за ширмой:

— Вася, ты дома?

Неужели не видит, что его кроссовки у порога?

— Дома, конечно...

— Ты обедал?

— Обедал, конечно...

— Ты не можешь разговаривать без этого «конечно»?

— Могу, конечно...

Мама пришла за ширму.

— А почему лежишь?

— Устал, вот и лежу. Нельзя, что ли?

— Ты в последнее время стал колючим, как... не знаю кто. Что с тобой?

— Начинается переходный возраст, — буркнул Вася в подушку.

— Тебе до этого возраста еще как до Луны.

Вася сразу вспомнил сказку про Окки-люма, который убежал на Луну. Может, и ему убежать? Колесо, будто услышало Васины мысли, слегка толкнуло его в бок: я, мол, больше не сержусь. Вася погладил шину и сказал маме:

— Недавно говорила, что этот возраст на пороге, а сейчас — как до Луны. Луна и порог это разве одно и то же? Тебя не поймешь.

— Олег, ты слышишь, как он разговаривает? Может быть, ты все-таки поговоришь с ним, как полагается настоящему отцу? Пока переходный возраст в самом деле не наступил!

Было слышно, как папа зашелестел газетой (наверняка «Спортивным бюллетенем»).

— Ну, конечно!.. Василий, в самом деле! Что с тобой?.. Послушай, а может быть, ты влюбился?

— Конечно! — сумрачно возликовал Вася. — Седьмой раз за это лето! А завтра будет десятый!

— Вот-вот! Слушай, слушай! Он уже и тебя ни в грош не ставит!.. Нет, ну куда это годится! Парню десятый год, а ты еще ни разу не взгрел его по всем правилам!

— Видимо, скоро придется, — пообещал папа. Без всякой, впрочем, убежденности.

— Какой мне десятый год! — тихонько взвыл Вася. — Прямо тошно слушать! Мне только-только исполнилось девять!

— Раз исполнилось, значит уже десятый, — неколебимо заявила мама.

— О-о!.. Папа, ну скажи хоть ты!

— М-да... В этой формулировке, касаемой исчисления времени, есть некоторая натяжка.

— Вот как? — стеклянным голосом спросила мама. — Могу я узнать, *какая?*

Папе бы проявить благоразумие, но он не удержался:

— Это как один пьяница утверждал: «Послезавтра будет уже третий день, как я не брал в рот ничего спиртного»...

Мама шагнула от Васи за ширму, в комнату. К папе.

— Я, — сказала мама, — никогда, — сказала мама, — не имела дела, — сказала мама, — с компаниями пьяниц. У нас в Аптекоуправлении работают исключительно порядочные и трезвые люди. В отличие от некоторых институтов, где постоянные юбилеи и презентации с шампанским и коньяком. И кроме того, рассуждать о пьяницах при ребенке... это... верх морального падения!

— Но, Яночка, падение не может быть направлено вверх...

«Началось», — уныло подумал Вася. Но в этот миг репродуктор Гуревич во всю мощь грянул стоголосым мужским хором:

Распрягайте, хлопцы, коней
Та лягайте почивать!

Мама и папа бок о бок влетели за ширму.

— Что здесь такое!

— Это не я. Это он... — Вася с беззаботным видом показал на Гуревича. А тот надрывался.

— Выключи немедленно! — велел папа.

— Он выключен.

— Что ты морочишь голову! — Папа схватил шнур. Штепсель заболтался в воздухе. А динамик содрогался. Мама прижала к ушам ладони.

Папа моргал. И старался перекричать песню:

— Почему он играет?! Там кассета?!

— Папа, ну что ты говоришь! Когда его сделали, кассет на свете не было!.. Гуревич, будьте добры, пойте потише.

Тот запел приглушенно, словно уличный репродуктор на далекой площади.

— Сумасшедший дом, — сказала мама. — Если эта труба будет так орать, я выкину ее на помойку.

— Тогда я тоже пойду жить на помойку. Вместе с ним и с Колесом.

— Пожалуйста, — ледяным тоном разрешила мама. — Если помойка тебе дороже, чем родной дом.

— Там хоть никто не ругается...

Мама посмотрела на папу. «Видишь, какое сокровище растет!» — говорил ее взгляд. И они пошли на кухню, чтобы обсудить неотложные вопросы Васиного воспитания, а потом снова поругаться.

Вася лег на спину и стал смотреть в потолок.

«Ну, почему все так плохо?» — думал Вася. — А может, правда сбежать? Не на помойку, а, скажем, на дачу к Мике. Или на пароход». Он понимал, что долго не выдержит, заскучает по маме и папе, какие бы они ни были. Но, может быть, за время его бегства они образумятся и станут миролюбивее?

Да, грустно все это было... И музыка, которую сейчас играл Гуревич, была грустная. Тихие скрипки выводили мелодию, от которой щипало в глазах. Вася словно увидел перед собой медленное движение смычков над коричневым лаком инструментов... Но скоро скрипки примолкли. Послышались трубы. Они начали какой-то знакомый марш.

Колесо ткнулось в бок:

«Узнаёшь музыку? Это марш Дунаевского из кинофильма „Цирк“!»

«Ну и что?»

«Это любимая мелодия Гуревича!»

«Ну и что?»

«Что, что! Не прозевай момент!.. Надень майку со звездами. Она самая подходящая...»

«Для чего подходящая?»

«Делай, что говорят!»

Вася устал спорить. Пожал плечами, скинул застиранную рубашку «сафари», сдернул со спинки стула белую с зелеными звездами футболку. Тоже полинялую, но все еще красивую. Набросил через голову и снова лег на спину. Вот, мол, я выполнил твой каприз. Что дальше.

Дальше... музыка стала громче. Но была она не резкой, а мягко обнимающей. Репродуктор над головой у Васи стал расти, наклоняться горизонтально. Скоро он сделался большим, как зонт. И еще больше, и еще. Вася следил за всем этим почти без удивления. То, что происходило, было похоже на случай с картиной «Незнакомый город».

Значит, *опять* что-то случится? По правде говоря, не очень-то хотелось. Больше хотелось спать. Но сопротивляться наваждению было лень. И Вася смотрел, как растущий черный купол все расширяется и уходит вверх. Он перестал быть черным, под ним засияли лампы, заблестели никелем всякие висячие перекладки. Потом все пространство коротко прозвенело, встряхнулось. Вася вздрогнул и увидел себя в гуще цирковых зрителей. На твердом сиденье в середине дощатых рядов, кольцами

опоясавших ярко-желтую арену. С колесом на коленях.

Под куполом старого цирка

Продолжал греметь тот же самый марш. Под звуки труб и звенящих тарелок бодро выходил на арену маленький парад. Маленький не потому, что мало участников, а потому, что маленькими были артисты. Лилипуты.

Васе и раньше приходилось видеть в цирке лилипутов. Они ему не нравились. Вернее, не нравилось, что эти крохотные артисты притворяются бодрыми, счастливыми и словно хвастаются своей бедой. Это же именно беда — родиться и не вырасти. Была какая-то ненормальность, что маленьких, как детсадовские ребята, человечков, обрядили во взрослые костюмы и вынуждают притворяться солидными людьми...

Когда Васю заставляли надевать парадный серо-полосатый костюм с галстуком, он чувствовал себя таким же лилипутом...

Чтобы не смотреть на арену, Вася стал разглядывать зрителей.

Справа от него сидела молодая женщина в блестящем платье с высоко поднятыми плечами, завитая и покрашенная. Она чуть отодвинулась, когда Вася возник рядом, но не рассердилась. За ней Вася увидел военного в странной форме — вроде той, что нынче носят на митингах и демонстрациях казаки. Широкая гимнастерка, пристегнутые пуговицами золотые погоны. Только фуражка, которую он держал на коленях, была не казачья, а как у летчиков — с «крылышками».

А слева сидел мальчик. Чуть постарше Васи, темноволосый, в меру курчавый, с пухлыми губами. Слегка похожий на юного Пушкина из книги «В садах лицей». Он весело глянул на Васю:

— Ты как здесь появился? Я и не заметил!

— Сам не знаю как, — признался Вася. — Случайно...

— На протырку, без билета?

«Да уж конечно без билета». И Вася честно сказал:

— Ага...

— Не бойся. Раз пробрался, теперь не найдут...

На мальчике была курточка из рыжего потертого вельвета. Поверх нее был выпущен синий матросский воротник. Странно как-то. Никто из Васиных знакомых ребят так не одевался. И вельветовые штаны у мальчика были странные — широкие, как шаровары, с застежками под коленками.

«Колесо, ты куда опять меня затащило?»

«Не я, а Гуревич... У него свои любимые места.»

«Ты не пудри мне извилины!»

«Ничего я не пудрю! Смотри лучше на арену...»

А чего туда было смотреть? Лилипутами командовала грузная, как троллейбус, похожая на цыганку тетя в цветастых юбках. Она заталкивала крошечных мужчин и женщин в красные фанерные сундуки и доставала их из синих, на другом конце арены. Это были фокусы. А еще лилипуты жонглировали, кувыркались и смеялись громким деревянным смехом.

Мальчику-соседу они, кажется, тоже не нравились. Он тронул мизинцем Васиного

Колесо.

— Это у тебя что?

— Колесо для катанья. Я на нем езжу, — без хитростей ответил Вася. Мальчик был славный, дружелюбный.

— Неужели получается?

— Да. Не сразу только, а после тренировки...

— Надо попробовать сделать такое же.

— Попробуй, — вздохнул Вася и заранее пожалел мальчика.

— А почему ты не смотришь лилипутов? Не любишь?

— Да... Я в цирке только клоунов люблю.

— А Юленьку Вишнякову?! — изумился мальчик. — Разве она тебе не нравится? Я думал, ты из-за нее и пробрался. Все пацаны из-за нее...

— Что за Юленька? — неловко сказал Вася.

— Ты даже не знаешь? Вот это да! Будто с Луны упал!

Вася сразу вспомнил Окки-люма.

— Я не с Луны, а... просто не здешний. Приехал совсем недавно. Ничего еще не знаю...

— А-а... — протянул мальчик. Тогда, мол, простительно не знать Юленьку Вишнякову. — Она будет выступать после гимнастов, перед антрактом...

Лилипуты кончили выступление, раскланялись и убежали за бархатный занавес. Цыганистая тетя несколько раз выгоняла их обратно, чтобы снова кланялись и посылали воздушные поцелуи. Но наконец отпустила их и уплыла сама.

Униформисты в красных мундирах начали расставлять блестящие турники и брусья. Клоун Поликарп Фомич смешно путался у них под ногами. Потом девушки и парни в усыпанных блестками костюмах ловко летали с перекладины на перекладину, а Поликарп Фомич, пугался, падал и убегал, схватившись за поясницу.

Но закончился и этот номер. Дядьки в мундирах лихо разобрали гимнастические снаряды и настелили вдоль барьера ровную деревянную дорожку (Поликарп Фомич снова мешал им и получил от одного униформиста пинок).

— Вот... сейчас... — шепотом сказал Васе мальчик.

Зрители притихли. Лампы поубавили свет. Мужчина во фраке (его звали Петр Федорович), который объявлял все номера, вышел на середину арены. Раскинул руки. Сообщил торжественно, как о выходе королевы:

— Юная эквилибристка на колесах, наша общая любимица Юленька Вишнякова!

Ух, что поднялось! Цирк забушевал аплодисментами. Мальчик-сосед откинулся к дощатой спинке, вскинул обтянутые протертым вельветом колени и хлопал так, что пистолетное щелканье отдавалось в ушах. Потом все стихло. На арену упали светлые круги прожекторных лучей. Оркестр заиграл удивительно живую музыку, и под лучи выбежала девочка. Лет десяти. Длинные золотистые волосы развевались у нее за плечами. («Как у Оли», — с мимолетной грустью подумалось Васе.)

Если бы не эти летучие волосы, Юленька была бы похожа на мальчишку. С озорным курносым лицом, длинноногая, узкоплечая, в матросском костюмчике из трепещущей белой ткани. Она прошлась по арене колесом, встала, вытянулась и

раскинула руки. Вот, мол, я, здравствуйте! Опять взорвались аплодисменты, но лишь на несколько секунд. Зрители притихли и ждали.

Униформисты вывели из-за красного бархата небольшой блестящий велосипед. Толкнули на дорожку. И он побежал по кругу, как послушная лошадка. Девочка догнала его, хлопнула по седлу, вскочила на раму, сделала на ней ласточку и так проехала целый круг. Затем ухватилась за руль, сделала стойку на руках, вытянув вверх коричневые ноги в белых башмачках. Упруго толкнулась, перелетела и встала на багажник. А велосипед все бегал по кругу, словно у него был скрытый моторчик. Но Вася-то понимал, что дело не в моторчике. Между девочкой и велосипедом было *созвучие*. И когда зрители захлопали опять, Вася захопал тоже. От души!

А девочка и велосипед... что они только ни делали! Юленька взлетала над велосипедом, крутила в воздухе сальто и ловко приземлялась ногами на седло. Выгибала мостики. Стоя на раме, жонглировала блестящими кольцами и разноцветными мячиками. Иногда соскакивала и командовала своим двухколесным дружкой, как живым. Велосипед послушно вставал на дыбы (на заднее колесо), вертелся в танце, опрокидывался на руль и седло, вращая колесами в воздухе (словно дрыгал ногами). Потом велосипед дурашливо убежал, а Юленька грозила ему пальцем. Велосипед виновато возвращался. Девочка прощала его, и они вдвоем танцевали вальс.

И была Юленька Вишнякова такая тонкая и гибкая, такая... добрая и сказочная, что замирала душа и щипало в глазах. Встречный воздух растрепывал ее невесомые волосы, легонькая ткань матроски трепетала и прижималась к телу. А лучи прожекторов не выпускали ее из столбов голубого, зеленого и розового света...

Юленька снова вскочила на раму и помчалась по кругу. Оркестр затих. Два униформиста бросили девочке скрипку и смычок. Она, изогнувшись, подхватила их, вскинула скрипку к плечу и заиграла.

Вася раньше никогда не слышал такой волшебной мелодии. Она была... ну, как самая ласковая ласка, как самая дружеская дружба, как... такая теплая радость, от которой даже немного печально...

И когда это кончилось, Вася не поверил. Неужели больше он не увидит, не услышит этого волшебства?

Несколько раз еще Юленька под шум и крики зрителей появлялась на арене, тонкая и легкая, как белое перо, кланялась, ладонями посылала всем приветы и наконец убежала насовсем. А Петр Федорович во фраке посмотрел ей вслед вздохнул, и объявил:

— Антракт!

Мальчик-сосед перестал хлопать и посмотрел на Васю блестящими глазами:

— Ну? Что скажешь?

— Да-а... — выдохнул Вася. — Вот это музыка!

— Да что музыка! Главное, как она на велосипеде!.. Словно крылья у нее...

— Да. Но без музыки было бы не так хорошо... — осторожно возразил Вася. Спорить не хотелось, но и уступать не хотелось тоже. Получилось бы, что он дал Юленьку в обиду.

Мальчик слегка пожал плечом.

— Ну да... Но в общем-то мелодия известная. Это Вивальди, совсем не сложная пьеса, ее хоть кто сыграет. А вот велосипед...

Вася не понял про какое такое «вивальди» мальчишка говорит, и сказал, слегка набычившись:

— Как это «хоть кто сыграет»? Может, и ты?

Мальчик глянул опять своими темными, с блеском глазам. Ответил необидчиво и без хвастовства:

— Ну, и я... А что такого? Да я это уже играл, не раз... — И пошевелил на коленях длинными пальцами. Вася посмотрел на эти пальцы — загорелые, со сбитыми костяшками и очень тонкие. «Вот оно что!» — понял он. Сказал примирительно:

— Конечно, ты умеешь... А я ни за что на свете не смог бы. У меня слуха нету. На Колесе могу почти как она на велосипеде, а скрипку даже не держал ни разу...

Мальчик смотрел стеснительно, словно чувствовал себя виноватым, что у Васи нет слуха, и не знал, что сказать. И в этот миг раздался бодрый клич:

— Ма-ароженое! Ма-ароженое! — По проходу двигалась полная продавщица в кружевной наколке и белом фартуке. Держала поднос с бумажными стаканчиками, из которых торчали плоские лучинки. — Ма-ароженое! Порция три рубля!..

— Ага. Где их взять-то... — надув и без того пухлые губы, сказал мальчик. То ли Васе, то ли просто так.

Вася вспомнил, что у него есть железный пятирублевик, подарок Акимыча. Недавно Вася по просьбе старика ездил в булочную, привез батоны и сдачу, и Акимыч сказал: «Возьми на мороженое». Вася взял — чего церемониться-то, свои люди... И сейчас он торопливо зашарил про накладным карманам на шортах. Достал монету.

— Дайте, пожалуйста!

Дальше случилось такое, чего он ну никак не ожидал.

Продавщица взяла пять рублей, замигала. Глянула на деньги, на Васю, опять на деньги Ее лоб под кружевным кокошником и пухлые щеки гневно зарозовели.

— Да ты что! За дуру меня принимаешь?!

— А... что? — замигал Вася.

— Ты чего даешь мне старинную деньгу! Сейчас тебе что? Дооктябрьская революция? — Оно сунула монету Васе в ладонь. — Бери и затолкай подальше, пока не позвала милицию!

— Это же нормальные деньги... — пробормотал Вася.

— Нормальные?! С двуглавым орлом?! Для сопливых буржуев они нормальные, таких, как ты! Ишь, рубаху надел американскую, родители, небось, в лимитном распределителе отовариваются, в культурных людях значатся, а сынок...

— Да хватит вам, — сказала крашенная женщина справа от Васи. — Что вы пристали к мальчику? Он просто перепутал, думал, наверно, что это полтинник двадцатого года.

— И за полтинник хотел трехрублевую порцию?! Далек-о пойдет...

— Барышня, успокойтесь, — перебил пышущую тетю сосед крашенной женщины, тот, что в казачьей (или не казачьей?) форме. — Лучше дайте нам три порции... Вот так, благодарю... — Он ухватил стаканчики, один оставил себе, а два отдал женщине и

что-то вполголоса сказал ей. Та улыбнулась и протянула стаканчик Васе.

— Возьми мальчик. Не обижайся на нее, все работники торговли сейчас такие нервные...

— Спасибо, — прошептал Вася. И подумал, что это очень хорошая женщина, хотя от нее чересчур крепко пахнет духами.

Колесо на коленях нервно задергалось:

«Я же тебя предупреждало, будь внимательней, учитывай обстановку...»

«Ничего ты не предупреждало!.. Я домой хочу.»

«Подожди до конца представления.»

«Ага, затащило неизвестно куда, а теперь подожди...»

Но Вася уже не очень хотел домой. По крайней мере не сию минуту. Надо было съесть мороженое, да и с мальчиком еще не кончен разговор. Вася протянул ему стаканчик:

— Хочешь? Давай по очереди.

— Ага... — заулыбался юный музыкант. — Спасибо. — И охотно зачерпнул закругленной дранкой изрядную порцию. Облизнулся. — А что у тебя за монета? Правда, старинная?

— Не знаю. Вот... — Вася протянул пять рублей мальчику.

— Ух ты! Я таких никогда не видел. Где ты ее взял?

— Да нашел случайно, недалеко от рынка, — соврал Вася как можно натуральнее. — Прямо на тротуаре...

— А зачем ты ее продавщице-то дал?

— Не знаю, — опять сказал Вася. — Что-то отключилось в мозгах. Она говорит «три рубля», а я подумал «у меня пять», ну и вот... Ешь еще, а то уже капает. — Ледяная капля из размокшего стаканчика ужалила Васю в колено.

Мальчик зачерпнул и отправил в рот мороженое, но весь его интерес был направлен на монету.

— Это не царская, а временного правительства, потому что орел без короны. А какой год?.. Ой, что это?

— Что?

— Смотри! Такого года не может быть! Это же будущий век!

— Я и не обратил внимания, — неловко сказал Вася. Надо было как-то выкручиваться. — Может быть... знаешь что? Когда эту деньгу отпечатывали на машине, просто ошиблись, поставили не ту цифру.

— Да, наверно... Или... могло еще вот как быть. Белогвардейцы, когда захватили власть, решили всем показать, что она на веки вечные, вот и начеканили свои деньги на много лет вперед!

— Да, конечно... — охотно согласился Вася. Мороженое между тем кончилось, стаканчик бросить было некуда, Вася облизал его и вместе с палочкой затолкал в карман. А мальчик все покачивал на ладони, все разглядывал пятирублевую монету 2002 года. И наконец со вздохом протянул Васе:

— Ты ее береги. Это нумизматическая редкость.

Вася знал, что такое нумизматика.

— Ты собираешь монеты?

— Я много чего собираю. Монеты, марки, военные значки...

— Тогда возьми ее себе.

— Да ты что! — В глазах мальчика зажглась и погасла недоверчивая радость. — Нет. Это же историческая ценность...

— Она для тебя ценность, а мне-то зачем? — убедительно сказал Вася. — Я же не собираю и нашел случайно, мог и не найти...

— Все равно... так нельзя... — В мальчике явно боролись желание и честность.

И Васю осенило:

— Тогда давай на что-нибудь меняться!

— На что? У меня ничего такого нет.

С тревожной догадкой Вася спросил:

— Тебя как зовут?

— Сережка... Сережа...

— А меня Вася... У тебя есть рогатка?

Сережа замигал.

— Рогатка... да, есть. Вот... — Он выволок из просторного вельветового кармана рогатку с распутившейся красной резиной. — Хорошая, дальнобойная. Но все равно же она самодельная. А монета, она же...

— Сережа, я очень прошу, — глядя ему в глаза, сказал Вася. — Давай поменяемся. Мне уж-жасно нужна рогатка и совсем не нужна монета.

— Честное пионерское?

— Что? Ну, да... Да! Честное...

— Ну... тогда спасибо... — И вдруг спохватился, как-то оцетинился даже: — А ты что? Хочешь из нее по птицам стрелять?

— Ты с ума сошел? — жалобно возмутился Вася. — У нас так никто... ни один мальчишка... никогда... Мы соревнования устраиваем, по мишеням...

— Тогда ладно...

Смущенно сопя, Сережа стал заталкивать поглубже в карман свое новое сокровище. А Вася — рогатку.

Вокруг стоял обычный, как во всех цирковых антрактах шум. Люди уходили и возвращались, наступали сидевшим на ноги, извинялись, доедали мороженое... Униформисты в это время ставили на сцене высокие стойки с растяжками, налаживали между ними толстую черную проволоку. Свет был приглушен, вразнобой пиликал оркестр. И вот лампы опять стали яркими. Трубы и скрипки снова сыграли кусочек марша из кинофильма «Цирк». Петр Федорович возник из-за алых бархатных штор и возвестил:

— Канатоходцы Елизавета Краух и Валентин Цибульский!

Вася глянул на Сережу. Тот снова надул толстые губы.

— По сравнению с Юленькой это чухня...

Вася и сам понимал, что зрелище будет не очень завлекательное (а Юленьки больше не будет). Одно только было забавно — клоун Поликарп Фомич, опять у всех на арене путался под ногами. И наконец оказался впереди тожественно вышедших

канатоходцев.

— Поликарп Фомич, не могли бы вы пока постоять в сторонке! — сделал ему громкое замечание Петр Федорович.

— Ни в коем случае! Мне сегодня обещано выступление! Прежде Елизаветы и Валентина!

— Вот как?! И чем же вы собираетесь удивить наших уважаемых зрителей!

— Как чем! Я буду танцевать на проволоке! Это мой любимый номер!

— Да разве вы умеете?! По-моему вы хвастаете!

— Как вам не стыдно, Петр Федорович! Я никогда не хвастаю!

Петр Федорович вопросительно посмотрел на затянутых в костюмы с блестками канатоходцев. Те развели руками (что, мол, поделаешь) и жестами пригласили Поликарпа Фомича подняться по лесенке. Тот снял свой перекошенный полосатый пиджак, пошевелил плечами и полез на площадку, цепляясь за ступеньки огромными башмаками. Зрители восторженно выли (особенно мальчишки). На площадке Поликарп Фомич испуганно покачался и послал зрителям воздушные поцелуи. Бросил вниз свою громадную клетчатую кепку. Раскинул руки. Ступил на проволоку. Стало тихо. Поликарп Фомич сделал два шажка, закачался, громко сказал «ай!».

— Да он притворяется, — шепотом успокоил Сережа Васю. — Он умеет...

Возможно, Поликарп Фомич умел ходить по проволоке. Но сейчас он всячески показывал, что *не умеет*.

— Ай, мама! — заголосил он, сорвался, ухватился за проволоку и повис, болтая ногами. Один башмак упал на арену, под им оказался красно-белый полосатый носок. Униформисты подхватили неудачливого канатоходца, поставили на опилки. Зрители бурно веселились.

— Чего они хохочут?! — оскорбленно спросил Поликарп Фомич. Из глаз его ударили две сверкающие струйки слез.

— Вы сами виноваты, — объяснил рассудительный Петр Федорович. — Потому что взялись за дело, которому не учились!

— Да-а! Легко делать то, чему учился! А вот попробуйте сами, если ни разу ни ступали на проволоку. А? Ну! Попробуйте!

— Я не буду! — решительно сказал Петр Федорович. — И вам больше не советую. Смотрите, зрители смеются...

— Да! Смеяться легко! А вот пусть попробуют сами! А? Ну! Что, испугались?! Давайте! Кто хочет?!

— Я хочу! — услышал себя Вася будто со стороны.

Он сам не понимал, что с ним случилось. Словно кто-то другой управлял его мыслями, движениями, голосом. Он быстро сдернул с Колеса и повесил на шею шину. Перешагивая через чужие ноги, добрался до лестницы в проходе и быстро зашагал к арене. А в ушах опять была музыка, которая называется «Вивальди». Сквозь эту музыку Вася услышал, как кто-то громко сказал:

— Да это ихний! Их нарочно сажают среди зрителей.

«Наверно, и Сережа решит, что я из артистов», — мелькнуло у Васи. Но это было неважно. Гораздо важнее, чтобы Юленька Вишнякова увидела, что может мальчик в

футболке со звездами. Ведь она же наверняка смотрит на арену из-за кулис! Вася лихо перескочил барьер арены.

Петр Федорович быстро подошел к нему. Нагнулся, тихо спросил:

— Мальчик, ты откуда? Зачем? Тебя нет в программе...

— Я могу! Я сейчас... — Он уклонился от растерянного Петра Федоровича и бросился к стойке с лесенкой. Было ничуть не страшно. Было ясно, что для того он, Вася Перепёлкин, и оказался в этом старинном цирке. Сейчас будет коронный номер!

Вася легко взобрался на площадку. Не глядя по сторонам, поставил Колесо желобком на проволоку. Взлетел на педали, выпрямился. Раскинул руки-крылья. Было тихо. Масса зрителей и арена виделись размытыми пятнами. «Вперед!» — скомандовал Вася. И Колесо покатило по тугому дрожащему тросу.

Оно ехало не быстро. Наверно, чтобы зрители могли как следует разглядеть храброго мальчишку. Оказавшись у другой площадки, Вася подпрыгнул, повернулся лицом в обратную сторону. Помахивая руками, поехал назад. Раздались хлопки. Громче, громче. Широкие лучи прожекторов охватили Васю теплым тугим светом. Вася перескочил на педалях снова, поехал по проволоке третий раз. И теперь не просто так! Он подпрыгнул, согнулся в воздухе, уперся в педали ладонями и сделал стойку. Стойка вышла отличная, раньше у Васи такая никогда не получалась даже на земле.

Хлопали и шумели теперь изо всех сил. Ветер успеха и славы обвевал Васю теплыми взмахами. Конечно, все это было как во сне (а может, и правда сон!). Однако радость была настоящая. Вася толкнулся руками, снова встал на педали ступнями. Опять выпрямился и раскинул руки. Теперь Колесо не двигалось, Вася стоял, балансируя, посреди проволоки. Быстро глянул на бархатный занавес. Почудилось (или не почудилось?), что между складок мелькнули светлые волосы и блестящие глаза.

«Вперед!» Но в этот миг обрадованно грянул оркестр. Вася вздрогнул. Удар музыки словно встряхнул все пространство. Изменил его природу, сделал не сонным и сказочным, а настоящим. Вася обмер. Он отчетливо увидел тысячи обращенных к нему лиц. Ощутил, какая под ним пустота и как далеко до арены.

«Я же сейчас грохнусь!» Храбрый звездный артист на глазах у всех стремительно превращался в перепуганного третьеклассника Недопёлкина! Вася закачался, нелепо заболтал руками.

«Держись!» — ударил его через подошвы приказ Колеса.

«Я не могу! Я...»

«Держись, тебе говорят! Не смотри по сторонам, смотри вперед и не думай ни о чем!»

Вася широкими от ужаса глазами глянул вперед. Там замерцала зеленая искра. За нее он спасительно ухватился взглядом. Колесо покатило, все быстрее, быстрее. У площадки не остановилось, перелетело ее и помчалось про тонкой серебристой линии. Что это было? Словно еще одна проволока — из белого металла, дрожащая, певучая. Она спиральями огибала пространство над ареной.

Как ни перепуган был Вася, а прежние навыки в нем сидели крепко, сами по себе. Это называется «на уровне инстинктов». Вася вновь обрел равновесие. Да и держать его на скорости было гораздо легче. Лица зрителей размазались в полосы, мельканье

ламп превратилось в золотой ручей. Проволока над ареной виток за витком уходила выше, выше, Вася летел к куполу, и страх сметало встречным ветром. Футболка трепетала так, что, казалось, зеленые звезды срывались и улетали к зрителям.

Куда он мчался, зачем? Вася не думал (ведь Колесо велело: «Не думай!»). Достаточно было, что страха не осталось. Еще немного, и музыка «Вивальди» вспомнится снова... Но темный купол приближался, в нем чернело ночное отверстие со звездами (наверняка это была дырка в репродукторе). Тонкий серебристый путь вел именно туда. И вот мелькнули края люка. Васю выстрелило в звездное пространство. Прокатился мимо и пропал внизу ноздреватый шар Луны. Перепутались и рассыпались яркие созвездия. Васю охватила теплая щекочущая тьма. Скорость стала угасать

«Где мы?» — наконец решился спросить Вася.

Колесо не ответило. Оно затормозило так резко, что Вася не удержался на педалях. Сорвался вперед, коленями и ладонями упал на плоский камень. Колесо догнало его, тюкнуло ободом в ступню.

Вася постоял на четвереньках, помотал головой и встал.

Много колес и Васино Колесо...

Сумрак стал реже. Сделался серовато-зеленым. Тихо клубился. Сквозь клубы и медленные завихрения проступали колеса. Да, множество колес. Они были всюду и — самые-самые разные. Одни — размером с доньшко стакана, с блюдце, с тарелку; другие — с колесо грузовика, с круглый стол; а еще — с гребные колеса «Богатыря», с музейные куранты, с цирковую арену. Чем дальше, тем громаднее. Васе даже почудилось, что в дальней дали, за слоями редющего тумана выгибаются под самое небо совсем уже гигантские дуги — очевидно это были части колес невероятного размера.

Но сначала Вася не приглядывался. По правде говоря, не очень-то было интересно. Было стыдно — за свой недавний страх на проволоке. Как он перетрусил, как чуть не оскандалился при всем народе! И при Сереже. И при Юленьке...

«Ну?» — насупленно сказал Вася.

«Что?» — без особой ласки откликнулось Колесо.

«Вот и я говорю: что? Что дальше-то? Куда нас занесло?»

«А ты погляди вокруг, может, поймешь...»

Вася поглядывался, но не понял. Разглядел только еще больше колес, чем в первый момент. Некоторые висели в воздухе сами по себе, другие были сцеплены друг с дружкой зубчиками, приводными ремнями, всякими шатунами и кривыми рычагами. Одни резво вертелись, другие нехотя поворачивались, а были и такие, что казались неподвижными. А еще Вася слышал звуки похожие на шелест стрекозиных крыльев и тихую трескотню кузнечиков. Наверно, это стрекотали и часто тикали крохотные медные шестеренки, которые заполняли собой почти весь воздух в промежутках среди более крупными колесами. Они крутились очень быстро и поблескивали. Да, поблескивали, потому что сквозь расплывшийся туман пробивались лучи. Они были неяркие, словно отраженные от стен, однако сделалось теперь похоже на утро.

За шелестом и стрекотом слышались более «солидные» звуки — урчание и пощелкивание более крупных шестеренок, шорох ремней, шуршание подшипников. А совсем в отдалении — рокот и шевеление непостижимо громадных механизмов. Но все это очень и очень негромко, еле слышно.

Кроме звуков ощутил Вася запахи. Пахло кисловатой медью — словно из потрохов старого будильника. Пахло оплавленной изоляцией. А еще — ацетоном. Точнее, клеем, на которым собирают пластмассовые модели (Вася склеивал им старинный самолетик). Какие-то слишком «технические» запахи. Впрочем, они, как и звуки, были едва различимы.

«Сообразил в конце концов?» — сухо поинтересовалось Колесо.

«Нет...»

«Вообще-то мне казалось, что ты умнее...»

«Не понимаю, почему ты сердишься», — примирительно сказал Вася.

Колесо, кажется, слегка смутилось.

«Не очень-то я и сержусь. Просто обидно...»

«Что тебе обидно?»

«То, что ты... вот так... будто я ни на что не гожусь. Перестал мне верить».

«Ты что?! С оси съехало?!» — жалобно возмутился Вася.

«Сам ты съехал... Задержался на проволоке, как тот теленок из стихов: ох-ох, доска кончается, сейчас я упаду!.. Неужели думал, что я тебя не удержу?»

Вася честно сказал:

«Я про тебя тогда вообще не думал. Увидел, сколько людей вокруг и какая высь, вот и растерялся... »

«Вот и плохо. Надо было думать про меня, а не про ту девчонку на велосипеде. Тогда бы ничего не случилось».

«Я про нее не думал вот ни столечко!»

«Врешь...»

«Вру, — понял Вася. — Мне же показалось, что она смотрит из-за кулис».

И он соврал дальше, стараясь быть правдоподобным:

«Я даже и не про нее, а про ее скрипку думал. Музыка понравилась вот и все...»

«Из-за них всегда одни неприятности... — не оставляло свою тему Колесо. И вдруг срифмовало:

Гули-гуленьки,
Мики-Юленьки!
Как же мне, ответьте,
Жить на белом свете?

«Перестань», — мягко, но твердо потребовал Вася. (Тыфу ты, надо же так написать — «мягко, но твердо»! Но это было именно так).

«Пожалуйста. Мне-то что, — отозвалось Колесо с равнодушным зевком (если можно так сказать по колесо). — В конце концов, мне все равно. Особенно, когда мы здесь.»

«Где здесь?! — вскинулся Вася с новой досадой. — Скажешь ты наконец?»

«Это ВПК», — очень значительным тоном сообщило Колесо.

«Что за ВПК? Военно-промышленный комплекс?»

«Сам ты!.. Это Всемирное Пространство Колёс!»

«Зачем?» — слегка обалдело спросил Вася.

«Что зачем?»

«Зачем оно, это пространство?»

«Дурацкий вопрос, — всерьез обиделось Колесо. — Ты же не спрашиваешь, зачем небо, земля, звезды и вообще вселенная. Она есть, вот и все. ВПК — это часть вселенной. Здесь собраны колеса, которые управляют всем-всем на свете, во всех галактиках и мирах. И каждой судьбой...»

Вася чуть опять нее спросил «а зачем», но вовремя тормознул и задал другой вопрос:

«А как управляют-то?»

«Откуда я знаю! Я не философ Спиноза, а левое заднее колесо от детского

велосипеда. Нашел кого спрашивать... Управляют, вот и все.»

«А тогда зачем ты... зачем мы тут оказались?»

«Случайно... Надо было тебя спасать, вот я и выбрало первое, что пришло в голову. Чтобы подальше унести ноги...»

Вася вспомнил, что ничего случайного не бывает. Так говорила мама папе и Васе, если они при мытье посуды разбивали блюдце. Но Колесу он сказал не то:

«Я хочу домой...»

«Тебе здесь не нравится?»

А что здесь могло нравиться? Нет, Всемирное Пространство Колес не вело себя враждебно, ничем не угрожало Васе, но и ни капельки гостеприимства в нем не было. ВПК и Вася Перепелкин были совершенно не нужны друг другу.

«Здесь... непонятно», — вздохнул Вася. Он не решился сказать «скучно».

«Домой ты попадешь очень скоро, — пообещало Колесо. — А пока все же погляди вокруг. Пользуйся случаем. Не каждому из людей удастся побывать внутри ВПК. Может быть, ты даже самый первый. Будешь потом вспоминать и удивляться.»

«А ведь и правда», — подумал Вася. И стал оглядываться снова.

Они с Колесом находились на круглой каменной площадке — она была как островок среди живущей непонятной жизнью мешанины колес и колесиков. Кое-где среди громадных дисков и колец со спицами возвышались причудливые утесы и разлапистые деревья, но при внимательном взгляде видно было, что и они слеплены из множества колесиков и шестеренок. И даже облака над головой были (Вася это чувствовал) из мелких, как чешуя колечек и дисков. А в воздухе была рассеяна медная искристая пыль. Вася понимал, что каждая пылинка тоже колесо — меньше, чем самая мелкая шестеренка из самых крохотных дамских часиков. Васе даже показалось, что эти шестеренки щекочут его щеки. Он стал дышать совсем осторожно, чтобы не вдохнуть какое-нибудь колесо-молекулу...

Колесо шевельнулось у Васиной ноги:

«Помнишь, в твоей энциклопедии есть картинка из старой-старой книжки. Ученый монах подобрался к самому краю небесной тверди, сунул голову в дыру и увидел другое пространство?»

«Ага! Там тоже колеса... Это и есть ВПК?»

«Да, только в старинном понимании. И монах-то его видел с краешку, а ты из самой гущи... К тому же он ничего не понял».

«Я тоже», — признался Вася.

«Конечно, тут во всём разобраться трудно. Смотри на главное. Вон там, у горизонта видишь еле шевелится колесо с узорчатыми спицами?»

«Вижу...» — Еще бы не видеть! Оно было громадное, как галактика.

«Это колесо истории. От него зависят все события во всех веках... А вон то...»

«Вон то» было еще более великанским. Оно возвышалось над клубящимся горизонтом на две трети и казалось неподвижным. От его втулки расходились два крыла. Очень похожие на ватманские крылышки, которые когда-то Вася прицеплял к своим кроссовкам, только в миллиарды раз громаднее. Они были светло-серые и чуть золотились. Васе подумалось, что все это похоже на шоферскую эмблему космических

масштабов. Но услышал совсем другое объяснение:

«Колесо фортуны...»

«Чего колесо?»

«Всеобщей судьбы. Его невидимая ось соединяется со множеством других колес, а через них еще с другими и еще, еще... С колесиком каждого человека. И каждой мошки, каждой былинки...»

«Значит... у меня здесь тоже есть колесико?» — слегка обмерев, спросил Вася.

«А как же!.. Только разве его разыщешь в этом бесконечной пространстве! Да и зачем? Никаких колес касаться нельзя, здесь очень отлаженный механизм...»

Вася подумал. Огляделся еще раз. Насупился.

«А если он такой отлаженный... почему тогда не у всех судьбы счастливые? Или так задумано с самого начала?»

«Конечно нет! Задумано, чтобы всё у всех было хорошо! Но мешают метеориты!»

«Какие метеориты?»

«Которые пробиваются сюда из других пространств. Бывает, что как врежутся в гущу колес, как устроят там винегрет... Вон, смотри!»

Несколько огненных полосок прочертили зеленоватое небо среди рыхлых облаков. Но куда попали метеориты и случился ли там винегрет, было неизвестно.

«А ведь могут вляпать прямо сюда», — подумал Вася. Но снова попроситься домой не посмел: не хотелось опять выглядеть трусом. Он только поежился.

А Колесо вдруг попросило виноватым тоном:

«Знаешь что... побудь тут немножко без меня, а? Мне очень надо съездить по одному делу, повидаться кое с кем...»

Конечно, оно сразу почуяло, в какой панике заметалась Васина душа. И пообещало совершенно железно:

— Я вернусь точно через семь минут. Ни секундой позже. А ты пока спокойно любуйся...

Чем тут любоваться-то? Правильнее всего было бы вцепиться в обод и взвыть: доставь, мол, сперва меня в родной Осинцев, а потом катись куда хочешь, если тебе приспичило! Но... Вася пожал плечами:

«Гуляй, раз тебе так надо...»

Видимо, Колесо не ожидало столь скорого согласия. Радостно подскочило.

«Я быстро!.. Пожалуйста, надень на меня шину.»

Вася, машинально работая пальцами, снял с шеи и натянул на кольцевой желоб резину. И Колесо усвистало с каменной площадки за ближнее нагромождение ободов, спиц и шестеренок. Только педали мелькнули, словно крыльшки.

Вася почувствовал, как опять устали ноги. Сел по-турецки и стал ждать.

Сначала он решил считать секунды. Семь минут это четыреста двадцать секунд. Не так уж много. «Одна, две, три, четыре, пять, шесть...» Но стало вдруг страшно: «Сосчитаю, сколько надо, а оно не появится! Тогда что?» Который раз он глянул по сторонам. Пейзаж ВПК был все тот же — громадный, фантастический и совершенно чужой. Не страшный, но и не нужный Васе. Над головой опять мелькнули полосы метеоритов. «А если они попадут в Колесо?.. А если оно заблудится?.. А если оно... —

Тут Васе сделалось стыдно за свои мысли, но избавиться от них он не смог и впервые усомнился в преданности Колеса. — Если оно меня сюда... нарочно... и бросило насовсем?»

«Совсем спятил, да? — сказал он себе. — Если уж не верить Колесу, кому тогда еще верить?»

«Да... но в последнее время оно сделалось какое-то не такое...»

«Какое бы ни сделалось, оно тебя ни разу не подводило!»

«Но если куда-нибудь заносит, случаются неприятности...»

«В Незнакомом городе разве были неприятности?»

«Там не было, но потом Филипп и Оля все равно поссорились...»

«При чем здесь Колесо?»

«А при том, что... все оказалось напрасно. И все приключения, и Барашков переулочек...»

«А в цирке-то чем оно виновато? Ты сам перетрусил! Оно тебя выручило!»

«Ага! И зачем-то принесло сюда!»

«Но здесь-то пока никаких неприятностей нет!»

«Вот именно пока...»

В том, что неприятности будут, Вася почти не сомневался. И оказался прав.

Нет, Колесо его не бросило в непонятном мире ВПК. Оно появилось довольно скоро. Видимо, в самом деле не позднее, чем через семь минут. Но когда появилось, приткнулось к Васиному боку слишком уж виновато. И сообщило как-то слишком уж безрадостно:

«Нам надо серьезно поговорить. Пора...»

Вася, который до этой секунды держался невозмутимо, сразу обмяк: вот оно...

«Ну, говори...» — И подумал: наверно, забыло дорогу домой.

«Я покажу тебе совсем простую и короткую дорогу, — тем же грустным тоном пообещало Колесо. — Но ты иди по ней один. Мне надо тут... задержаться.»

«Надолго?» — Вася все еще старался казаться спокойным.

«Ну... если честно, то навсегда.»

Вася велел себе: «Только не вздумай пустить слезу». Помедлил. Свел коленки, посадил на них Колесо, как котенка.

«Мару... Это из-за девчонок, да?»

«Ну что ты говоришь, — устало откликнулось Колесо. — При чем тут девчонки. Просто время пришло...»

«Почему?..»

«Потому что пришло... Ты скоро вырастешь. Я тебе буду зачем? Ось не станет выдерживать новую тяжесть. И спицы... Я не смогу тебя катать.»

«Не надо меня катать! Вот глупое... Мне надо просто, чтобы ты *было*...»

«*Быть* я могу где угодно. Здесь, например... Здесь мне обещали неплохое место. Среди колес в системе регулировки магнитных полей. Там одно недавно пострадало от метеорита, вот я на его место...»

«Мару... но это ведь не со мной!»

«Я понимаю. Мне тоже невесело. Но надо думать и о работе. Каждое колесо

должно вертеться, пока в силах, а у тебя я вертеться скоро не смогу... И буду как ноль без палочки.»

«Я еще не скоро вырасту! А когда вырасту, мы будем просто дружить. Разговаривать...»

«Разговаривать ты можешь и с Гуревичем.»

«Он просто старый болтун!» — вырвалось у Васи.

«Ну зачем ты так. Он славный старик, беседовать с ним одно удовольствие... А дружить ты будешь с Микой. И с Максимкой. И с Шуриком Кочкиным. Он давно хочет, а ты не замечаешь, хоть и сидите рядом...»

«Это совсем другое дело. Это... не то...»

«Ну что поделаешь...» — как-то по старчески отозвалось Колесо.

Вася понял, что сейчас все-таки заплачет. И сдержался не от стыда. Не от гордости. Просто слезы вдруг заморозились от простого понимания: *всё бесполезно*. Если бы можно было что-то изменить слезами, Вася пролил бы их целые реки. С криком, с рыданием!. Но... сейчас он ощутил, что все предрешено. История дружбы Васи Перепёлкина и Колеса подошла к концу. Именно такой конец определили сцепка и вращение каких-то неведомых колес в равнодушном мире ВПК.

Это как в отснятом раз и навсегда фильме. Можешь смотреть его сколько угодно или не смотреть совсем, но конец изменить невозможно никакими силами. Он сделан заранее и не изменится, хоть разбей головой телевизор...

Вася снял с колен и опустил Колесо к кроссовкам.

«Знаешь что, Вася...»

«Что, Мару?»

«Ты... давай не будем долго прощаться. Ты заплачешь, я тоже... покроюсь ржавчиной.»

«Давай не будем...» — согласился Вася и быстро погладил шину. Ох как плохо ему было, ох как горько. Но и Колесу, наверно, не многим легче. Оно последний раз ткнулось Васе в ногу:

«Я поеду...»

«Ладно... Подожди, а мне-то куда деваться?»

«Да вот же лестница! — Оказалось, что от площадки ведут вниз широкие бетонные ступени. — Спускайся и через десять минут будешь дома.. Ну, пока...!» — И Колесо отскочило.

— Счастливо, Мару... — сипло сказал Вася ему вслед.

Колесо не укатило, а словно растаяло в воздухе. А Вася стал спускаться.

Сначала лестница широкими изгибами вела все через тот же мир колес. Они крутились, поворачивались и щелкали совсем рядом и поодаль, громоздились у горизонта. Вася на них не смотрел. Он их ненавидел за то, что они отняли у него е г о Колесо. Смотрел на ступени и на свои ноги.

И все же на два колеса Вася обратил внимание. Они висели в воздухе у края лестницы, на высоте Васиного локтя. Каждое размером с тарелку. Они сцепились крупными зубцами, как две шестерни в громадном часовом механизме и пытались

повернуться. Толчок, еще толчок... Ничего не получалось. Потому что между двух зубцов попал каменный осколок. Треугольный кусок гранита, размером с наконечник стрелы. Скорее всего он был частицей метеорита. Колеса пытались преодолеть помеху — раздавить или выплюнуть камень. Но тот был тверд и сидел крепко.

«Тук... Тук... Тук...»

Вася остановился. Придержал верхнее колесо, чтобы не мешало. Ухватил двумя пальцами застрявший в зубьях нижней шестерни осколок. Пошатал, дернул. Выбросил... «Тукки-так, тукки-так, тукки-так», — благодарно застучали два колеса. И Васе стало чуточку легче. Хотя, конечно, то, что он сделал, не имело никакого значения...

Скоро мир колес кончился, лестница потянулась в сплошном сером тумане — таком, что едва видны были ближние ступени. Вася шагал машинально. Он не думал, скоро ли кончится этот путь. Колеса не стало, а тревожиться о чем-то еще не было сил.

Может быть и правда прошло десять минут. А может быть всего пять. Или час. И наконец туман исчез, а Вася увидел веселой солнечный свет. Солнце падало в высокие окна. Это были окна лестничной площадки. Вася узнал площадку. Узнал и коридор, который начинался от нее. Это был коридор Васиной школы.

В коридоре клетчатыми шеренгами выстроились начальные классы.

«Ни слова о дедушке!»

Было очень тихо. Только щелкали по ступеням Васины кроссовки. Они щелкали все реже. Потому что Васины ноги сами собой замедляли шаги. И за пять ступенек до конца лестницы замерли совсем.

Третьи и вторые классы смотрели на Васю испуганно и удивленно. Вася заметил среди ребят Мику — она смотрела так же. Все девочки и мальчики были в форме, и перед каждым учеником лежал школьный рюкзачок или ранец. У Васи мелькнула мысль о десантниках, готовых к посадке в самолет. Но, конечно, никакого самолета не было. А был завуч Валерьян Валерьянович Игупкин.

Валерьян Валерьянович стоял в дальнем конце коридора, на фоне другой лестницы. Там, где Вася видел его последний раз, весной. Волосы его блестели все так же — как черные начищенные полуботинки. Видимо завуч собирался сказать речь. Но теперь он заметил Васю и слегка изменился в лице.

— О!.. А!.. — сказал Валерьян Валерьянович. — Весьма отрадно! Мы видим ученика третьего класса «А» Перепёлкина! — Голос у него был громкий и ненатуральный, как у клоуна Поликарпа Фомича. — Прекрасно! Нет сомнения, что Перепелкин решил наконец исправить свою давнюю ошибку и при всех спуститься по лестнице, *по которой следует!*

Вася оглушенно молчал.

— Только непонятно, почему ты, Перепелкин, без формы и без школьного имущества? — спросил Валерьян Валерьянович. Впрочем, без лишней строгости.

— Зачем? — сказал Вася машинально. Его негромкий вопрос разнесся по коридору почти с той же звучностью, что и голос завуча. Опять было похоже на сон.

— Как зачем?! — удивился завуч Игупкин, и его голос был по-прежнему, как у Поликарпа Фомича. — Разве ты забыл, что на линейку тридцать первого августа всем полагалось прийти полностью готовыми к школе?

«Разве уже тридцать первое августа?» — чуть не вырвалось у Васи. Но он представил, как его вопрос опять раскатится по коридору, и сжал губы. Да и не было смысла спрашивать. Выше головы завуча, над лестничной площадкой, Вася увидел большущий (с чемодан размером) настенный календарь. Черное число беспощадно указывало, что сегодня последний день лета.

«Как это могло случиться?!»

Вася глазами опять поискал Мику, но теперь не нашел. Зато увидел Шурика Кочкина. Тот, однако, на Васю не смотрел, нагнулся и что-то делал с рюкзачком...

— ...Но в конце концов это не самое главное, — снова докатился до Васи голос Валерьяна Валерьяновича. И сейчас в этом голосе были снисходительные нотки. — Главное, что Перепёлкин наконец спустился к нам правильным путем! И давайте поприветствуем Перепёлкина!

Валерьян Валерьянович захлопал, и шлепки его ладоней были похожи на пистонные щелчки. Но больше никто хлопать не стал. И сделалось опять очень тихо.

Липкая густая тоска хлынула на Васю, как смола из перевернутой бочки. Он почти задохнулся. Потому что ничего хорошего у него, у Васи Перепёлкина, не осталось.

Колесо его бросило. Лето предательски кончилось. Всё свелось к тому, что судьба привела Васю на лестницу, по которой он не хотел спускаться в мае, а теперь все-таки *обязан* сойти.

Вася повернулся и пошел наверх. Густая смола мешала ему, он еле передвигал ноги. И все же шел.

— Перепёлкин, вернись! — закричал завуч, словно Поликарпу Фомичу наступили на ногу. — Ты опять за свое! Не смей! Ты куда?!

А разве Вася знал, куда? Он шел вверх, чтобы не идти вниз. На миг ему подумалось, что, может быть, лестница снова приведет его в туманные миры и там он, измученный до полной потери сил, ляжет на ступени и будет лежать так целую вечность. И ничего не чувствовать. Это был бы самый лучший выход...

Внизу, у Васи за спиной нарастал гвалт. Валерьян Валерьянович кричал что-то очень тонко и визгливо. Зато Васе стало легче. Он как бы выдернул себя из липкой смолы. Еще шаг, еще, и Вася побежал по ступеням...

Жаль только, что никаких туманных миров не было, а были второй этаж, третий, четвертый... И, как в прошлый раз, Вася устремился по коридору. «Может быть *всё* получится, как *тогда?*»

Но на чердачном люке висел могучий замок, и лесенки не было. Вася загнанно оглянулся. Ближнее окно показалось приоткрытым. Вася потянул створку, она отошла. Вася толкнул другую створку, животом прыгнул на подоконник, перегнулся. Снаружи под окном был карниз — шириной почти с Васину ступню. Он тянулся вдоль всего здания. Вася понял, что если по нему двинуться (осторожно, аккуратно), можно добраться до торца, а там, за углом, — пожарная лестница. *Та самая...*

Вася это еще обдумывал, а руки-ноги действовали сами собой, перенесли его через подоконник. Он легко выпрямился на карнизе, сделал два шага вправо, прижался спиной к штукатурке между окнами. Августовский день охватил его теплом и простором. Опять увидел Вася знакомые кварталы Осинцева, блестящий изгиб реки. В густой зелени желтели проплешины. Это клены — они всегда начинают увядать раньше всех.

Пустота начиналась сразу под носками кроссовок. И она не пугала. Мало того, она даже звала к себе. А может быть, не она... Словно кто-то ласковый и пушистый шевельнулся внутри у Васи и шепнул, что дальше идти не надо.

Зачем идти-то? Ну, спустишься по лестнице, ну, проберешься во двор старого дома... Второй раз Колесо не встретится, оно далеко. Вертит чьи-то судьбы и дела. Наверняка не Васины. Иначе он здесь не оказался бы снова. И зачем так мучиться, двигаться по карнизу, когда ноги гудят от усталости, а там, за поворотом, все равно *ничего хорошего...* Не проще ли наклониться чуть-чуть?

«Вот забегают-то... — подумалось Васе как тогда, в мае. — И пожалеют...»

А ноги правда вдруг ослабели, подгибались сами собой. И было так приятно отдалиться этой усталости, закрыть глаза и...

Что-то твердое ударило Васю в грудь, уперлось, заставило вжаться спиной в стену. Он распахнул глаза.

Перед ним висело Колесо с торчащими фанерными педалями. И давило, давило

грудь шиной. И педали, словно крылышки, дрожали от возмущения.

«Дурак! Ну-ка очнись!»

Вася замигал.

«Посмотри на кроссовки!» — приказало Колесо.

Вася посмотрел.

Прямо от разбитых кожаных носков уходил полого вниз прямой сияющий рельс. Он сперва тянулся над одноэтажными крышами, в потом терялся в листве.

«Поставь меня на рельс!»

Вася поставил Колесо на узкий металл. При этом он ничего не чувствовал — ни радости, ни страха, ни удивления. Двигался, как заводной.

«Прыгай на педали!»

И Вася прыгнул — сразу двумя ступнями, — как делал это тысячи раз. Привычно взмахнул руками, лоя равновесие. И помчался навстречу зашумевшему воздуху — над домами и заборами, над кустами и травами. Все это замелькало с нарастающей скоростью и наконец — трах, бах!

— Ой, мама-а!!

Казалось, самые кусачие сорняки, самые шипастые колючки произросли в одном месте, чтобы поймать в свою ядовитую гущу третьеклассника Перепёлкина. Вася пробил в них короткую просеку, перевернулся через голову и сел. Колесо тут же приткнулось к его боку.

«Это не мама, — назидательно сообщило оно. — Мама добавит от себя, когда узнает. А это пока от меня. Чтобы в голову не лезла больше никакая дурь».

Вася сразу понял, про какую дурь говорит Колесо. Но надул губы.

«Ничего мне не лезло... Откуда тебя принесло? Сперва лупит в поддых, а потом еще швыряет в крапиву...»

«А что было делать? Бабочка на этот раз тебя не спасла бы», — деловито разъяснило Колесо.

«Откуда ты знаешь про бабочку?» — Вася за хмурым тоном спрятал виноватость.

«Ха... — непонятно отозвалось Колесо. И уже с другой, почти маминой ноткой заметило: — Оказывается, тебя ни на минуту нельзя оставить одного».

«Вот и не оставляло бы...» — буркнул Вася.

«Разве я могло догадаться, что ты опять начнешь думать о таких глупостях!.. Не стыдно?»

Васе стало стыдно.

«Я ничего и не думал! Это... как будто внутри меня кто-то завелся и давай шептать...»

«Кто именно? И какой?» — строго спросило Колесо.

«Ну... маленький такой, мохнатый. Хитрый...»

Колесо понимающе вздохнуло:

«Это волосатый мыш-коротыш...»

«Кто?»

«Зловредное такое существо. Заводится в человеке, когда тому плохо, и толкает... ну, сам знаешь, куда... Надо его немедленно известить!»

«Как?» — буркнул Вася.

«Вытащить наружу, засунуть в ружье Акимыча и выпалить в небо. Чтобы летел подальше!»

«Как его вытащишь-то?» — хмыкнул Вася, растирая на себе ладонями царапины и укусы. Он не поверил Колесу и говорил с ним лишь бы говорить. Лишь бы оно не намылилось опять в свое ВПК.

«Вытащить — раз плюнуть. Закрой глаза...»

Вася закрыл.

«Теперь поскреби затылок. Сильнее. Будто хочешь кого-то нащупать в волосах...»

Давно не стриженный затылок был косматым, волосы там перепутались. Вася стал скрести его даже с удовольствием и вдруг среди волос в самом деле зашевелилось, задергалось что-то живое и постороннее, размером с крупный орех. Вася сморщился, потянул...

В пальцах у него оказался... ну не поймешь кто. Вроде крохотного, пузатого, обросшего черной щетинкой человечка. Он еле слышно пищал, дергал скрюченными ручками-ножками. Внутри у него что-то пульсировало. Вася чуть не заорал от нестерпимого отвращения. Размахнулся, чтобы швырнуть.

«Не смей! — неслышно взвыло у него под боком Колесо. — Ты не забросишь далеко, он вернется!»

«Но я не донесу до парохода! Противно же!»

«И не надо! У тебя есть рогатка! Забыл?!»

Вася забыл, но сейчас обрадованно вспомнил. Левой рукой выдернул из заднего кармана рогатку с намотанной красной резиной. Помахал, чтобы резина распуталась. Засунул запищавшего пуце прежнего мыша-коротыша в широкую кожанку (не выронить бы!), сжал. Вскочил, натянул резину изо всех сил.

«Целься повыше!.. Стреляй!»

Вася с великим облегчением выстрелил. Черный мыш-коротыш сразу растаял в воздухе. Вася передернул плечами. Опять сел в примятые и уже неопасные сорняки.

«Он не вернется?»

«Нет... Старайся только, чтобы не завелся новый.»

«Как стараться-то?» — виновато насупился Вася.

«Подумай, может, догадаешься...»

«А ты как догадалось? Ну... что надо успеть на карниз...»

Теперь насупленным и виноватым сделалось Колесо. Пробубнило неразборчиво:

«Так и догадалось. У нас, между прочим, созвучие. Забыл, что ли?»

«Я-то ничего не забыл...» — не удержался от упрёка Вася. С горечью вспомнил прощание там, среди колес...

«Ну... и я... Хватит уж дуться-то. Мог бы и спасибо сказать, что я подросло в самый раз. А то что было бы?»

«Лепешка, — сумрачно признался Вася. И вздохнул: — Спасибо... — И наконец решился, спросил о главном: — А ты насовсем вернулось?»

«Насовсем... Тебя разве можно оставить без присмотра? Да и большие колеса сказали...» — Колесо ощутимо засопело.

«Что они сказали?» — радостно спросил Вася.

«По правде говоря... Главный Всемирный Гироскоп сказал, что я дурак...»

Вася обиделся за друга:

«Почему?! Какое он имеет право?! Этот самый... главный, всемирный...»

«... Гироскоп. Он имеет, он отвечает за устойчивость всех миров... Говорит, что каждое колесо должно вертеться на своем месте. Там, в ВПК, и так хватает колес, в том числе и безработных. А у тебя (то есть у меня), говорит, есть свое место — рядом с Перепёлкиным. Мол, от добра добра не ищут...»

Очень осторожно и все же настойчиво Вася спросил:

— Это он так думает. А ты сам-то... как?

Колесо зашевелилось, будто и его куснула крапива. Потом выговорило:

«Вася. Хватит меня воспитывать. Я ведь вернулось.»

И Вася сразу сказал:

«Ладно.»

Потом они посидели молча. Вася поглаживал потертую шину. Понемногу он соображал, в каком именно месте оказался. Это были пустыри недалеко от овражка — за верхушками бурьяна можно было разглядеть знакомые многоэтажные дома.

Колесо опять повозилось под локтем у Васи:

«А может быть, это и хорошо?»

«Что?» — не понял Вася.

«Ну... что самое главное колесо сказало, что я дурак...»

«Чего хорошего?» — опять надул губы Вася.

«А потому что дурак... он ведь мужского рода. Значит, теперь я тоже могу считаться вроде как пацан. А то надоело всё «оно» да «оно», ни рыба, ни мясо...»

«Ох, верно! — обрадовался Вася. — И твое имя «Мару» вполне может быть мальчишечьим. Только немного иностранного образца.»

«Это неважно, пусть иностранного!»

«Да! Мару, знаешь что?»

«Что?»

«Мне сейчас придумалось такое... будто портрет. Если представить, будто ты мальчик, ты был бы похож на маленького японца. С круглым лицом, с темными волосами и в больших очках! Я такого видел в каком-то мультике. Он был храбрый, веселый такой и всем помогал! И звали его похоже, как тебя, только я забыл...»

«Значит, договорились?»

«Конечно, Мару... — И тут Вася не удержался, хихикнул: — По крайней мере, больше не будешь ревновать меня к девчонкам. Ведь пацаны не ревнуют своих друзей к девичьему роду.»

«А когда это я ревновал?!» — возмущенно подскочил Мару.

«Да все время, не отпирайся.»

«Просто они чересчур прилипчивые, иногда противно даже... Вон, одна опять бежит сюда, хотя и не звали...»

Из-за стеблей репейника появилась взъерошенная Мика.

— Вася! Еле тебя нашла!

— А как нашла-то? — спросил он слегка насупленно (в угоду Мару).

— Я не знаю. — Она поморгала «бабочками» — Наверно, эта... ин-ту-и-ция. Как ты замечательно опять исчез! В точности как в прошлый раз!

«Не в точности», — подумал Вася. И сказал опасливо:

— Что, большой был скандал?

— Большой. Но не долго...

— Будет еще и долго, — приуныл Вася. — И в школе, и дома.

— Не будет! Потому что про тебя почти сразу же забыли! Потому что случился другой скандал! У Кочкина из рюкзака вылез Вовчик и пошел по коридору к Валерьяну Валерьяновичу! А тот... ох как он заверещал! И — скачками вверх по лестнице! Такой шум поднялся! Кто-то кричит: «Валерьянку Валерьяну Валерьяновичу!» Кочкин схватил крыса, сунул в рюкзак и бегом из школы!..

— Попадет бедняге, — всерьез встревожился за Шурика Вася.

— Может, и не попадет. Валерьян Валерьянович сам виноват. Нельзя так бояться мирных животных.

— Завучи никогда не бывают виноваты, — умудренно заметил Вася. — Вот увидишь. Завтра потащат Шурика к нему в кабинет. Да еще с родителями.

— Завтра никто никого не потащит, — сообщила Мика. — У нас будет еще целая неделя каникул, потому что фирма «Мойдодыр» не закончила ремонт водопровода. Это объявили в начале линейки. А ты опоздал...

— Вот это да! — возликовал Вася. Добрая судьба сжалилась и подарила еще семь дней лета!.. Но все же он сказал озабоченно: — Валерьяныч все равно вспомнит. Хоть через неделю, хоть через месяц...

...Забегая вперед, надо сказать, что Валерьян Валерьянович ничего никому не вспомнил. Он просто-напросто больше не появился в школе. Видимо, почувствовал, что крыс Вовчик полностью подорвал его педагогический авторитет. Говорили, что бывший завуч уехал в город Ялупаевск, где жила его тетушка. И там стал заведовать концертной самодеятельностью в клубе фабрики Канцелярских скрепок. Но так ли это на самом деле, никто не знал. Да и никому не было интересно.

Однако все это станет известно позднее. А пока Вася радовался неожиданному продлению каникул. Впрочем, недолго радовался. Сообразил:

«Мару! А сколько же здесь дней прошло, пока я торчал в этом самом ВПК? Мама с папой, наверно, все милиции обзвонили! Что я им скажу!»

«Мама с папой ничего не заметили. Им казалось, что ты дома. Да и вообще им было не до тебя...»

«Как это не до меня?!» — хотел обидеться Вася, но тут опять подала голос Мика:

— А все-таки как быстро пробежало лето, да? Кажется, будто мы только вчера с тобой встретились в этих местах... и помирились. Помнишь? — Она глянула вопросительно и чуточку кокетливо. — Ну, когда мы рядышком отпечатали ноги...

— Ну и что... ну, помню, — сам не зная отчего смутился Вася. И потому слегка насупился. — Теперь наши следы наверно нам уже малы. Лапы-то, небось, выросли за лето...

— А пойдем посмотрим!

Васе по-прежнему было почему-то неловко. Но Мару толкнул его шиной под коленку:

«Иди, иди...»

Через подсохший репейник и бурьян они выбрались к тыльной стороне кирпичного склада. Бетонная полоса у фундамента обросла по раю сурепкой и мелкой ромашкой. На стебельках искрились капли от недавнего случайного дождика, который пробежался по пустырям.

В двух отпечатках босых ступней тоже блестела дождевая вода. В ней безбоязненно плескались два воробья. Или, возможно, воробей и воробьиша. Воробья Вася узнал по торчащему хохолку.

— Привет, Крошкин!

Крошкин радостно чирикнул в ответ, но тут же взъерошился, запрыгал боком, завскрикивал скандально. Его подружка — тоже. Потому что в пяти шагах шумно опустилась на бетон черно-серая растрепанная ворона. Мерзко крякнула. Сразу было видно, что у нее с воробьями давние счеты. И сейчас она их сведет!

Разве мог Вася Перепёлкин допустить такое «свинство-воробьиство»?

Он выхватил рогатку и прицелился в ворону.

Никакого заряда в кожанке не было, но ворона про это не знала. А с рогатками она, видать была знакома. В один миг вредная птица взмыла над бетоном, панически заорала и унеслась, кувыркаясь в воздухе, как отброшенный комок мусора.

— Тот-то же... — сказал Вася.

Мика засмеялась:

— Как она перетрусилась!..

Крошкин весело чирикнул на прощанье и вместе с воробьишкой полетел прочь.

— Привет Акимычу и Филиппу! — крикнул вслед Вася. — И Степе!.. Сажи, что я скоро приду на «Богатырь»!

Тут же царапнула его грустная мысль: прийти-то он придет, а будет ли там весело? Небось Филипп опять грустит из-за разлада с Олей... Прав Мару: хлопотная эта штука любовь...

От досады он махнул рогаткой, как плеткой, щелкнул резиной себя по ноге.

— Хорошая рогатка, — похвалила Мика. — Такая же как у моего дедушки, когда он был вроде нас. У меня его мальчишечья фотография есть с такой рогаткой...

Конечно же Вася открыл рот для вопросов! Но Мару снова ткнул его в ногу:

«Ни слова о дедушке!»

«Почему?»

«Ни слова! Потом объясню!»

Ну что же, Вася понимал, что Мару не дает пустых советов. И быстро сказал о другом:

— Ну, давай померим наши следы!

Он сбросил кроссовку, сдернул носок и вставил ступню в отпечаток — теплая вода выплеснулась наружу. Мика, зачем-то подобрал коротенький клетчатый подол, аккуратно поставила ногу в свой след.

И Васина, и Микина нога вошли в свои отпечатки точь в точь! Словно следы на

бетоне были оттиснуты лишь вчера!

— Вот это да, — сказал Вася, не зная, радоваться или огорчаться. — Выходит, мы за лето ни капельки не выросли?

— Ну и что? — отозвалась Мика. — А куда нам торопиться?

— А ведь и правда. Тем более, что еще неделя каникул... И знаешь что?

— Что?

— Бетон-то на солнце. От тепла всё твердое расширяется, может быть, и он расширился чуть-чуть. Как раз на наш вырост...

— Может быть, — покладисто сказала Мика. — Вася...

— Что?

— А ты... не мог бы мне когда-нибудь дать попробовать прокатиться на твоём колесе? Показать, как это...

«Мару, можно?» — очень неуверенно спросил Вася и был готов ко всякому ответу. Но Мару отозвался, хотя и без удовольствия, но и без капризности:

«Ладно уж. Куда деваться-то...»

— Ладно, Мика! Ты только не говори «колесо». Его зовут Мару. И оно даже не «оно», а «он». Мальчик!

Мика ничуть не удивилась:

— Ладно!

— Хочешь сейчас попробовать?

— Ой, нет... Мне сейчас надо домой. Приходи к нам после пяти, бабушка будет уже дома. Она про тебя много раз спрашивала после твоего приезда, почему Вася не заходит в гости...

Конечно же Вася снова открыл рот для множества удивленных вопросов. И опять Мару нервно крутнулся у ноги:

«Ни слова про бабушку!»

«Почему? Я же никогда ее не видел!»

«Потом объясню!»

И Вася послушался вновь..

Мика крутнулась на мокрой пятке и, помахивая снятым белым гольфом и сандалеткой, поскакала прочь.

Оркестр

«Почему ни слова о дедушке?! Почему ни слова о бабушке?! — вцепился Вася в Мару, когда Мика исчезла. — Что за фокусы?!»

«А вот потому... Ты сейчас пустился бы вспоминать, какой прекрасный дедушка и как вы замечательно доехали до города в его машине. И Мика решила бы, что ты свихнулся от солнечного удара...»

«По-че-му!»

«Сядь сперва... чтобы не упасть»,

Вася сердито засопел, но сел сразу. Прямо на бетон, спиной к нагретой кирпичной стене. Чтобы не тратить времени на споры.

«Ну?»

«Дело в том, что *на самом деле* тебя провожал домой не Микин дедушка, а ее бабушка. И не на машине, а на электричке. Ты Микиной бабушке очень понравился, когда познакомился с ней...»

«Я с ней не знакомился», — набыченно отозвался Вася. Дело явно клонилось к чему-то нехорошему.

«Знакомился... А вот с дедушкой ты как раз не был знаком...»

«Чего ты чепуху-то порежь...» — уныло сказал Вася, чуя, что Мару говорит правду.

«Вовсе не чепуху... потому что Микиного дедушки уже четыре года нет в живых...»

Вася дернулся, чтобы вскочить. Не вскочил, ослаб. Чуть не заплакал:

«Почему?..»

«Ты же выменял у мальчика Сережи рогатку! Забыл?»

«Не забыл... Ну и что?»

«Будто ты не понимал, что делаешь...»

«Я... ничего не понимал! При чем тут рогатка!»

«Сережа отдал ее тебе. И не пошел стрелять по стеклам. И не случилось беды, не порезал он руку. И значит, стал, кем хотел. Скрипачом. Вернее, альтистом... Альт это инструмент чуть побольше скрипки. Голос у него такой, чуть бархатистый...»

«Да знаю я! А почему... прочему его... больше нету на свете?!» — взорвался Вася молчаливым криком.

«Сергей Сергеевич Таевский стал очень известным альтистом. Таким же, как Юрий Башмет. Он выступал во всем мире и побеждал во всяких международных конкурсах. Его любили во всех странах, и он летал с концертами из одной страны в другую и был счастлив, потому что сбылась главная мечта его жизни — быть все время с музыкой...»

«А что же случилось-то?» — обреченно спросил Вася.

«Четыре года назад он полетел из Нью-Йорка домой, и самолет взорвался вскоре после взлета. Над океаном... Ты же знаешь, такие дела случаются иногда...»

«Значит я во всем виноват...» — безнадежно подвел итог Вася.

«В чем виноват-то? — вскинулся Мару. — В том, что исполнилась его главная

мечта? Он же сам говорил: полжизни отдам, лишь бы не расставаться с музыкой...»

«Все равно... Что мне теперь делать-то?»

«Теперь — ничего, — как-то удивительно спокойно отозвался Мару (круглолицый темноволосый мальчик в больших очках). — Что было, то было. Это не ты, а... всемирное движение колес... А тебе пора домой. А то и правда хватятся».

Вася подумал и встал. И тихо пошел через пустырь в переулок.

Он брел, а Мару ковылял рядом, то и дело чиркая по ноге педалью. Прыскали в стороны кузнечики. Вася пытался понять, что у него в душе. И наконец подумал с виноватым вздохом: «Что же теперь... В самом деле: что было, то было...»

А может быть, что-то просто приснилось? Придумалось? Например, Микин дедушка-ботаник?..

Он еще долго так размышлял бы на ходу, но посреди переулка его окликнули:

— Вася! — сразу два голоса.

Он оглянулся. Сзади шли Филипп и Оля.

Они шли рядышком, и у Оли шевелились в теплом воздухе волосы, а в бороде Филиппа горели медные искры. И глаза у них у обоих были счастливые.

Вася глянул, мигнул. И сказал в упор не улыбаясь и требовательно:

— Вы что? Выходит, все-таки помирились?

— Да! На веки вечные! — радостно призналась Оля. А Филипп сдержанно улыбнулся:

— Теперь уж насовсем...

Вася подумал. И спросил о главном:

— Значит, ты теперь напишешь картину «Мальчик и музыка»?

— Я уже написал! Приходи на «Богатырь», увидишь... И знаешь, там случилось маленькое чудо!

— На картине?

— Да!.. Я нарисовал мальчика в рубашке с погончиками, вроде той, что ты носил тогда. А утром смотрю — на нем футболка с зелеными звездами, как сейчас на тебе... Кисточка распорядилась.

«Все равно эта картина не про меня, — подумал Вася. — Она про Сережу Таевского». А вслух сказал:

— Разве там можно различить на одежде звезды? Ты же говорил, что на картине сумерки...

— Сумерки и лунный свет. Звезды при нем проступают вполне отчетливо... А скоро я напишу картину «Незнакомый город новым летом».

— Как это? — не сдержал любопытства Вася.

— Там будет все тот же город, только... по одной из улиц идем Оля и я. Или почти Оля и я... И всюду солнце. И оно будет блестеть и сиять от счастья так... нет, даже не блестеть, не сиять, а... не могу подобрать слово...

— Оно будет *рыдать* от счастья, — серьезно сказал Вася. И быстро глянул в голубые глазки Филиппа.

Глазки стали темно-синими глазами.

— А ведь правильно... — сказал Филипп с выдохом. — Это да... правильнее

всего.

И, кажется, все разом увидели на миг чудесный город в сияющих брызгах обильных счастливых слез. В радугах и влажном сверкании. И то, что было там богатство солнца, понятно. А то, что слезы... Ну, наверно, не бывает настоящего счастья без слез.

Филипп чуть обогнал Васю, встал перед ним.

— Да... Помнишь, я говорил тебе, что, если не совладаешь с загадкой семи музыкальных нот, я научу тебя управляться с семью красками радуги?

Вася неловко кивнул, он помнил.

— По-моему, тебе это не надо, — задумчиво сказал Филипп.

— Почему? — огорчился Вася.

— По-моему, ты будешь владеть другой загадкой — словами. Ты умеешь находить самые нужные слова. И, скорее всего, станешь сочинять сказки. Это одно из самых хороших дел на Земле.

— Ну... я не знаю, — пробубнил Вася и стегнул себя по ноге рогаткой. — Вообще-то я хотел быть путешественником...

— Одно другому не мешает, — серьезно сказал Филипп. А Оля объяснила полупшепотом:

— Про сказки в себе сначала никто не знает. А потом *такое* просыпается однажды...

Она потрепала Васю по волосам, и Филипп тоже потрепал его и сказал «увидимся у Акимыча», и они пошли вдоль по переулку, и Вася смотрел вслед, пока Мару не толкнул его:

«Это они тебе должны говорить спасибо».

«Почему?» — опять насупился Вася.

«Потому что им было предназначено поссориться навсегда. Но ты между делом освободил два колеса от каменного осколка. И вот...»

«Значит это были их колеса?!»

«Да. И в этом удивительное совпадение. Поразительная случайность, что именно они попались тебе на пути... Знать про такое заранее невозможно».

«Жаль, что невозможно, — вздохнул Вася, потому что теперь опять вспомнил о доме. — А то бы...»

«Что а то бы?» — осторожно спросил Мару.

«Найти бы такие колеса, чтобы мама и папа не ссорились. Вытащить бы из их зубцов камни... А то я тогда поставил свечку, а это не помогло. Наверно, потому, что не внутри, а снаружи...»

«Отчего ты решил, что не помогло?»

«Ну, ругаются же, как и раньше!»

«Они уже две недели не ругались. И больше не будут. И никакого колеса тут не надо, есть другая причина...»

«Какая?» — сразу испугался Вася.

«Ну... достаточно важная».

«Какая?! Хорошая?»

«Н-не знаю. Это тебе решать...»

«Мару, не вертись! Отвечай прямо!» — перепуганно взвыл Вася (если можно взвыть мысленно).

Мару неловко хихикнул:

«Как не вертись, если я колесо...»

«Говори, что случилось!»

«Они тебе сами скажут прямо... когда придешь. Это ваше дело семейное...»

«Разводятся!.. — панически ахнул Вася. — Доссорились!..»

Он вскочил на педали:

— Вперед!

Мама и папа были дома. Они о чем-то весело разговаривали, без спора. Ну и понятно!. Теперь-то чего спорить, когда все решено...

Вася посреди комнаты соскочил с педалей и встал часто дыша.

— Во герой! — радостно сказал папа. — Прямо юный укротитель львов среди саванны...

Вася и правда был похож на укротителя. Решительный, с насупленными бровями, он стоял, широко расставив кофейные искусанные сорняками ноги и помахивал, как плетью, длинной рогаткой. В упор смотрел то на отца, то на мать.

— Не хватает лишь любимой африканской панамы, — согласилась мама с папой. — Кстати, где она?..

— Не заговаривайте зубы, — сумрачно отозвался Вася. — Я все знаю.

Мама с папой переглянулись.

— Любопытно, — сказал папа, — откуда ты мог *это* узнать. Поделись...

Вася не стал делиться. Он поглядел в упор на мать, на отца и решительно сообщил:

— Имейте в виду. В *таком* случае я не останусь ни с кем из вас. Я уйду жить к Акимычу на «Богатырь».

Мама и папа переглянулись снова. Папа поскреб недавно выбритый подбородок. Мама вдруг осторожно присела перед Васей на корточки.

— Ты что? Боишься, что нам будет тесно? Не бойся. Мы еще поднакопим денег и скоро купим двухкомнатную квартиру.

Вася обалдело мигнул:

— Зачем?

Папа напомнил:

— Мы же давно хотели такую. С телефоном...

Вася обмяк.

— А вы... разве не разводитесь?

Мама (видимо, от удивления) выпрямилась. Посмотрела на папу.

— М-да... Яночка, разве мы разводимся? — сказал папа и опять поцарапал подбородок. — Я что-то не слышал про такое...

— Это было бы не совсем кстати, — задумчиво сообщила мама. — Да. Это было бы даже совсем не кстати... Вася, откуда ты это взял?

Мару, кажется, хихикнул у Васиной ноги.

— А... почему вы тогда перестали ссориться? — пробормотал Вася и огрел себя рогаткой по ноге (а заодно и Мару).

— М-да... — папа посмотрел на Васю, на маму и на ширму (за которой неутомимый Гуревич негромко, но бодро транслировал песню о красном маршале Ворошилове). — Видишь ли... Все вопросы, о которых можно было спорить, мы наконец обсудили и пришли к общим соглашениям. И теперь нам ссориться больше ни к чему, это даже опасно. Вредно для маминого здоровья...

— Да, — подтвердила мама. И глянула на Васю со странной лаской. — Ты лучше скажи: кого бы ты хотел: сестренку или братика?

Вот оно что!

Васе почудилось, что все пространство вокруг чуть качнулось и сделалось другим (а Гуревич заиграл вальс из балета «Щелкунчик»). Вася понял, что на лице у него беспомощно-счастливая улыбка.

— Вот это да... Ссорились, ссорились и вдруг... Когда вы успели-то?

Мама глянула на Васю уже без ласки. А потом на папу.

— Послушай рассуждения нашего дорогого сына! Каков болтун! А все потому, что парню почти десять лет, а ты до сих пор его так ни разу не...

— Да-да! — часто закивал папа. — Это придется исправить в самое ближайшее время.

Все еще улыбаясь, Вася снисходительно сообщил родителям:

— Да ладно вам. Может, вы еще расскажете, что новорожденных покупают в аптеках? Откуда берутся дети, нам объясняли в детском саду... Мама, а ты скоро пойдешь в декретный отпуск?

— Еще не очень скоро, — суховато отозвалась мама. — Ты не ответил на вопрос: кого тебе больше хочется?

— Разве это зависит от меня? — хмыкнул Вася.

— Ну... все-таки.

Вася старательно наморщил лоб. Кто лучше? Сестренка вроде Мики (или Юленьки Вишняковой) — это совсем неплохо. Братишка — скажем, вроде конопатога Максимки — тоже здорово. Но ведь это когда еще будет! Надо, чтобы они выросли. А грудные младенцы, они все одинаковы... Вася вежливо предложил:

— Мама, ты на всякий случай постарайся, чтобы получились сразу двое. Тогда никаких вопросов...

— М-да... — озадаченно сказал папа.

Мама покусала губы.

— Я постараюсь. Но, сами понимаете, друзья, гарантировать ничего не могу...

— Ладно. Главное, не болей и не нервничай, — серьезно сказал Вася. Он понимал, что у него начинается новая жизнь.

Но и с прежней жизнью расставаться не хотелось. И отчаянно потянуло Васю на улицу, под яркое, еще совсем летнее солнце. Он поставил попряме Мару и вскочил на педали.

— Мама, папа! Я еще покатаюсь!

— Стой! А кто будет заниматься делами? — привычно зашпорила мама. — Завтра

учебный год, а у тебя ничего не готово!

— У нас еще свободная неделя! — И Вася, взмахнув руками, как крыльями, вылетел на Колесе через порог.

По лестнице Вася, конечно, проскакал вниз на своих ногах, а у подъезда опять хотел вскочить на педали. И... неожиданная неловкость остановила его.

«Мару...»

«Что?»

«Мне как-то... Не знаю... Пока ты был Колесо, я на тебе ездил... А сейчас ты мой друг Мару. Ты совсем, как... человек. Тебе, наверно, обидно...»

Еще Вася хотел сказать, что нельзя же ездить верхом на круглолицем темноволосом приятеле-мальчишке в очках. Получается неравноправие.

Мару все понял в один миг.

«Не бойся! Все правильно! Я катаю тебя, потому что умею! Такая моя природа! А ты... ты ведь тоже часто носишь меня на себе, в руках, под мышкой... Давай так! Когда мы будем с тобой разговаривать про разное... про жизнь, ты думай, что я мальчик в очках. Когда ты гладишь мою шину, думай, что я черный котенок с белой грудкой. А когда я несу тебя на педалях, считай, что я вроде конька-горбунка. Или такая лошадка-пони с темной челкой и в больших человеческих очках...»

«Ладно! — обрадовался Вася. Все решилось самым лучшим образом. — Мару! А когда я вырасту и стану тяжелым, ты будешь катать моего брата или сестренку?»

«Обязательно! А если будет двое, то по очереди!»

Вася засмеялся и привычно прыгнул на стертые педали-деревяшки.

Скоро Вася и Мару оказались в переулке, который назывался Береговой спуск. Здесь блестели на траве капли, сверкали на асфальте лужицы, в палисадниках отражали солнце мокрые листья. Потому что, пока Вася объяснялся с мамой и папой, над городом Осинцевом опять пробежался короткий солнечный дождик. Дышалось удивительно легко, тополями пахло, как в июне.

«Ну, куда мы?» — спросил Мару.

«Не знаю... Наверно, на „Богатырь“. К Мике еще рано...»

Они неторопливо поехали вдоль травянистой обочины, где вторым цветом желтели поздние одуванчики. И все было хорошо, но на самом доньшке души у Васи все же скреблась тревога.

«Мару... а вот приду я сегодня к Мике, а там ее бабушка. Она будет со мной, как со знакомым, а я ее даже не знаю...»

«А ты напрягись, постарайся вспомнить... как ехал с ней в электричке. Попробуй!»

Вася постарался... и вспомнил!

«Да!.. Но, значит, Микиного дедушки на даче не было?»

«Ну... не знаю, — грустно откликнулся Мару. — Теперь как хочешь, так и думай...»

«По-моему, он все-таки был, — насупленно решил Вася. — Никуда не денешься... И все равно я, наверно, виноват, что он не дожил до нынешнего дня».

«Вася...» — сказал Мару тоже угрюмо.

«Что?!»

«Я не хотел говорить... но раз уж ты снова об этом, я должен сказать...»

«Что?!» — Вася чуть не сорвался с педалей.

«Микин дедушка... он все равно не дожил бы до *нынешнего дня*».

«Почему?!»

«Я не хотел говорить... — виновато повторил Мару. — Но раз уж ты... Дело в том, что, когда дедушка и Мика отвезли тебя домой и возвращались на дачу, их машина... Ну, знаешь как говорят: водитель не справился с управлением, и автомобиль вынесло на полосу встречного движения, по которой двигался КАМаз...»

Сумрачно стало. Почти темно. Вася соскочил с педалей. Постоял. Сел на краешек тротуара. Мару приткнулся рядом.

«И... значит, всё...» — словно увязая в темноте, спросил Вася.

«Да...»

«И... Мика?»

«Она тоже...»

Вася рванулся, чтобы помчаться к Мике! Чтобы ничего этого не было!

«Да и не было ничего... — эхом откликнулся Мару. — Не бойся. Мика сейчас дома, и старается укоротить на себе форменный клетчатый жилет. За это ей попадет от мамы и бабушки, но не очень... Но представляешь, что *было бы*, если бы ты там, в цирке, не выменял рогатку...»

Вася представил на миг. И больше не захотел представлять. Нисколечко! Он замигал, чтобы влажный солнечный день вернулся к нему. И день стал возвращаться. С зеленью мокрой травы, запахом тополей, золотой россыпью одуванчиков...

«Спасибо Гуревичу, — виновато сказал Вася. — Это ведь он придумал цирк... А мы сегодня с ним даже не поздоровались...»

«Да, подзабыли мы старика, — признался Мару. — Ну, ничего. Сегодня вечером будем с ним беседовать долго-долго. И попросим его устроить концерт по заявкам. Он это ужасно любит...»

И, словно эхо от слов о концерте, рядом ударила музыка!

Это была беспорядочная музыка самодельного оркестра. Оркестр состоял из семерых пестро одетых мальчишек помладше Васи. Они маршировали по тротуару и старательно извлекали мелодию из чего только можно. Один брякал друг о дружку кастрюльными крышками. Другой лихо водил поварешкой по оцинкованной стиральной доске. Третий дудел в картонный контрабас. Четвертый лупил по тугому полиэтилену, натянутому на жестяной бачок. Но были в оркестре и настоящие инструменты: пластмассовая флейта, крохотная скрипка и сверкающая губная гармошка.

На гармошке играл Максимка!

Скрипка, гармошка и флейта выводили настоящую мелодию, которая приводила в порядок и заставляла поддерживать дисциплину в жестяном лязганье и барабанном уханье. И мелодия эта показалась Васе знакомой. Очень знакомой, хотя и непонятно откуда.

Вася встретился с Максимкой глазами. Максимка на миг оторвал сияющую

гармошку от губ, сам просиял и крикнул:

— Мы празднуем лишнюю неделю каникул!

Вася вскочил. Вернее, его пружинисто толкнула вверх музыка. Вася прыгнул на педали и спиной вперед поехал впереди оркестра. Взмахнул руками и начал дирижировать музыкантами! Скажи ему раньше кто-нибудь про такое, он бы ни за что не поверил. Но теперь он дирижировал, ничуть не стесняясь, и как бы сливаясь с озорной музыкой Максимкиного оркестра. И самые строптивые, самые самодельные инструменты слушались Васю Перепёлкина, когда он, стоя на педалях, командовал маршем «Веселые каникулы», в котором лишь очень глубоко пряталась еле приметная грустинка.

А по асфальту и одуванчикам рядом с Васей двигалась на кружевном колесе тонкорукая тень-дирижер.

И скользила над травой тень музыки.

И город Осинцев, сверкающий после теплого дождика, делался все больше похожим на разноцветный Незнакомый город.

2001 г.